

Печатается, по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор психологических наук, чл.-кор. АН
и АПН СССР *С. Ф. Ломов*
кандидат психологических наук *В. В. Сталин*

Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 200 с.

Монография посвящена 'Восприятию и пониманию людьми друг друга. В ней рассматриваются закономерности и механизмы восприятия и понимания человека как объекта познания, дается анализ психологической интерпретации личности личностью и показывается, как на эту интерпретацию воздействуют характеристики личности, связанные с ее возрастом, профессией и индивидуально-неповторимым своеобразием. Монография рассчитана на специалистов, представляющих гуманитарные науки, но ее с интересом прочтут все читатели, которые хотят разобраться в законах, по которым строится общение людей.

31304000000—017 20—92

Издательство Московского университета, 1982 г.

077(02)—82

В настоящее время во всем мире все новые ученые включаются в разработку комплекса проблем, составляющих психологию познания людьми друг друга. Каждый ученый интересуется, как правило, отдельными и частными вопросами, относящимися к этому большому комплексу, но все вместе они создают предпосылки для глубокого проникновения в существо процесса формирования у человека знания других людей, а также для подлинного постижения роли этих знаний в поведении и деятельности человека. Исследуются общие особенности формирования образа другого человека и понятия о его личности, выясняется значение пола, возраста, профессии и принадлежности человека к той или иной социальной общности для образования у него знания о других людях, выявляются типичные ошибки, которые допускает человек, оценивая окружающих его людей, прослеживаются связи между познанием им самого себя и отражением других лиц. Ранее неизвестными фактами, таким образом, обогащаются многие отрасли психологической науки, а практики получают дополнительные возможности для более эффективного руководства организацией взаимоотношений людей, оптимизации процесса их общения в сфере труда, учения, быта.

Накапливаемые факты, проясняющие все новые взаимозависимости характеристик человека, когда он выступает одновременно как объект и субъект познания других людей и как объект и субъект общения и воздействия на других и со стороны других, дают все больше оснований для выделения психологии познания людьми друг друга в относительно самостоятельную область научного исследования. Бесспорно, формирование образов людей и формирование понятий о личностных качествах их подчиняются тем же законам, по которым разворачивается формирование у человека образа предмета или обобщенного о нем знания. Но поскольку в этом случае в качестве объекта познания выступает человек, а не предмет, не вещь, познание его приобретает новые черты. Он отражается в образах и понятиях, которые возникают у познающих его людей, не только своими пространственно-временными характеристиками и даже не только как лицо определенного физического склада, пола, возраста, но и непременно как личность, т. е. как член социальной общности, как индивид, обладающий каким-то характером, способностями, конкретно проявляющимися у него и в том, что он делает, и в том, что он говорит, и в том, что он познает.

Говоря о специфичности познания человеком человека, необходимо также видеть, что оно, как правило, связано с установлением и сохранением коммуникаций. Будучи проявлением такого познания, образы других людей и складывающееся у человека обобщенное знание о них постоянно зависят от целей и характера его коммуникаций с другими людьми, а на эти коммуникации в свою очередь всегда влияет та деятельность, которая объединяет людей, ее содержание, ход и результаты,

Образы и понятия, которые формируются у людей друг о друге, неся людям информацию об объективных характеристиках каждого участника деятельности и о его возможностях, позволяют им вести себя в соответствии с отмечаемыми ими у другого человека свойствами и целесообразно планировать свое поведение. Таким образом, названные формы отражения выполняют важнейшую функцию при объединении людей — они являются регулятором общения.

Человек в роли объекта познания, как и любой объект действительности, вызывает у познающих его людей определенное отношение. Но по причине того, что он сам способен «творить мир», активно влиять на ход общения, на результаты труда с другими, он своим поведением сильнее всего воздействует на отношение к нему со стороны окружающих его людей. А имеющиеся у этих людей оценочные эталоны, стереотипы и установки, актуализируясь при взаимодействии с оцениваемым человеком, в свою очередь в громадной степени обуславливают конкретное своеобразие впечатления, которое этот человек затем у каждого из них вызывает.

В познании человеком других людей без большого труда могут быть выделены этическая, эстетическая и аксиологическая характеристики. Этическим, эстетическим и просто широким ценностным нормам человек постоянно следует в своем выразительном поведении, оформлении внешности и поступках, когда он оказывается в роли объекта познания для других. И он более или менее сознательно исходит из этих же норм, когда ему приходится оценивать любого из окружающих его людей. Во всех таких случаях сформированные у него критерии нравственного и безнравственного, важного и неважного, ценного и не имеющего цены неизменно определяют характер восприятия им других людей и интерпретацию их внутреннего мира. В этих образах и в этом понимании, в конце концов, всегда отражается положение, которое вообще занимает человек в той системе ценностей, на которую познающий субъект ориентируется в своем повседневном поведении. Положение человека в системе ценностей проявляется четко в том, насколько устойчиво субъект стремится к раскрытию индивидуально-неповторимых характеристик каждого из познаваемых им лиц и, стало быть, насколько он тяготеет к выбору оптимальных способов поведения по отношению к этим лицам. Как свидетельствуют факты, устойчивость такого стремления у лиц, для которых работа с людьми является их профессиональным делом, оказывается одним из важнейших условий общего успеха их деятельности.

Вместе с тем к настоящему времени накоплено значительное количество данных, которые в разных планах освещают процесс психологической интерпретации человеком другого человека как личности. В предлагаемой читателю монографии предпринята попытка свести все эти данные вместе и в единой системе представить особенности, которые характеризуют формирование понятия у личности о личности.

ГЛАВА I

ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Среди проблем, в глубокой и всесторонней разработке которых одинаково заинтересованы как теоретические науки о человеке, так и практика, важное место занимает проблема отражения людьми друг друга в процессе различных видов деятельности. Этой проблеме и посвящена данная работа. Опираясь на теорию формирования человека как субъекта труда, познания и общения, основы которой были заложены Б. Г. Ананьевым¹, мы делаем попытку проанализировать процесс познания человека человеком и, привлекая экспериментальные данные, раскрыть ряд возрастных, профессиональных и индивидуальных особенностей, характерных для этого процесса.

Познание и взаимное воздействие людей друг на друга — обязательный элемент любой совместной деятельности, даже если ее целью не является прямое решение задач воспитания и она всецело направлена к достижению какого-то материального результата. От того, как люди отражают и интерпретируют облик и поведение и оценивают возможности друг друга, во многом зависят характер их взаимодействия и результаты, к которым они приходят в совместной деятельности.

Главными видами деятельности, в которых люди выступают субъектами познания других людей, являются общение и труд. Процесс общения является таким видом взаимодействия людей, в котором последние выступают по отношению друг к другу одновременно (или последовательно) и объектами, и субъектами. Именно благодаря общению поступок личности *А* становится обстоятельством жизни *В*, *С*, *Д* и т. д., а их поступки, экспрессивные действия в свою очередь оказываются обстоятельством жизни для *А*. Этот осуществляемый различными видами коммуникаций переход поступка одного человека в обстоятельства жизни других людей является характерной особенностью совместной жизни и деятельности людей. Но каждый человек выступает по отношению к партнерам по общению не только как объект и субъект воздействия, но одновременно и как объект и субъект познания.

1 См. Ананьев Б. Г. 1) Педагогические приложения современной психологии. Советская педагогика, 1964, № 8; 2) Человек как предмет воспитания. Советская педагогика, 1965, № 1; 3) Человек как предмет познания. Л., 1968.

В процессе общения достигается взаимопонимание, слаженность при выполнении работы, растет способность прогнозировать поведение друг друга в тех или иных обстоятельствах или, наоборот, возникают конфликты и моральные противоречия, разлад в работе, проявляется неспособность предугадать поведение партнера по общению. Достижение положительного результата в общении, как правило, связано с адекватным чувственным отражением друг друга общающимися субъектами, накоплением и правильным обобщением ими информации друг о друге. Отрицательный результат в общении часто оказывается следствием неадекватного отражения общающимися друг друга, недостаточности и неправильного истолкования информации, которой каждый из них располагает. Громадное значение в интерпретации чувственных данных отражения облика и поведения других людей и регуляции взаимодействия с ними в общении имеет опыт труда, познания и общения, который накоплен человеком в ходе жизни, а этот опыт у каждого человека всегда индивидуально своеобразен, и общающиеся всегда более или менее отличаются друг от друга как личности. Кроме того, взаимодействующие в процессе общения индивиды могут преследовать как одну и ту же, так и разные цели. Поэтому общение — это и сложнейшее переплетение отношений общающихся друг к другу, к совместной деятельности и ее результатам, и к самим себе, и одновременно яркий показатель умения общающихся понять и объективно оценить друг друга.

Общение как процесс непосредственного установления межличностных связей и взаимодействий людей определяется системой конкретных общественных отношений. Оно, как указывает Б. Г. Ананьев, всегда соответствует определенным, исторически сложившимся и социально необходимым формам коммуникаций и регулируется нормами общественного поведения². Социальное и личное связаны как в структуре, так и в динамике процесса общения самым теснейшим образом. Взаимодействуют в этом процессе общественные индивиды, формирование которых как личностей является конкретным выражением конвергенции труда, общения и познания. Средства коммуникации, которыми они пользуются для установления контакта друг с другом, общественны по своему происхождению и индивидуальны по употреблению. Такова речь — индивидуальное проявление важнейшего средства связи, созданного обществом, — языка. Таковы мимика и пантомимика, когда они начинают выполнять коммуникативную роль; таковы, наконец, и способы поведения каждого человека по отношению к другим людям.

Человек формируется как субъект познания других людей, накапливая и расширяя жизненный опыт, овладевая знаниями о природе, обществе, человеке и его сознании.

² См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет воспитания. — Советская педагогика, 1965, № 1.

Обязательное преломление индивидуального опыта через систему научных знаний об обществе и человеке, а также идей и образов искусства — одно из важнейших условий формирования человека как субъекта познания в современную эпоху.

Но общением с людьми, усвоением научных знаний, идей и образов искусства не исчерпывается процесс формирования человека как субъекта познания себя и других. Громадную роль в выработке у человека общего подхода к другим людям, определения действительной ценности личности каждого из них играют личный труд и место, занимаемое этим человеком в системе общественных отношений.

Для достижения целей трудовой деятельности каждый из ее участников должен отвечать каким-то требованиям и обладать определенными качествами. Усваивая эти требования, человек учится искать и отмечать наличие или отсутствие этих качеств у других людей и у себя. Место человека в обществе, его классовая принадлежность, роль в процессе создания материальных ценностей и усваиваемые им в связи с этим морально-эстетические нормы всегда сказываются на объективности восприятия и понимания этим человеком других людей, на том отношении, которое у него к каждому из этих людей складывается.

Отражение человеком других людей нельзя рассматривать как нечто статичное, раз навсегда данное. Развитие индивида как субъекта познания других людей проходит много фаз и этапов, которым соответствуют и глубокие изменения в структуре индивидуального сознания. Мысли, чувства и поведение человека по отношению к другим людям свидетельствуют об общем развитии личности. Поэтому отражение одного человека другим может разворачиваться на различных уровнях. В конечном счете эти уровни опять-таки зависят от того, каким, образно говоря, «фондом» трудовой деятельности, познания и общения обладает личность. Незначительный или только еще начавший складываться у человека опыт труда, познания и общения неизбежно приводит к низкому уровню адекватности отражения им других людей.

На разных возрастных ступенях содержание, конкретное соотношение и характер взаимодействия труда, познания, общения и производных от них видов деятельности, в которые включается человек, неодинаковы. Соответственно неодинаковы на каждом из этапов и результаты совокупного и индивидуального воздействия всех этих видов деятельности на формирование человека не только как субъекта познания в целом, но и как субъекта познания других людей в частности. На всех ступенях формирования человека как личности уровень воспитанности субъекта влияет на характер поведения и отношения к нему окружающих, а стало быть, и на характер впечатлений, которые накапливаются у субъекта от общения с людьми.

Сущность и роль познания человека человеком в процессе взаимодействия людей станут яснее, если мы попытаемся взгля-

нута на них, используя понятия кибернетики. Норберт Винер именно с кибернетической точки зрения рассматривает процесс взаимодействия людей, когда пишет: «Устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо в свою очередь устанавливает связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, содержащий информацию, первоначально доступную для него, а не для меня. Управляя действием другого лица, я сообщаю ему сигнал, и, хотя сигнал дан в императивной форме, техника коммуникации в данном случае не отличается от техники коммуникации при сообщении сигнала факта. Более того, чтобы мое управление было действенным, я должен следить за любыми поступающими от него сигналами, которые могут указывать, что приказ попят и выполняется»³. Таким образом, необходимым условием взаимодействия между людьми является непрерывное получение информации каждым из его участников о различных сторонах и компонентах процесса взаимодействия.

Информация, поступающая в процессе взаимодействия людей к каждому из его участников, складывается, во-первых, из тех сигналов, которые человек в ходе совместной деятельности получает непосредственно от других участников; во-вторых, в нее обязательно входит информация, которую он также прямо черпает о себе через посредство своих экстеро-, проприо- и интерцепторов, сигнализирующих ему о ходе его собственного участия в деятельности, достигнутых результатах, его состоянии и пр. В-третьих, он постоянно получает информацию о внешних для всех участников деятельности условиях, в которых, а может быть, и благодаря которым эта совместная деятельность людей разворачивается. В-четвертых, он информируется об общих итогах деятельности.

Вместе все эти виды информации образуют сложный комплекс. В зависимости от требований момента значимыми оказываются то одни, то другие стороны, которые наиболее четко в данный момент и отражаются человеком. В свою очередь каждая из групп сигналов, входящих в этот самый сложный комплекс, который дает человеку разнообразную информацию о ходе совместной деятельности (о частичных и общих результатах ее, об условиях выполнения, о других участниках, о самом себе), также характеризуется многокомпонентностью. Не рассматривая все группы сигналов информации, поскольку это не входит в задачу исследования, проанализируем роль лишь той части информации, которую получает человек о непосредственно взаимодействующем с ним другом человеке.

Особенности, образующие внешний облик и поведение человека, многообразны, и все они для других людей могут выступать носителями определенной информации и играть роль сигналов. По одним признакам, входящим во внешний облик человека, люди

судят о его расовой и национальной принадлежности, по другим — о поле и возрасте, по третьим — о социальной Принадлежности и уровне культурного развития. Во внешнем облике и поведении каждого человека имеются признаки, наблюдая которые, люди выводят заключение о характерологических особенностях другого человека, его способностях, испытываемом им состоянии. Наконец, по определенным признакам мы судим, чем занят человек и как он делает свое дело сейчас и т. д.

Анализ показывает, что признаки-сигналы, из которых складываются внешний облик и поведение человека, могут иметь для других людей осведомительное значение и выполнять регулятивную, или прагматическую, функцию. Будучи отраженными, признаки-сигналы актуализируют в сознании воспринимающего субъекта большую или меньшую систему знаний, которую он привык связывать с каждым из этих сигналов, и предупреждают его о необходимости определенного поведения по отношению к тому человеку, которому этот признак-сигнал присущ.

Осведомительная и регулятивная функции сигнала тесно связаны, но полностью не покрывают друг друга. При богатстве связей с другим человеком и при наличии сравнительно высокого уровня психологической и гражданской зрелости взаимодействующий субъект может воспринять в другом человеке значительное число признаков-сигналов. Но, как правило, лишь часть этих сигналов становится регулятором поведения познающего субъекта при взаимодействии с воспринимаемым человеком. Остальные признаки-сигналы, отраженные индивидуумом в этот момент, будут как бы составлять избыточную информацию. Когда в ходе взаимодействия людей появляются новые задачи, происходит перераспределение ролей признаков, отражаемых познающим субъектом. Признаки, которые в предыдущей совместной деятельности имели для познающего субъекта только осведомительное значение и регулятивной нагрузки не несли, теперь начинают выполнять прагматическую функцию. Те же сигналы, которые ранее имели регулятивное значение, теперь переходят в разряд несущих по преимуществу осведомительную информацию.

Чем ограниченнее опыт общения индивидуума, тем меньше его способность (возможность) воспринять сигналы, которые несут только осведомительную, но не регулятивную информацию о взаимодействующем с ним человеке. С другой стороны, смысловая наполненность сигнализации о другом человеке может возрастать при отражении его познающим субъектом в процессе совместной деятельности, ко она может не использоваться при организации взаимодействия с этим человеком некоторое время или же не использоваться вообще. Регулирующим взаимодействие людей такой сигнал будет в этом случае только потенциально. И в самом деле, факты на каждом шагу убеждают, что, например, при нормальном течении процесса совместной деятельности, при реализации человеком целей, которые он хотел бы достичь, общаясь

³ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 30.

с другим человеком, определенная часть потока сигналов, получаемых при отражении облика и поведения партнера по деятельности, 'носит чисто осведомительный характер. И лишь в тех случаях, когда взаимодействие людей начинает идти не так, как хотелось бы одному из участников деятельности, и, стало быть, когда оказывается под угрозой достижение желаемого им результата, указанные сигналы из разряда только осведомляющих индивидуума о другом человеке переходят в разряд регулирующих его действия и, связываясь с другими прагматическими сигналами, более или менее перестраивают его поведение по отношению к этому человеку.

Исходя из сказанного, всю уже имеющуюся у индивидуума или поступающую к нему в процессе взаимодействия с другим человеком информацию можно условно разделить на группы в зависимости от ее содержания, способов хранения и целей использования. Видимо, можно выделить прежде всего общеосведомительную информацию. Это информация о внешних и внутренних устойчивых особенностях другого человека, которая накапливается и сохраняется длительное время, используется при общей оценке актуальных и потенциальных возможностей этого человека и влияет на выработку общего /подхода к нему. Затем индивидуум может располагать более конкретной и ограниченной осведомительной информацией, говорящей ему лишь о готовности другого человека к деятельности определенной сложности и длительности и о характерном для него поведении в условиях этой деятельности. Наконец, существует текущая оперативно-регулятивная информация о поведении, состоянии и возможностях человека, получаемая при взаимодействии с ним в данный момент в совершенно конкретных условиях при совместном решении определенной задачи и используемая немедленно. Само собой понятно, что все эти виды информации не отделены «китайской стеной» друг от друга и объемом и значением каждого из них в зависимости от характера и продолжительности совместной деятельности могут возрастать или уменьшаться.

Положение людей по отношению друг к другу в процессе совместной деятельности, их права и обязанности могут быть и одинаковыми, и различными. Это обстоятельство сказывается на содержании той информации друг о друге, которая имеет для каждого из них первостепенное значение. При сходе задач деятельности и совпадении в главном путей решения этих задач характер признаков, которые в каждом из участников имеют сигнальное значение, для обоих участников одинаков. При несхождении задач, осуществляемых в деятельности каждым участником, и несовпадении способов, с помощью которых эти задачи каждый из них решает, характер регулятивных признаков в партнере по деятельности для каждого — свой.

Два человека пилят бревно. У них в этой совместной деятельности объективно равное положение и одинаковые обязанности.

Осведомительную и одновременно регулятивную нагрузку для каждого из пильщиков в таких случаях несут те признаки в облике и поведении партнера, которые говорят об имеющемся у него запасе сил и умении. Фиксируются действия партнера: скорость отведения пилы к себе, нажим на ее ручку, угол, под которым он удерживает полотно пилы по отношению к распиливаемому стволу дерева, и т. п.

Для сражающихся на ринге боксеров одинаковой спортивной квалификации наиболее значимыми признаками в облике и действиях противника будут прежде всего признаки, свидетельствующие о его силе, технической и тактической подготовленности, волевой закалке. В ходе боя для обоих боксеров основную осведомительную и регулятивную роль будут играть особенности облика и действий противника, сигнализирующие о его физическом и психическом состоянии, об общем плане боя, о намерении его провести тот или другой прием и т. д.

Иная картина, когда взаимодействующие в деятельности люди различаются занимаемым в ней положением. Для мастера на производстве наибольшую информационную нагрузку о поступившем в его распоряжение рабочем несут те признаки, которые говорят о производственной подготовленности, владении инструментом, средней производительности труда, качестве работы при выполнении заданий разной сложности, знании правил техники безопасности и т. п. Для рабочего же наиболее значимыми в мастере являются признаки облика и поведения, говорящие о его организаторских навыках, объективности и справедливости при распределении работы, об умении помочь при возникновении трудностей, о внимании к рабочим, о способности отстаивать законные интересы бригады в целом и отдельных ее членов.

Для провинившегося ребенка в облике и действиях воспитателя наибольшую информационную нагрузку несут признаки, осведомляющие о настроении взрослого, намерениях по отношению к ребенку, степени объективности и искренности в оценке проступка.

Для воспитателя же важнейшую осведомительную и регулятивную роль в облике и действиях провинившегося играют те признаки, которые свидетельствуют о понимании ребенком ложности мотивов поступка, вреда его, о раскаянии, стыде и пр.

Таким образом, в первых двух случаях одинаковость объективных условий и тождественность требований, предъявляемых к каждому из участников деятельности, заставляют последних выделять и оценивать совпадающие в содержании (хотя, может быть, и различные по степени выраженности) особенности в облике и действиях друг друга. В последующих двух случаях неодинаковость объективных условий деятельности и нетождественность требований, предъявляемых к каждому из участвующих в ней людей, вынуждают их фиксировать друг в друге не совпадающие в содержании особенности.

Взаимодействие людей друг с другом может быть как непосредственным, так и обусловленным и осложненным опосредствующими звеньями.

Чтобы определенные виды совместной деятельности протекали успешно, совершенно необходимо прямое восприятие партнеров и их поведения. В других совместных деятельности людей для осуществления 'их целей нет необходимости в непосредственно получаемой информации о поведении друг друга. В подобных ситуациях характер действий одного участника деятельности часто определяется не результатами восприятия поведения партнера, а результатами действий машины, которой последний управляет, или восприятием материальных результатов его деятельности. В этих случаях восприятие облика и поведения партнера по деятельности не является регулятором поведения для другого участника. Оно снова может приобрести регулятивное значение, если воспринимаемый человек отступит от принятых воспринимающим субъектом норм деятельности. И, наконец, во многих видах совместной деятельности на разных ее этапах поведение человека регулируется как непосредственной информацией о действиях партнеров, так и информацией о материальных результатах их деятельности. Эта информация дается разного рода техническими устройствами и вносит коррективы в поведение воспринимающего субъекта.

Широта охвата сигналов информации, поступающих от другого человека, и преимущественный отклик «а одни из них и полное или частичное игнорирование других зависят не только от объективного значения этих сигналов для результатов совместной деятельности, но и от их субъективного значения, которое может не совпадать с объективным.

Значимость сигнала, т. е. субъективное отношение человека к поступающей информации, влияет также и на скорость переработки получаемой индивидом информации в ходе взаимодействия с другим человеком.

Мы знаем, что взаимодействие людей в различных видах деятельности протекает в речевой форме. Оно может проходить и в форме осуществления людьми физических действий, направленных на достижение определенной цели, одинаковой или неодинаковой для взаимодействующих. Оно может выглядеть и таким образом, что один человек говорит, а другие осуществляют физические действия. И, наконец, речевые реакции и физические действия одного человека могут переплетаться с физическими действиями и речевыми реакциями другого. Своеобразным аккомпанементом, подчеркивающим степень захваченности человека происходящим и значимости для него собственных действий и действий других людей, являются его выразительные движения. Таким образом, формы, в которые облекается информация, поступающая от одного человека к другому, неодинаковы в разных видах деятельности. В зависимости от видов совместной деятельности на-

родятся количество каналов связи, по которым поступает информация к одному участнику о других, и то, какая из форм информации является главной. В одних случаях наибольшую информацию могут нести и доминировать при построении образа другого человека сигналы, отражаемые зрительным анализатором, в другом — слуховым, в третьем — кинестетическим и т. д.

Если какие-то сигналы, получаемые при взаимодействии с другим индивидом, носят чисто осведомительный характер я не при- • обретают регулятивного значения для принявшего их субъекта (а так бывает, например, при восприятии признаков расовой и национальной принадлежности человеком, лишенным националистических предрассудков), это неизбежно приводит к превращению соответствующих раздражителей в индифферентные агенты и к постепенному отторгиванию и исчезновению тех реакций на них, которые могли наблюдаться раньше.

Исходя из своего прошлого опыта общения с разными категориями людей в разных обстоятельствах, индивидум ожидает от другого человека в каждой из ситуаций одни формы действий чаще, а другие реже. Это ожидание является субъективным выражением объективного факта вероятности сигнала.

Одним из необходимых условий взаимодействия людей, отвечающего сформированным у человека представлениям о нормальном течении этого процесса и о достижении в ходе его желательных целей, является непрерывное получение человеком информации о результатах его собственных действий в этом процессе. Это управление человеком своим поведением на основе действительного совершения действий в соответствии с содержанием самоприказа, а не ожидаемого их выполнения, достигается с помощью механизма обратной связи.

Высказывая другому человеку свое мнение и подкрепляя его соответствующими выразительными движениями, давая ему поручение, решая с ним вместе какую-то практическую задачу, индивидум непрерывно получает сигналы о том, как он действует и : какие результаты им достигаются. В центральный регулирующий аппарат его все время возвращается информация об осуществляемом воздействии на внешний мир, на другого человека.

Благодаря действию механизма обратной связи человек на основе достигаемого в ходе взаимодействия с другими людьми результата может корректировать свое последующее поведение, заменяя . использованные способы воздействия новыми, которые кажутся более эффективными.

Роль обратных связей при непосредственном общении людей хорошо показана в исследовании Г. Мейла⁴. Сенсорные сигналы, возникающие при отражении человеком облика и поведения собеседника, и слушание им собственной речи, информируя его

⁴ M a h I G. F. Sensory factors in the control of expressive behavior.— Acta ipsychologica, vol. XIX. Amsterdam, 1961.

о результатах общения, сказываются 'на дальнейшем течении и экспрессивном оформлении этого процесса. Искусственно вызываемые Мейлом перерывы в обратной связи, когда нарушалась слуховая самостимуляция, приводили к ряду новых явлений: а) нормальная интонация, характерная для речи испытуемых, утрачивалась; б) возникали необычные для голоса говорящего особенности (дрожание, прерывистость и пр.); в) речь убыстрялась; г) появлялся «агрессивный и виноватый» смех; д) спонтанно проявлялись глубоко личные особенности; е) выражение состояния личности через словесные и голосовые средства отклонялось от ставшей привычной для нее манеры. Все эти изменения не в одинаковой мере проявлялись у разных испытуемых. У некоторых сравнительно быстро наступала адаптация. У других же, когда нарушались обратные связи, указанные выше отклонения от нормы проявлялись достаточно сильно.

Когда исключалась возможность зрительного восприятия собеседника и, стало быть, опять же нарушались обратные связи, коммуникативных жестов у испытуемых становилось меньше, но число жестов некоммуникативных, аутистических возрастало.

Участвующие в регулировании взаимодействия одного человека с другим обратные связи отличаются друг от друга степенью сложности. В простейших обратных связях в грубой форме фиксируется успех или неуспех в достижении несложной цели, например удалось ли нам произвести строгим тоном какую-то фразу, чтобы удержать детей от шалости, и пр. С помощью механизма более сложных обратных связей в регулирующий аппарат человека поступает информация не о результатах выполнения отдельных действий, а о поведении в течение более длительного времени и в системе многих обстоятельств. «Логический тип» такой обратной связи иной, чем в элементарных обратных связях.

Пройденный человеком путь воспитания развивает у него привычку давать способам действия другого человека определенное истолкование и, чаще наблюдая одни из них и реже другие, заключать об устойчивых особенностях последнего. Человек накапливает статистические данные об особенностях поведения другого человека. Перерабатывая и обобщая их, он превращает эти сведения в командную информацию, участвующую в регулировании его поведения по отношению к этому человеку и позволяющую ему более или менее предугадывать наиболее вероятные действия последнего.

Изменения в поведении индивидуума, которые диктуются появлением нового в действиях другого человека и определенно истолкованной информацией, в конечном итоге опять-таки связаны с проявлением очень общего вида обратной связи.

Хорошо функционирующая обратная связь выступает одним из необходимых условий успешной работы руководителя, воспитателя, учителя. Неналаженность ее или 'Пренебрежительное к ней отношение приводят субъекта деятельности к действиям вслепую,

потому что отсутствие обратной связи фактически означает отрыв от действительности. Когда по какой-либо причине механизм обратной связи начинает «работать» с перебоями, человек, взаимодействующий с другими людьми, не фиксирует всех их действий, отражает их выборочно, случайно, вне связи друг с другом, неправильно их интерпретирует и, соответственно, неадекватно на «их отвечает. Контакт между людьми разлагается, взаимодействие нарушается.

Человек — не только субъект, но и объект познания, и в качестве такового он предстает перед людьми как индивид, как личность, как индивидуальность. Как индивид он всегда характеризуется определенными морфоконституционными, нейротипологическими, половыми и возрастными особенностями. Как личность он оказывается представителем определенной общественно-экономической формации, народа, класса, социальной группы, коллектива. Вместе с тем каждый человек выступает всегда и как индивидуальность, как неповторимый продукт, как единичный результат конвергенции совершенно конкретных естественных и общественных условий и обстоятельств, формировавших его как субъекта труда, познания и общения.

Особенности, характеризующие человека как индивида, как личность и как индивидуальность, всегда так или иначе запечатлеваются в образах и понятиях, которые возникают у взаимодействующих с ним людей. В зависимости от задач, решаемых людьми в совместной деятельности, значимость каждой из названных сторон человека может быть различной для окружающих и поэтому больше или меньше запечатлеваться в сознании последних. В повседневном общении каждый человек отражает физический облик других людей, их речь, особенности выразительного поведения, одежду, различные детали оформления внешности, выполняемые ими действия, выделяет признаки, которые могут говорить об их профессии, переживаемом состоянии и т. д.

Физический облик человека характеризуется типом сложения, половыми, возрастными и расовыми особенностями. Тип сложения человека в целом определяется его конституцией, которую современная наука рассматривает как совокупность морфологических, функциональных и реактивных особенностей организма, сложившихся на основе определенной наследственности и воздействий конкретной среды¹.

Сопоставляя, дифференцируя и оценивая анатомические признаки, образующие физический облик человека, взаимодействующие с этим человеком люди судят о его поле, расовой принадлежности, возрасте, состоянии здоровья и пр.

В разных видах взаимодействия физический облик человека и различные его элементы играют то большую, то меньшую роль.

¹ См.: Рог и некий Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955; Гинзбург В. В. Элементы антропологии для медиков. Л., 1963.

Взаимодействуя с людьми, индивид, «выбирая» стиль общения с ними, учитывает, как правило, их пол и возраст. В ряде деятельности: работе врача, педагога-хореографа, тренера, закройщика — правильная оценка особенностей физического облика людей — одно из условий успешного выполнения ими трудовых задач. При отборе исполнителей той или иной роли в кинофильме или спектакле черты физического облика артиста также оказываются значимым компонентом.

Помимо анатомических признаков, которые образуют физический облик человека, важным компонентом его внешнего облика являются так называемые функциональные признаки. К ним относятся мимика, жестикуляция, походка, осанка, голос, а также речь.

Психические процессы и присущие человеку в каждый момент внутренние психические состояния коррелируют с конкретными нервно-физиологическими и биохимическими характеристиками организма. Сложные психологические образования, которые представляют собой непрерывно перестраивающиеся по ходу деятельности ансамбли процессов и состояний, динамично выражаются во внешнем облике и поведении человека в виде совокупности¹ определенных признаков, организующихся в пространственно-временные структуры. Каждая такая структура включает конкретные характеристики мимики, пантомимики, интонации, темпа движений, качества деятельности и прочее и является сигнальным комплексом, информирующим другого человека о психических процессах и состояниях его партнера по деятельности. Следует отметить, что осведомительную и регулятивную функции несет комплекс в целом, а его компоненты в отдельности воспринимаются далеко не всегда. В осуществлении указанных функций эти компоненты не равноценны, и, если во внешнем облике или поведении человека появляется только один или небольшая часть признаков сигнального комплекса, взаимодействующему с ним индивидууму трудно уловить изменения в психическом состоянии партнера.

Совокупность мимических и пантомимических особенностей, соответствующих состояниям грусти, гнева, радости, страха и прочим, является сигналами этих состояний. Каждый из таких сигналов, имеющих как осведомительное, так и регулятивное значение для отразившего их человека, обладает сложной структурой. В нее, как правило, входят признаки разных модальностей (воспринимаемые зрительно, на слух, иногда кожно-мышечным путем). Одни из признаков, образующих структуру такого сигнала, характеризуются постоянством, другие — вариативностью. Человек, осваивая сигналы состояний в ходе взаимодействия с людьми, выделяет и объединяет признаки, характерные для каждого состояния.

Важнейшим элементом в физическом облике человека является лицо. Как ни режет слух фраза: «лицо — важнейший инструмент общения», однако факт остается фактом — большинство

людей в процессе общения чаще всего концентрируют свое внимание на лицах партнеров и больше всего на глазах, которые оказываются видимым центром человека для воспринимающего субъекта. Это значение лица в процессе общения определяется тем, что на лице расположены важнейшие дистанторецепторы, от лица исходит голос, слышимый другим человеком. Сокращения лицевых мышц изменяют выражение лица и сигнализируют о состояниях человека. Привычка смотреть в лицо партнера по общению и более или менее тонко отмечать смену выражений развивается у каждого человека постепенно, начиная с первых недель жизни. Появление ее дает ребенку возможность предвидеть действия взрослого с «таким» лицом и соответственно строить свое поведение.

Точность и тонкость дифференцирования выражений лиц и соответствующих им состояний у разных людей неодинаковы.

Изучению особенностей восприятия человеком лиц других людей и дифференциации их выражений посвящено много исследований². Авторы этих работ стремятся проследить, как развивается способность распознавать эмоциональные состояния по выражению лица по мере формирования личности воспринимающего, выявить характерные особенности распознавания у людей, страдающих расстройством психического здоровья, установить основания, которыми руководствуются люди, определяя выражения лиц, соответствующие разным эмоциональным состояниям, и пр. Например, Ф. Ленард и З. Банлаки³ изучали, как развивается способность распознавать выражения лиц у учащихся 7—17 лет. Исследованием было охвачено 613 учеников разного возраста, которые должны были определять чувства людей, изображенных на фотографиях. В опытах использовались портреты с выражением боли, плохого настроения, отчаяния, удивления, испуга, ужаса, ненависти, ярости, сомнения, сочувствия, отвращения, злорадства, подозрения, соблазна, иронии, большой радости. Ученые установили, что в распознавании эмоциональных состояний по выражениям лиц у школьников с возрастом наблюдается прогресс. Вместе с тем они выявили разницу в темпах развития способности распознавать разные эмоциональные состояния. У школьников 11—13 лет они обнаружили явление временного регресса в распознавании ряда чувств. Этот факт они объясняют тем, что восприятия лиц и толкование их выражений связаны с особенностями личности воспринимающего. В образах, говорят авторы, проецируются особенности не только объектов, но и субъек-

екта восприятия. Поэтому характер распознавания человеком эмоциональных состояний может иметь диагностическое значение. Р. Плутчек⁴ предъявлял испытуемым подросткам фотографии трех главных областей лица — лба, глаз и рта с различными характерными выразительными особенностями. Ученый получил данные о дифференциации подростками выражений лица, которые соответствовали восьми так называемым начальным, или первичным, эмоциям, в совокупности образующим «эмоциональный круг».

С. Ванденберг и М. Маттиссон⁵ выясняли, насколько точно определяют выражения лиц, соответствующие различным эмоциональным состояниям, шизофреники и другие душевнобольные по сравнению со здоровыми людьми. Испытуемым предлагались наборы фотографий мужских и женских лиц, выражающих состояние радости, печали, беспокойства, страха, гнева, смущения, презрения, удивления и подозрения. Основанием использовать в эксперименте именно эти фотографии служило единодушное мнение двенадцати здоровых людей об эмоциональных состояниях лиц, изображенных на портретах. Исследователи установили, что нарушение внутриличностных связей и потеря социальных коммуникаций, характерные для больных шизофренией, а также для страдающих некоторыми другими видами душевных расстройств в каждом случае определенным образом снижают способность правильно определять выражения лиц. Например, по статистическим обработанным данным, собранным Ванденбергом и Маттиссоном, шизофреники-параноики дают более высокий процент адекватного толкования выражений лиц, чем другие шизофреники. Анализируя собранные данные, авторы учитывали влияние «вербальной интеллигентности» испытуемого на показываемые им результаты.

Изучая восприятие человеком мимики, ряд ученых (М. Шерман, Ч. Ландис и др.)⁶ предприняли попытку найти определенный «код», который, по их мнению, характеризует каждую эмоцию. В расшифровывании такого «кода», по мнению этих исследователей, заключается процесс узнавания и распознавания переживаний тем или другим человеком. Однако такой подход к изучению закономерностей прочтения переживаний человека, несмотря на всю его оправданность, все же не ведет к полному решению проблемы, так как при этом, во-первых, не учитывается значение \ других, помимо выражения лица, особенностей его экспрессии при расшифровывании переживаний и состояния воспринимаемо-

²Brunswik E., Reiter L. Eindruckscharaktere schematisierter Gesichter. Zs. f. Psychol., 1937, S. 67—134; Lersch Ph. Einführung in die Psychodiagnostik unter besonderer der Ausdruckspsychologie. München, 1952; Plutchik R. A study of facial expression in the light of a new theory of emotion.— Der Bericht über sechszehnten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961.

³Lenard F., Forrai-Banlaki E. Pszichologiai tanulmányok. 3 kötet. Budapest, 1960.

⁴Plutchik R. Op. cit.

⁵Vandenberg S., Mattisson M. The interpretation of facial expressions by schizophrenics other mental patients, normal adults and children.— Acta psychologica, vol. XIX. Amsterdam, 1961.

⁶Landis C. The interpretation of facial expression in emotion.— J. gen. psychol., 1929, N 2, p. 59—72; Sherman M. The differentiation of emotional responses in infants.— J. comp., psychol., 1927, N 7, p. 265—284.

го человека, а во-вторых, не принимается во внимание роль всей ситуации, в условиях которой происходит общение людей.

Влияние ситуации на характер интерпретации мимических движений экспериментальным путем убедительно показывает П. М. Якобсон⁷. Теоретически значение ситуации общения в расшифровывании переживаний человека, его состояний хорошо раскрывает С. Л. Рубинштейн: «В изолированно взятом выражении лица напрасно ищут раскрытия существа эмоции; но из того, что по изолированно взятому выражению лица, без знания ситуации, не всегда удастся определить эмоции, неправильно заключают, что мы узнаем эмоцию не по выражению лица, а по ситуации, которая ее вызывает. В действительности из этого можно заключить только то, что для распознавания эмоций, особенно сложных л тонких, выражение лица служит не само по себе, не изолированно, а в соотношении со всеми конкретными взаимоотношениями человека с окружающими»⁸.

В образе, формирующемся в процессе общения, могут быть запечатлены жесты партнера. По ним мы можем заключить об отношении воспринимаемого человека к какому-то событию, лицу, предмету и пр. Жест может нам сказать о желании этого человека, о его состоянии. Особенности жестикуляции, наблюдаемые длительное время, могут оказаться для нас одним из оснований для вывода о каком-то качестве воспринимаемого человека, например о суетливости, склонности к мелодраматичности и пр.

Жесты, являющиеся одним из видов выразительных движений человека, нельзя считать спонтанным проявлением активности. Любой человек, формируясь как личность в конкретной социальной среде, усваивает характерные для этой среды способы жестикуляции и, так сказать, правила их применения и прочтения. Внешне похожие жесты у людей, формировавшихся в разных (Культурно-исторических условиях, могут иметь неодинаковое значение.

Человек может жестикулировать как произвольно, так и непроизвольно. По мнению ряда исследователей, для определения состояния, переживаемого человеком, особое значение имеет непроизвольная жестикуляция. Кроут, наблюдая за людьми в экспериментально созданных конфликтных ситуациях, пришел к выводу, что существуют корреляции между различными непроизвольными жестами и определенными состояниями. Пальцы, сведенные кончиками вместе, означают, по его мнению, покорность, смирение; палец у губ — стыд; палец, зажатый обвившими его пальцами другой руки, — самоободрение. Подобным образом он пытается связать еще ряд жестов, с одной стороны, и состояний — с другой. Анализируя отношения между жестами и состояниями, Кроут, помимо общих особенностей, разбирает индивидуальные

вариации в жестикуляции, соответствующей разным состояниям, а также пробует установить особенности жестикуляции в связи с требованиями, предъявляемыми к принятой для представителя разных полов манере вести себя в обществе⁹.

Бесспорно значение разработки проблемы, которая заинтересовала Кроута, но его выводы нуждаются в экспериментальной проверке.

Жестикуляция, как и мимика, голос и отмечаемые у данного человека позы, может войти в образ, формирующийся у людей при отражении этого человека. Однако она может быть и типичной для этого человека и совсем не характерной для него, а выражать только случайное состояние.

Интересный материал о жестикуляции и мимических движениях содержится в исследовании Гельма, изучавшего влияние аффективных напряжений на умственную деятельность¹⁰. Этот автор указывает, что в состоянии эмоционального напряжения и конфликта возникают многообразные движения смущения и беспокойства. «Большинство замеченных здесь движений смущения заключается в почесываниях и трении разных частей головы. Глаза, лоб, темя, подбородок и нос трут так же часто, как губы, щеки, уши. Такие действия над предметами, как повторное закручивание и раскручивание футляра самописки, галстука, трогание костюма и т. д., следует причислить сюда же»¹¹. Движения же беспокойства, по данным Гельма, заключаются в усиленной мимике рта, закусывании губ, частом покачивании головы, ерзании на стуле, в отбрасывании «мешающих» волос.

Характерная для человека осанка и типичные позы являются одним из компонентов облика человека, также влияющих на характер впечатления, которое о нем складывается у взаимодействующего с ним индивидуума. Осанка придает фигуре общий вид и зависит от привычного положения корпуса и головы. Осанка классифицируется как прямая, сутуловатая и сгорбленная, как вялая и бодрая.

Истолкованию позы человека также посвящен ряд работ. А. Олсен провел исследование восприятия человеком движений и поз других людей¹². Рассматривая позы и движения как ответы на действие окружающих условий, как знаки, сигнализирующие о состоянии человека, которые, повторяясь, могут свидетельствовать о некоторых относительно устойчивых особенностях его личности, А. Олсен предлагал испытуемым по фотографиям опреде-

⁹ K r o u t M. H. An experimental attempt to produce unconscious manual symbolic movements.—Psychol. j. gen. psychol., 1954, N 51, p. 93—152; Kro- u t M. H. Autistic gestures. An experimental study in symbolic movement.—Psychol. monogr., 1935, N 208.

¹¹ Helm J. Cber den Einfluss affectiver Spannungen auf des Denkan- deln.—Zs. f. Psychol., Bd 157, H. 1—2.

¹¹ Ibid., S. 73.

¹³ O l s e n A. M. Posture and body movement perception. Proceedings of the sixteenth international congress of psychology. Amsterdam, 1961.

⁷ См.: Якобсон П. М. Изучение чувств у детей и подростков. М., 1961.

⁸ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1945, с. 482.

лять их значение. Он нашел ряд индивидуальных различий в восприятии и толковании движений и поз.

Сабин и Хардик предприняли исследование с целью выявить влияние поз на ролевое восприятие¹³. Полученные данные они интерпретировали с позиций распространенной сейчас на Западе теории ролей. В ходе эксперимента они предъявляли испытуемым одну за другой сорок две так называемые «палочные» фигуры

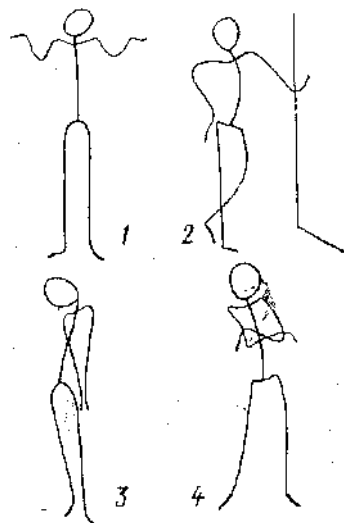

Рис. 1
Источником поз испытуемым в опыте Сабина и Хардика. 1 — описывающий, соглашающийся, вопрошающий, сомневающийся, 2 — оживляющий, описывающий, 3 — печальный, ушедший в себя, нерешающийся, 4 — удивленный, властный, самоуверенный, отчужденный

человека, которым придавались различные позы. Каждый участвующий в опыте должен был сказать, какое состояние, по его мнению, испытывает человек, для которого характерна та или другая смоделированная с помощью «палочной» фигуры поза. Авторы пришли к выводу, что определенные позы связываются с определенными действиями или качествами личности. Примеры некоторых из полученных ими от испытуемых ответов — толкований поз мы приводим (рис. 1).

Походка человека также обогащает наше впечатление о нем. Отраженная нами, она может быть сигналом состояния человека, иногда говорить о перенесенных им болезнях, о роде его занятий (походка альпиниста, моряка, солдатский шаг и пр.). Ходить, как известно, учатся, не руководствуясь каким-то общим образцом. Тем не менее все индивидуальные варианты походок можно свести к определенным средним формам

и в них выделить объединяющие их признаки. Походка каждого человека характеризуется рядом черт: ритмом, скоростью, давлением на поверхность, длиной шага, эластичностью, определенностью направления и изменчивостью. Походке может быть присуща большая или меньшая естественность. Неестественность в походке появляется у человека при состоянии «скованности», чрезмерного напряжения. Эта неестественность может быть связана и с телесными аномалиями. Изучением механизма ходьбы и исследованием походки занимались Н. А. Бернштейн¹⁴, Вебер, Браун, Фишер, Бойтендайк, Энке, Покорны и др. Установлено, что темп ходьбы может быть замедленным или убыстренным, и в нем, как и вообще

в моторике человека, находят выражение общее состояние организма и, по утверждению ряда исследователей, такие особенности, как экстра- или интравертированность личности. В работах, посвященных анализу походки, мы находим и другие попытки связывать ее особенности с состоянием человека и чертами его характера. Так, Р. Покорны в работе «О выражении человека в походке»¹⁵ указывает, что раскачивание при ходьбе — признак аккуратности, точности, иногда даже педантичности. В некоторых случаях раскачивающаяся походка, по уверению указанного психолога, свидетельствует о тщеславии. Он же полагает, что нарушение нормальных пропорций между ростом человека и длиной его шага тоже может свидетельствовать об определенном состоянии или даже чертах характера. Например, необычно большие шаги малорослого могут означать желание быстрее достичь цели, стремительность, энергию. Маленькие шаги высокого человека могут говорить не только о неторопливости, но и о робости, о желании отдалить встречу с кем-то и т. п.

Помимо общих принято выделять еще особенные признаки походки. К ним относятся элементы движений при ходьбе, которые связаны с отдельными положениями тела в целом или его частей. Такими особенными признаками являются, например, положение носков ног при ходьбе и стоянии, движения рук, так называемая пяточная и пальцевая ходьба. В эту же группу признаков входят наблюдаемые при ходьбе и явно выраженные у некоторых людей содвижения бедер, поясные движения, движение плечами.

Авторы, интересующиеся вопросом о том, насколько в походке человека проявляются его состояние и черты личности, наряду с верными наблюдениями действительных фактов позволяют себе делать обобщения, которые не отвечают требованиям научной достоверности и порой звучат просто наивно. Однако они верно подметили одну из особенностей формирования образа человека окружающими. Характер походки действительно связывается людьми с физическим самочувствием и возрастом (старческая походка), иногда с полом (мужская походка), с состоянием («виноватая» походка) и пр., и, если походка является для индивидуума значимым признаком, он будет отмечать ее, воспринимая других людей. Она как один из признаков постоянно будет входить в образы людей, формирующиеся у этого индивидуума.

Голос также является одним из компонентов облика и влияет на впечатление, производимое человеком на окружающих. Голоса людей в широких пределах различаются по высоте, тембру, манере произношения и, если они специально не тренированы, как бывает, например, с голосом ораторов или дикторов, оказываются довольно тонким инструментом выражения состояния и некоторых других особенностей их владельцев. Тем не менее голос из-за

¹³ Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. London, 1959. ¹⁴ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. — В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М, 1963,

¹⁵ Pokorny R. Ober den Ausdruck des menschlichen Ganges. — Der Bericht uber den sechzehnten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961.

трудности его анализа в психологии исследуется пока мало, я главным образом изучается речь. А между тем голосу каждого человека присущи определенный ритм, отрывистость или плавность произношения, характерность интонации, большая или меньшая музыкальность при рассказывании. И они, так же как высота и тембр, делают голос каждого человека индивидуально своеобразным¹⁶ и влияют на то впечатление, которое складывается о владельце голоса у воспринимающего его индивидуума.

Г. Олпорт попытался установить корреляции между голосом и некоторыми чертами физического и психического облика человека и выявить, как голос сказывается на формировании образа того, кому он принадлежит¹⁷. Собранные Олпортом факты, по его мнению, свидетельствуют о том, что восприятие голоса дает человеку знание не только о состоянии владельца этого голоса, но и о его возрасте, причем возраст по голосу может быть назван с точностью до десяти лет. Прямых корреляций между голосом, с одной стороны, и комплекцией и ростом человека — с другой, Олпорт не установил. Лишь некоторым его испытуемым случайно удавалось по голосу угадывать черты физического облика владельца голоса, предъявленного для восприятия. Вместе с тем ряд испытуемых под влиянием имевшегося у них опыта общения с определенными людьми обнаружили стойкую тенденцию связывать воспринимаемый голос с определенным физическим обликом человека. Испытуемые Олпорта, как он пишет, «с явным успехом» по голосу устанавливали, экстравертированный или интравертированный тип личности характерен для его владельца. При дальнейшем анализе собранных материалов Г. Олпорт идет еще дальше и в заключение утверждает, что, на его взгляд, голос хорошо согласуется с личностью как целым и по нему можно «набросать эскиз» человека, которому он принадлежит.

Нельзя отрицать ценности проведенного Олпортом изучения корреляций между голосом и чертами облика, а также роли его в формировании впечатления о человеке, которому он принадлежит. Однако при обобщении собранных данных Олпорт допустил ошибку, аналогичную ошибкам графологов, которые проводили прямую связь между почерком и характером человека и пытались определить содержание и форму такого сложного психического свойства, как характер, проанализировав лишь почерк человека.

Голос действительно может «выдать» переживания человека, сказать об отношении его владельца к тому или иному факту, помочь лучше понять самочувствие и темперамент человека и даже раскрыть некоторые черты его характера, скажем, такие, как уверенность или неуверенность человека в себе. Однако ут-

верждать, как это делает Олпорт, что голос сочетается с типом личности как целым, значит выдвигать совершенно неправильное положение. Если рассматривать личность как ансамбль психических свойств, таких, как характер, являющийся обобщенной и закрепленной совокупностью побуждений, регулирующих поведение, и как способности, представляющие собой закрепленную в индивидууме систему обобщенных психических деятельностей, то голос никак не может быть показателем типа личности.

В создании впечатления о воспринимаемом человеке большую роль играет и его речь. Как мы знаем, и устной и письменной речи любого человека присущ ряд индивидуальных особенностей. К ним относятся характерная для данного человека скорость говорения, длина фраз, типичные для него конструкции предложений, использование прилагательных, наклонений глаголов, употребление жаргонных словечек, метафор, грамматические ошибки и оговорки, расстановка ударений и пр. Стиль речи, характерный для воспринимаемого человека, оценивается другой личностью с точки зрения соответствия определенным речевым эталонам, сформировавшимся у этой личности, и сказывается на общем мнении, которое складывается у нее о воспринимаемом человеке.

Исследователи Сабин и Вильяме интересовались, как люди, слушая голос, могут «конструировать» личность говорящего. Они записали на ленту магнитофона 38 фраз, произнесенных разными людьми неодинаковым тоном. Например, одно из предложений было выкрикнуто человеком среднего возраста: «Очень хорошо, ребята, выходите и покажите им!», другое было произнесено «хныкающей маленькой девочкой», крикнувшей: «Кто-то сломал мою куклу!», третье — человеком, сказавшим: «Я люблю сидеть у огня и читать — читать стихи»¹⁸. Эти записи были воспроизведены перед различными группами испытуемых. Последние должны были указать возраст, пол, род занятий каждого из говоривших и высказать предположение об особенностях их личности и о ситуации, в которой произнесена данная фраза. Хотя соответствие содержания ответов действительности было нулевым, так как все вышеуказанные фразы были сказаны или студентами или зрелыми актерами, степень совпадения оценок, данных испытуемыми прослушанным репликам, была очень высокой. Например, прослушав первую фразу, 90% отвечающих решили, что ее произнес тренер, обращаясь к футболистам перед выходом их на поле.

Авторы этого исследования, исходя из анализа полученных материалов, считают, что определенно можно говорить о положительной корреляции в ответах у женщин между частотой оценки ими возраста и частотой приписывания лицам, произносившим различные фразы, соответствующих социальных ролей. У мужчин исследователи нашли положительную корреляцию между частотой представления ими социальной роли и социальной ситуации.

¹⁶ Исследование фонограмм звуковой речи, проведенное в лабораториях фонетики Московского института иностранных языков, с большой убедительностью показало, что голос относится к числу строго индивидуальных человеческих свойств.

¹⁷ Allport G. W. Pattern and growth in personality. N. Y., 1961.

Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology, London, 1959.

В своем исследовании Сабин и Вильяме предприняли также попытку установить корреляцию между оценкой испытуемым личности того, кто произносил ту или иную фразу, и качествами личности испытуемого.

Работа Сабина и Вильямса, таким образом, показывает, что если жизненный опыт данной группы людей в основном одинаков, то сходными будут восприятие ими определенных фраз и представления о тех, кто эти фразы произнес, и о том, в какой обстановке они были произнесены.

Поскольку характеризующая человека манера речи, а также его голос в общении играют роль опознавательного признака, криминалистика, когда другие способы не эффективны, используя технику, находит нужных ей людей «по голосу» и по «особенностям речи». Вот один из таких случаев. В Западной Германии преступник, похитив семилетнего мальчика, позвонил его отцу и предложил «выкупить» сына. Отец поставил об этом в известность полицию. Все его последующие телефонные разговоры с вымогателем были записаны на магнитофонную пленку. Большая группа специалистов по научной фонетике и диалектам, познакомившись с этими записями, единодушно пришла к выводу, что преступнику около 40 лет, что он не принадлежит к образованным слоям населения, что в его речи преобладает диалект Рейнско-Рурской области, хотя встречаются и выражения, свойственные говору германского юго-запада. Впоследствии их вывод подтвердился. По радио несколько раз передавали магнитную запись речи преступника и обратились с призывом к населению помочь установить его личность по голосу. Чтобы внимание слушателей не отвлекалось содержанием разговора, а было приковано исключительно к особенностям речи, криминалисты сделали монтаж, включающий в себя повторение одних и тех же фраз и оборотов. Шесть радиослушателей узнали голос и назвали имя человека, его владельца. Указанный ими человек действительно оказался тем преступником, которого искали¹⁹.

Исследователи, например Г. Олпорт, опираясь на собранные факты, полагают, что присущие каждому человеку временные и устойчивые состояния наиболее адекватно и тонко выражаются, как правило, одним-двумя способами экспрессии. Для одного таким выделяющим личность способом оказываются характерные изменения в выражении глаз, для другого — движения рук, для третьего — изменения в походке и позе, для четвертого — голос и т. д. Это утверждение верно лишь отчасти, ибо ученый не принял во внимание значение силы переживания в связи с тем или иным событием в жизни человека. Как известно, в зависимости от значения события для личности и степени сохранения контроля над своими движениями возбуждение может охватывать большее или меньшее число областей экспрессии.

См.: Ваксберг А. Преступник будет найден. М., 1963.

Эта зависимость в определенной мере прослеживается в исследовании Гельма, который пытался установить различия в характере мимических проявлений в зависимости от интенсивности аффективных состояний и того, в какой мере воздействие затрагивает наиболее существенные стороны личности. Когда /аффектогенное воздействие затрагивает человека менее серьезно / (не колеблет его социальную позицию, не изменяет мнения, сло-> ждавшегося о нем у авторитетных для него людей, и т. п.), его аффективные проявления выражаются свободнее как в мимическом, так и в речевом плане. Когда же воздействия затрагивают человека более глубоко, более личностно и колеблют, как ему кажется, его жизненную позицию, начинается видимое и осознанное владение собой, что отражается на характере мимики и пантомимики. Гельм пишет по этому поводу: «Просто «нормальный» аффективный процесс выражается непосредственнее и понятнее, чем управляемый аффект средней интенсивности»²⁰.

Изучению механизмов выразительного поведения людей посвящено очень много исследований³¹. После классических работ И. П. Павлова была сделана не одна попытка осмыслить выразительное поведение и формирование выразительных движений с позиций рефлекторной теории. П. В. Симонов, П. М. Якобсон, опираясь на новейшие факты, полученные как в их лабораториях, так и другими исследователями, при разработке общей теории эмоций анализируют и их двигательный момент: жесты, мимику, интонацию²². В эмоциях, имеющих сложную рефлекторную структуру, двигательные и вегетативные компоненты связаны между собой самым тесным образом. Двигательные компоненты при возникновении эмоционального возбуждения играют роль функционального стержня, вокруг которого формируется целостный рефлекторный акт. Эффекторное осуществление эмоционального акта ведет к торможению центральных образований, а задержка эффекторной деятельности усиливает эмоциональное возбуждение. Большое значение в развитии выразительных движений имеет подражательный рефлекс, при помощи которого у человека в детские годы складывается и вырабатывается сложное индивидуальное и социальное поведение.

Сравнительно недавно Н. А. Бернштейн попытался объяснить механизм походки, тембр голоса, произношение, почерк, используя новейшие данные физиологии и кибернетики²³. Он специаль-

³⁰ Helm J. Op. cit, p. 75.

³¹ См.: Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных. Собр. соч., т. III. М., 1908; Якобсон П. М. Психология чувств; Dunlap K. The role of eye-muscles in the expression of emotions.— Genet. psychol. Monogr., 1927, N 3.

²² См.: Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962; Якобсон П. М. Проблема психологии эмоций.— В кн.: Психологическая наука в СССР, т. 2. М., 1960.

²³ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой.

но выделял факт, характерный для каждого из совершаемых человеком повторных навыковых движений, — «существенное сходство, т. е. равенство, по одной части имеющих признаки при отсутствии конгруэнтности и размещаемость по другой, обычно метрической части признаков в вариационные ряды»²⁴. Для объяснения этого явления Н. А. Бернштейн использовал математическую идею, выдвинутую И. М. Гельфандом и М. Л. Цетлиным и заключающуюся в приложении к разбираемому вопросу класса функций большого количества переменных, обозначаемых авторами как «хорошо организованные функции»²⁵. «Влияние существенных переменных на небольших интервалах, — пишет Н. А. Бернштейн, — может в значительной степени маскироваться вмешательством сильно вариативного эффекта несущественных переменных, но в итоговом результате форма и протекание функции определяются прежде всего существенными переменными»²⁶. Определяющие закодированные в мозгу черты циклического навыкового акта типа походки, письма реализуются, по мнению Н. А. Бернштейна, как продукт существенных переменных, а метрические признаки, каждый из которых дает вариационные ряды, — как результат влияния несущественных переменных.

Помимо признаков, образующих физический облик человека и его- выразительное поведение, компонентом внешнего облика человека являются его одежда, прическа, украшения и прочие предметы и признаки, с помощью которых достигается то или иное внешнее «оформление» облика человека. Этот компонент облика может говорить о деятельности человека (военная форма, рабочий комбинезон), о его национальной принадлежности (национальный костюм), служить дополнительным признаком возраста, свидетельствовать о вкусах и привычках и т. д. От оформления облика человека, следовательно, также зависит (больше или меньше) характер впечатления, которое складывается о нем у воспринимающих его людей. В зависимости от деятельности, соединяющей людей, и от особенностей личности самих общающихся этот компонент внешности в одних случаях осознается больше, в других меньше. Оформление внешности человека оценивается, как правило, окружающими его людьми с позиций усвоенных ими этико-эстетических норм.

Среди факторов, влияющих на развитие общения, внешность и выразительные движения человека могут занимать и занимают важное место. Вместе с тем ясно, что громадную роль в общении

²⁴ Там же, с. 315.

²⁵ Функция хорошо организована, если можно разгруппировать ее аргументы на «существенные» и «несущественные» переменные и если все аргументы стойко сохраняют свою принадлежность к тому или другому подклассу (см.: Гельфанд И. М., Цетлин М. Л. О некоторых способах управления сложнейшими системами. — Успехи математических наук, 1962, т. 17, вып. 1).

²⁶ Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой, с. 316.

выполняют отражение и психологическая интерпретация людьми* тех движений партнеров, которые совершаются в связи с задачами, вытекающими из совместно выполняемой ими деятельности. Между тем во многих руководствах по психологии фактически высказывается взгляд, что информационное значение для субъекта восприятия имеют лишь речь и экспрессивные движения — мимика и пантомимика, выражающие состояние и отношение партнера по деятельности. Все прочие движения человека почему-то не принято рассматривать с точки зрения их информационного значения, которое они имеют для других людей. Но ведь ясно, что положение тела человека в пространстве относительно горизонтали и вертикали, движения, им совершаемые, а также положение отдельных частей тела относительно друг друга и тела в целом и движения этих частей не только сигнализируют другим людям об эмоциональном состоянии человека. Они дают информацию о намерениях воспринимаемого человека, о выполняемой им работе, о владении им определенными навыками, о степени развития у него тех или других привычек, о его возрасте и т. д. Чтобы адекватно отразить и правильно оценить выразительные движения партнера, познающий индивидуум должен обладать определенным опытом. Интерпретация и оценка всех названных движений и действий также зависят от опыта познающего субъекта.

Движения и действия составляют поведение человека. В него входят и поступки — акты объективно и субъективно мотивированного поведения, которые имеют значение для окружающих людей и нравственно-психологические последствия для совершившей поступок личности²⁷. Воспринимая движения, действия, поступки, деятельность человека, люди проникают в их внутреннее психологическое содержание, познают убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности личности.

Непосредственно наблюдая внешнюю сторону поведения другого человека, воспринимающий его индивид в меру своего умения «читает» на основе контекста людских отношений выражаемое в этом поведении психологическое содержание. С. Л. Рубинштейн пишет об этом так: «В повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку мы как бы «читаем» его, т. е. расшифровываем значение его внешних данных и раскрываем смысл» получающегося таким образом текста в контексте, имеющем свой внутренний психологический план. Это «чтение» протекает бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный более или менее

²⁷ Подробный анализ сущности и проявлений личности не входит в задачу данного исследования. Научное освещение проблемы личности в целом, а также и отдельных вопросов, входящих в эту проблему, дается в работах Б. Г. Ананьева, Л. И. Анциферовой, Л. И. Божович, А. В. Веденова, А. Г. Ковалева, В. Н. Колбановского, В. А. Крутецкого, Н. Д. Левитова, А. Н. Леонтьева, В. С. Мерлина, В. Н. Мясищева, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, Ю. А. Самарина, Б. М. Теплова, Е. В. Шороховой, В. А. Ядова и других авторов.

автоматически функционирующий психологический подтекст к их поведению»²⁸.

В повседневных, ставших привычными для нас жизненных ситуациях, когда нет надобности глубоко проникать в смысл поведения окружающих нас людей, в истинные мотивы их действий, процесс, раскрывающий действительное психологическое содержание их поведения, свернут. Но стоит другому человеку отойти от «само собой разумеющейся» манеры поведения или небезразличному для нас лицу «огоршить» необычным для него поступком, как процесс интерпретации их поведения выдвигается на передний план. Мы не просто регистрируем внешнюю сторону их поведения, а пытаемся психологически объяснить их поступки, для чего порой начинаем дополнительно наблюдать за ними.

Особенность, на которую обратил внимание С. Л. Рубинштейн, чрезвычайно существенна для понимания процесса познания людьми друг друга, в жизни, и границы, в пределах которых она дает себя знать, очень широки. Пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное «равнодушие» к психологии другого. Он, так сказать, без сомнений и доказательств полагает, что у другого человека «психология» такая же, как и у него. И только когда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех «образцов», которые в глазах общающегося с ним являются выражением «нормы», последний от регистрации внешней стороны поведения познаваемого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять этого человека как личность. При этом он всегда сталкивается с определенными психологическими трудностями, которые являются, с одной стороны, следствием сложности познаваемой личности, а с другой — вызваны неизбежной ограниченностью познавательных возможностей самого субъекта познания.

Внешняя сторона отдельно взятых поступков, как правило, не определяет однозначно их внутреннее психологическое содержание, и это превращает процесс познания индивидом другой личности в решение им психологической задачи, на которую он может дать как правильный, так и неправильный ответ.

В сознании советского человека развито убеждение, что качествам личности, содержание которых отвечает требованиям коммунистической морали, соответствуют определенные формы выражения этого содержания, определенные способы поведения личности. И, наоборот, качествам, содержание которых расходится

с требованиями коммунистической морали, в свою очередь соответствуют другие, также сравнительно определенные способы поведения. И такое убеждение в общем правильно, потому что действительно в состав качества личности входит, с одной стороны, известная система потребностей, интересов, чувств субъекта, определяющая его отношение к действительности, с другой стороны, способы поведения, являющиеся средством и формой осуществления этих потребностей, интересов, принципов. Однако связь между содержанием качества и способом его выражения не всегда имеет однозначный характер. Практика взаимодействия людей и специальные исследования, особенно исследования формирования качества личности на разных возрастных этапах, дают нам факты, свидетельствующие о том, что способ поведения личности может не полностью соответствовать или вообще не соответствовать имеющемуся у личности отношению к какой-то стороне действительности. Это, в частности, было выявлено нами в прежних работах при исследовании личности школьника²⁹.

Возможные виды связи между содержанием качества личности, с одной стороны, и способом, формой проявления его в поведении личности — с другой, между мотивом и поступком личности широко освещены также в работах Л. И. Божович, А. В. Веденова, В. Н. Мясичева, С. Л. Рубинштейна и ряда других исследователей.

²⁹ См.: Бодалева А. А. 1) Об отношении и способе его выражения у подростка. — В кн.: Материалы конференции психологии обучения и воспитания. Киев, 1961; 2) О понимании школьника воспитателями и проектировании ими развития его личности. — Тезисы докладов на II съезде Общества психологов* вып. 2, М., 1963.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 180.

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ

(характеристика процесса)

Основными процессами, посредством которых человек принимает и перерабатывает информацию, поступающую от другого человека, являются ощущение, восприятие, представление, мышление.

Чтобы раскрыть процесс познания человека человеком, надо проследить особенности формирования образа человека и понятия о нем как о личности у взаимодействующего с ним индивидуума. Чувственный образ, который является первой ступенью познания, формируется в процессе построения изображения. Образ человека, как и любое изображение, представляет собой совокупность элементов, находящихся в определенном соотношении с совокупностью элементов, составляющих облик отражаемого человека. В самом общем смысле это есть соотношение подобия или сходства. Оно характеризуется общностью модальности элементов обоих множеств и общностью принципа их пространственно-временной упорядоченности¹. Хотя конкретные механизмы формирования чувственного образа изучены еще недостаточно, однако данные, которыми располагает к настоящему времени наука, позволяют утверждать, что он является эффектом рефлекторных актов воспринимающей системы.

Материалы исследований Б. Г. Ананьева, Л. М. Веккера, * Б. Ф. Ломова, Е. Н. Соколова, А. Л. Ярбуса и других показывают,² что восприятие как рефлекторная деятельность представляет собой сложнейшую систему специфических для каждого рецептора безусловных и условных рефлексов, для которых характерны сложные динамические отношения. Анализаторы, участвующие в актах восприятия, являются афферентно-эфферентными системами. Действуя рефлекторно и трансформируя и передавая сигналы с периферии в центр, они сами настраиваются так, чтобы лучше отбирать поступающую из внешнего мира информацию. После действия раздражителя на рецептор возникает рефлекторная перестройка в функционирующей системе, в результате чего изменяется последующее восприятие раздражителя³.

Психическое изображение человека, как и любое другое психическое изображение, характеризуется предметностью, которая

¹ См.: Ломов Б. Ф. Человек и техника. Л., 1963.

² См.: Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 1960; Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования. Л., 1964; Инженерная психология. Под ред. А. Н. Леонтьева. М., 1964.

рассматриваемом случае заключается в том, что свойства облика человека отражаются в образе как принадлежащие человеку, т. е. как свойства этого человека. Психическому изображению человека присущи и такие особенности, характеризующие отражение индивидуумом действительности, как объективированность и субъективность, как целостность и структурность.

И. М. Сеченовым было показано, что основой целостности и структурности восприятия является отражение формы (и контура) предмета, которая, являясь «раздельной гранью двух реальностей», выделяет его из окружения и выражает единство строения предмета как целого³. Очертание лица, общий силуэт тела являются важнейшими опознавательными признаками человека для воспринимающих его людей.

Многочисленными исследованиями установлено, что целостный образ возникает постепенно и становление его связано с пространственно-временными условиями, в которых человек отражает объект. Действие этих условий всегда сказывается и на формирующемся у нас образе другого человека. Например, по имеющимся данным, люди с нормальным зрением в условиях хорошей видимости выделяют человека из окружения, когда этот человек находится от них на расстоянии 2 километров. На расстоянии 1 километра они видят общий контур, человека. На расстоянии 700 метров индивидуум воспринимает движение рук и ног другого человека, на расстоянии 400 метров он видит головной убор, на расстоянии 300 метров — голову и плечи, овал лица, цвет одежды. На расстоянии 200 метров человек выделяет лицо, кисти рук, на расстоянии 60 метров — различает глаза, нос, пальцы, на расстоянии 20 метров — всего человека.

В условиях меньшей видимости показатели восприятия человека на расстоянии оказываются иными. Например, в пасмурный зимний день, начав наблюдать за приближающимся человеком, когда он находился на расстоянии 350 метров, и закончив наблюдение, когда он приблизился на расстояние 20 метров, группа испытуемых из 26 человек показала такие результаты (см. табл. 1). Комментируя данные таблицы 1, необходимо отметить, что для отражения испытуемыми каждого из названных признаков всегда был характерен определенный путь развития. В излагаемом опыте все испытуемые преувеличили рост человека, находившегося от них на большом расстоянии. Наблюдая за человеком на расстоянии 350 метров, все испытуемые сначала утверждали, что он одет во все черное. Различение цвета каждого из элементов внешнего облика воспринимаемого человека происходило неодновременно. Цвета элементов внешности, относившейся к верхней половине фигуры воспринимаемого человека, распознавались раньше, чем цвета элементов внешности, относившихся к нижней половине фигуры. В облике медленно приближавшегося к испытуемым че-

³ См.: Сеченов И. М. Избр. произв., т. 1. М.—Л., 1952.

Таблица 1

Элементы внешнего облика	Расстояние, на котором дан правильный ответ, м		
	лучший результат	худший результат	средний результат
Отсутствие пальто	350	140	269
Цвет главных {верх. половина тела)	350	ПО	244
предметов верх- (нижн. половина	290	110	183
ней одежды (тела)			
Овал лица	300	200	236
Отсутствие перчаток	260	200	224
Расстегнутый пиджак	320	140	220
Вид верхней одежды	359	НО	212
Отсутствие головы. уха	260	200	203
Рост	260	110	177
Джемпер	290	ПО	163
Основные элементы лица	200	110	140
Цвет волос	230	20	113
Прическа	170	20	101
Расцветка жемпера	110	80	96
Цвет обуви	140	20	89
Улыбка	140	50	87
Рубашка черная	140	20	80
Рисунок на жемпере	110	20	69
Лоб, глаза, нос (относит. величина их)	80	50	62
Авторучка в нагрудном кармане и значок на пиджаке	50	20	43
Пуговицы на рубашке	50	20	35

ловека в первую очередь правильно воспринимался цвет крупных компонентов и деталей.

Аналогичные результаты нами были получены при таких же условиях и в другой группе испытуемых.

Психологически изменения зрительного образа в условиях постепенного изменения расстояния между объектом наблюдения и наблюдателем были изучены М. Д. Александровой и Б. Ф. Ломовым⁴. В этих исследованиях процесс становления зрительного образа при отражении человека человеком специально не изучался, однако фазы процесса становления образа предмета, установленные названными исследователями, имеют место и при восприятии людьми друг друга, когда их разделяет большое расстояние. Исследователи выделяют в процессе становления зрительного образа пять фаз. На первой из них имеет место грубое различие общих пропорций объекта и его положения. Эту фазу сменяет

⁴ См.: Александрова М. Д. О качественной характеристике пространственных порогов, зрительного восприятия. — Учен. зап. ЛГУ, 1953, № 147; Ломов Б. Ф. Человек и техника. В экспериментах, по изучению названного вопроса участвовали М. А. Дмитриева, Л. Фоменко, Л. Баранова, Б. Максимов.

фаза «мерцающей» формы. Для третьей фазы характерно грубое различие основных деталей. Прежде всего вычлениваются наиболее крупные детали вне зависимости от того, где они расположены. Если детали примерно равны, то раньше всего воспринимаются детали, расположенные сверху и справа. Различение нижних частей отстает от различения верхних. На этой фазе характерные части контура хотя и отмечаются, но еще нет адекватного отражения их взаимоотношений. На четвертой фазе наблюдается глобально-адекватное восприятие. На пятой фазе образ становится дифференцированным. Контур объекта отражается в полноте его деталей.

Большое значение в формировании образа человека имеет ракурс, в котором обычно видят этого человека воспринимающие лица. Факты показывают, что разница в росте между воспринимающим и воспринимаемым оказывает влияние на формирующийся образ. О примерах такого влияния пишет И. Рахилло: «Маяковский был высокого роста, и все обычно привыкли видеть его снизу, с подбородка: в этом ракурсе его лицо приобретало тяжелую скульптурную монументальность. На самом же деле, с точки зрения обычных пропорций, подбородок у Маяковского не был большим (хотя многие художники и скульпторы до сих пор бьются и не могут найти эту неуловимую и характерную для выражения лица поэта значительность — они искусственно утяжеляют ему подбородок и сразу теряют сходство).

А подбородок у Маяковского был, как это ни кажется странным, совсем не резко выраженного, а даже наоборот — мягкого контура. Монументальность поэту придавали его рост, плечи, широкий великолепный рот оратора и жгучие, полные ума, человечности и ощущения скрытой силы, огромные выразительные глаза»⁵.

«* Восприятию человека человеком присуща и такая черта, как константность. Несмотря на изменения в освещенности, удаленности от наблюдателя, образ воспринимаемого человека остается относительно постоянным. Как отметил Селфридж, «человеческие лица как зрительные комплексы подвергаются увеличению, пере- \ косу, вращению, их контуры могут быть подчеркнуты или размыты, и все же они остаются теми же лицами»⁶. Работы, осуществленные в нашей стране и за рубежом, показали, что, не будучи абсолютным свойством, константность, подобно целостности и структурности, не является изначальным свойством и возникает в процессе формирования образа восприятия: образ становится константным лишь по мере все более тонкого различения элементов контура.

Как известно, все рецепторные процессы: отбор и поиск информации, настройка, прослеживание, гаптика и т. д. — протека-

⁵ О Рахилло И. Московские встречи. М., 1962, с. 16.
⁶ Цит. по: Джордж Ф. Мозг как вычислительная машина. М., 1963, с. 399.

ют активно. Эта активность характерна и для зрительного восприятия человека человеком. И. М. Сеченов высказал мысль, что зрительное восприятие человека предполагает активные «ощущающие» движения глаза, и эти движения — такой же необходимый компонент зрительного восприятия, как и отражение зрительного образа на сетчатке. Эта мысль была экспериментально подтверждена рядом исследователей, в частности А. Л. Ярбусом. Он показал, что объект, изображение которого падает на неподвижную точку сетчатки, перестает восприниматься уже через 2-3 секунды. Для устойчивого зрительного восприятия объекта необходимо перемещать изображения по сетчатке, что достигается с помощью микро- и макроскопических движений глаз⁷. В. П. Зинченко и Б. Ф. Ломовым было установлено, что макродвижения глаз являются составной частью механизма отражения пространственных признаков объектов: их формы, величины, положения и пр.⁸ На первой стадии установления перцептивного образа человека с помощью макродвижений глаз осуществляется наводка рецепторов на воспринимаемого человека и определяется его местоположение в поле восприятия. Кроме того, макродвижения глаз выполняют функции построения, измерения, Контроля и корригирования. В траектории движения глаз воспринимающего субъекта воспроизводится, хотя и с отклонениями, контур любого объекта, в том числе и человека. В процессе такого «обследования» объекта в нем, как правило, выделяются «конструктивные» точки, относительно которых оцениваются все остальные элементы контура. Можно думать, что при отражении внешнего облика другого человека в условиях обычного общения роль таких «конструктивных» точек выполняют глаза. Исследования показывают, что взгляд субъекта восприятия постоянно возвращается к глазам партнера по общению.

Пониманию многих существенных моментов формирования чувственного образа содействуют попытки осветить процесс восприятия с позиций вероятностной теории. Согласно этой теории, восприятие — сложный активный процесс, основанный на последовательном просмотре отдельных деталей объекта с выделением точек, несущих наибольшую информацию, отведением неправильных гипотез и получением определенного синтеза наиболее информативных точек, который в итоге и позволяет заключить о характере воспринимаемого объекта. При восприятии знакомого предмета и в обычных условиях этот процесс оказывается более

⁷ См.: Ярбус А. Л. Исследование закономерностей движения глаз в процессе зрения. — ДАН СССР, 1954, т. XVI, № 4.

⁸ См.: Зинченко В. П. Движение глаз и формирование образа. — Вопросы психологии, 1958, № 5; Ломов Б. Ф. Человек и техника.

⁹ Bruner I. On perceptual readiness. — Psychol. rev., 1957, vol. 54, № 2; Соколов Е. Н. Вероятностная модель восприятия. — Вопросы психологии, 1960, № 2; Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. — В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

или менее свернутым. Но при отражении незнакомого объекта или при необычности условий сразу же проявляются сложная структура и развернутость во времени процесса восприятия.

Восприятие человека человеком характеризуется осмысленностью. Посредством слов, которыми обозначают воспринимаемого (колхозник, член бригады коммунистического труда, ученый, капиталист и т. п.), в образ его включается обобщенное знание о данной категории людей, сложившееся в результате общественной практики и более или менее усвоенное воспринимающим субъектом.

Как свидетельствуют факты, значение слова в формировании восприятия человека может быть очень большим. Мы показывали поочередно 58 взрослым испытуемым фотографии девушки-старшеклассницы, молодой женщины, молодого человека и пожилого мужчины. Испытуемые, видевшие каждую из фотографий в течение пяти секунд, должны были словесно воссоздать облик человека, которого они только что рассматривали.

Перед каждым показом одной и той же фотографии группам испытуемых давались разные установки. Так, одной группе испытуемых, перед тем как показать фотографию молодой женщины, мы говорили: «Сейчас вам будет показана фотография учительницы», а другой: «Сейчас вы увидите портрет артистки». Перед предъявлением фотографии молодого человека одну группу испытуемых мы предупреждали, что они увидят портрет героя, а второй группе испытуемых, прежде чем показать эту же фотографию, говорили, что на ней изображен преступник и т. п.

От испытуемых было получено 224 отчета¹⁰ о восприятии ими названных выше лиц. Анализ содержания дает основание разделить «нарисованные» испытуемыми словесные «портреты» на три группы. К первой мы отнесли «портреты», содержание которых в большей мере было обусловлено установкой. Во вторую группу мы объединили «портреты», содержание которых свидетельствовало о том, что на восприятие человека испытуемым установка не действовала и формирование его всецело шло под влиянием тех особенностей, которые были присущи воспринимаемой натуре. И, наконец, третью группу в описываемом опыте составили «портреты», содержание которых говорило о борьбе установки и «натуры» в момент, когда у испытуемого формировался образ человека, изображенного на фотографии.

Вот образцы «портретов», отнесенные нами соответственно к 1, 2 и 3-й группам.

1. Портреты, свидетельствовавшие о том, что испытуемый, воспринимая изображение человека, всецело был во власти установки, созданной у него перед показом фотографии:

«Этот зверюга понять что-то хочет. Умно смотрит и без отры-

Четверо испытуемых дали отчет о восприятии ими только двух портретов.

ва. Стандартный бандитский подбородок, мешки под глазами, фигура массивная, стареющая, брошена вперед» (автор «портрета» И. Установка — преступник).

«Человек опустившийся, очень озлобленный. Неопратно одетый, непричесанный. Можно думать, что, до того как стать преступником, он был служащим или интеллигентом. Очень злой взгляд» (автор «портрета» К. Установка — преступник).

«Молодой человек лет 25—30. Лицо волевое, мужественное, с правильными чертами. Взгляд очень выразительный. Волосы всклокочены, не брит, ворот рубашки расстегнут. Видимо, это герой какой-то схватки, хотя у него и не военная форма (одет в клетчатую рубашку)» (автор «портрета» Г. Установка — герой).

«Очень волевое лицо. Ничего не боящиеся глаза смотрят исподлобья. Губы сжаты, чувствуются душевная сила и стойкость. Выражение лица гордое» (автор «портрета» М. Установка — герой).

«Портрет мужчины примерно 50—53 лет. Открытое лицо, крупные черты. Седые, вернее, седеющие волосы; лоб выпуклый с горизонтальными складками морщин. Очень выразительные глаза, какие обычно бывают у умных проницательных людей. Вокруг глаз множество морщинок, придающих лицу немного лукавое выражение. Так и кажется, что этот человек при встрече обязательно начнет с шутки. Нижнюю часть лица не помню. Запомнились руки небольшие, нерабочие, покрытые волосами. Портрет писателя... Мне кажется, что это лицо человека, любящего детей и пишущего для них. Судя по непринужденному виду, он привык позировать, наверное, это известный писатель. Еще раз хочется подчеркнуть, что наиболее запоминаются в портрете глаза. Человек с такими глазами, должно быть, хорошо знает и любит жизнь, людей...» (автор «портрета» В. Установка — писатель).

«Человек лет шестидесяти, лысый, с папиросой в руке. Черты лица крупные, правильные. Голова большая, лоб высокий и широкий, настоящий лоб ученого. Взгляд и выражение лица ученого говорят о том, что он напряженно и мучительно решает какую-то проблему» (автор «портрета» Д. Установка — ученый).

2. «Портреты», которые говорят о том, что на часть испуганных установка не оказала заметного влияния:

«Продолговатое, с крупными чертами лицо, застывшее в сильном напряжении, плотно сжаты крупные, выпяченные губы (особенно нижняя). Взгляд обращен вверх. Глаза светлые, округлые. Волосы рассыпаны по голове шапкой. Лицо обращено влево» (автор «портрета» П. Установка — герой).

«Мужчина лет сорока. Лицо утомленное. Лохматая шевелюра. Брови тоже лохматые. Глаза смотрят немного вверх и влево. Нос «картошкой». Губы очерчены довольно резко — скептические. Подбородок мягкий, толстый. Ворот рубашки расстегнут. В вырезе ворота — короткая морщинистая шея» (автор «портрета» М. Установка — преступник).

«Лысый мужчина лет 55—60. Высокий гладкий лоб, умные глаза; нос с горбинкой, небольшие, резко очерченные губы. Суровые складки идут от носа книзу. Под подбородком рука, в которой зажата папироса. Черный костюм» (автор «портрета» Н. Установка — писатель).

«Яркий цветной платок (крупные красные цветы) с кистями (сельский). Лицо красивое, улыбающееся, слегка продолговатое. Красивые белые зубы. Глаза прищурены. Брови черные, тонкие. Лоб высокий. Волосы светлые, спереди волнистые. Блондинка» (автор «портрета» М. Установка — учительница).

3. «Портреты», содержание которых говорит о борьбе «установки» и «натуры» при формировании у испытуемого образа восприятия:

«Милое женское лицо. Оно очень выигрывает в обрамлении цветного, по-крестьянски повязанного платка. Румянец, белые зубы, веселая улыбка говорят о хорошем здоровье, жизнерадостности, благожелательном отношении к людям. Она любит детей и старается научить их тому, что знает сама. Дети, несомненно, ее любят также... Однако настораживает определенная нарочитость одежды, цветной деревенский платок и ярко накрашенные губы... Трудно представить, что человек со столь отчетливо выраженной демонстративностью живет богатой внутренней жизнью. У нее есть запас знаний, и основы культуры не чужды ей. Но мне кажется, что как только она выйдет замуж, заведет семью, детей, то мгновенно исчезнет ее столь демонстративно выпячиваемый оптимизм и проявятся имеющиеся у нее негативные черты характера» (автор «портрета» О. Установка — учительница).

«Взлохмаченные волосы, неправильный нос, широко открытые глаза. Выражение какое-то удивленное. Одежда — вязанный свитер, клетчатая рубашка. Возможно, это поляк или чех — участник подпольной группы во время войны. Волосы седые, всклокоченные, не ухаживает за ними. По-моему, это все же не реальный герой, а артист в какой-то роли, может быть и не героической» (автор «портрета» К. Установка — герой).

Количественно полученные в излагаемом эксперименте «портреты» распределяются по названным трем группам следующим образом: 1-я группа — 79 «портретов» (35,3%); 2-я группа — 121 «портрет» (54%); 3-я группа — 24 «портрета» (10,7%).

Дальнейший анализ полученных в ходе опыта «портретов» показал, что всех принявших участие в этом эксперименте испытуемых можно разделить на три группы. Первую группу составили испытуемые, у которых при восприятии и оценке всех четырех лиц «сработала» установка. Таких испытуемых оказалось 9. Во вторую группу вошли испытуемые, которые при восприятии этих же четырех лиц полностью следовали натуре. Этих испытуемых было 10 человек. Ни в одном «портрете», полученном от них, влияние установки не проявилось. Испытуемые, отнесенные нами к третьей группе, при восприятии одних лиц оказывались под

сильным влиянием установки, а при восприятии других — натуры. Эта группа была наиболее многочисленной. В нее, по результатам опыта, вошли 35 человек (64,8% всех участвовавших в этом опыте).

Возникает вопрос, как объяснить различия между испытуемыми, воспринимавшими одни и те же лица? Мы считаем эти различия в восприятии следствием того, что испытуемым присущи неодинаковые специальные типы высшей нервной деятельности. Для испытуемых, на восприятие которых значительно повлияла установка, характерно относительное преобладание второй сигнальной системы. У испытуемых, воссоздавших «портреты» с натуры, относительно преобладала первая сигнальная система. И, наконец, у испытуемых, на которых при восприятии одних лиц установка действовала, а в других случаях не влияла вовсе, относительного преобладания второй, либо первой сигнальной системы не было. Эти испытуемые по всем данным относились к так называемому среднему типу. Победа словесной установки или «натуры» при формировании образа восприятия человека свидетельствовала о том, в какой из сигнальных систем у испытуемого быстрее и устойчивее происходит образование и актуализация нервных связей и какая из них играет преобладающую роль в детерминации реакции.

И описанные и подобные им факты показывают, что в осмысленности восприятия проявляется взаимодействие двух сигнальных систем, передача возбуждения из одной сигнальной системы в другую.

Мы видим таким образом, что благодаря слову в образ воспринимаемого человека включается содержание, не данное непосредственно, чувственно. Оно может действительно характеризовать воспринимаемого, а может быть совсем ему и не присуще.

Особенности облика и поведения воспринимаемого человека и изменения в них, фиксируемые в момент восприятия, не жестко определяют поведение отражающего их человека, потому что их воздействие опосредуется всем опытом воспринимающего, его «внутренним миром», преследуемыми им целями. Никогда не способный абстрагироваться от них субъект восприятия обычно связывает внешний облик, манеру поведения и стиль действия другого человека с определенными устремлениями, вкусами, моральными принципами, актуальными, а иногда и потенциальными возможностями воспринимаемого. Таким образом, другой человек воспринимается не только в своих исходных физических качествах (такой-то рост, пол, возраст, фигура, лицо, глаза и пр.), но и как личность, занимающая определенное положение в обществе и играющая ту или иную роль в жизни как воспринимающего, так и в общества.

При восприятии индивидом объектов действительности, в том числе и человека, может иметь место как обобщенное, так и дифференцированное узнавание. Интересные данные, относящиеся

характеристике обобщенного узнавания человека, были получены Э. Н. Алферовой¹¹.

На экране телевизионной установки она предъявила испытуемому изображения лица, предмета и сложного сюжета. Электронный счетчик ПС-10 000 «Флокс» регистрировал количество зрительной информации, поданной на экран в момент узнавания. Этот показатель являлся величиной порога узнавания изображения.

По данным Э. Н. Алферовой, порог узнавания лица у всех групп испытуемых (в ее опытах в этой роли выступали учащиеся 1, 3, 5, 7 и 9-го классов и группа взрослых) оказался значительно ниже порога узнавания изображения несложного контура вазы.

Наиболее высокие индивидуальные показатели при узнавании Э. Н. Алферова опять-таки получила от испытуемых, когда они воспринимали изображение лица.

Значительные различия в порогах узнавания (в случае обобщенного узнавания) лица и прочих объектов объясняются прежде всего неодинаковым ожиданием каждым из испытуемых изображения лица и изображения других предметов. Большее ожидание появления именно лица (или фигуры человека) является субъективным выражением объективного факта вероятности сигнала. Лицо человека, другой человек — это обычно наиболее часто воспринимаемые большинством людей объекты отражения.

Наш сотрудник В. Н. Панферов, пользуясь тахистоскопической методикой предъявления испытуемым фотографий человеческих лиц, попытался установить величину порогов узнавания человеческого лица и его отдельных элементов. В опыте были использованы изображения лиц (мужских и женских), снятых в фас и в профиль, а также структуры: овал, верх и низ лица и глаза.

В опытах В. Н. Панферова порог узнавания лица на фотографии оказался равным 0,03 секунды. Элементом, несущим наибольшую информацию при опознавании лица в описываемом опыте, были волосы и вообще верх головы. Испытуемые выделяли их в изображении лица в первую очередь, и порог их узнавания оказался лежащим в пределах 0,03—0,04 секунды. Интервалы порогов при узнавании других черт лица оказались равны:

	Порог узнавания	Средний порог
Лоб	—0,04—0,11	0,06
Брови	—0,05—0,13	0,09
Глаза	—0,05—0,14	0,08
Уши	—0,04—0,23	0,09
Нос	—0,08—0,3	0,1
Губы	—0,06—0,24	0,14
Подбородок	—0,06—0,34	0,12

11 См.: Алферова Э. Н. Об измерении порогов зрительного узнавания у школьников, — Вопросы психологии, 1962, № 6.

Таким образом, в этом опыте довольно отчетливо выявилось направление, в котором идет рассматривание лица, а именно сверху вниз, от волос до губ. Верх головы, волосы в первый момент рассматривания лица становятся своеобразной точкой отсчета.

Наиболее устойчивое различение пола рассматриваемого в тахистоскопе лица наступало в описываемом эксперименте при экспозиции 0,05 секунды, хотя начиналось оно уже на уровне порога узнавания лица. Адекватное улавливание выражения лиц, которые были взяты в обычном (нейтральном) положении, отмечалось уже при экспозиции 0,1 секунды. Средняя же величина порогов располагалась в интервале 0,19—0,26 секунды.

Попытку исследовать дифференцированное узнавание предпринял В. И. Киреев¹². Испытуемым художественной и нехудожественной групп в его опытах показывались фотографии людей. Испытуемые, внимательно рассмотрев их, должны были затем найти те же самые лица на таблице из ста фотографий. При этом в ряде случаев лица на таблице были сняты в новом ракурсе, при другом освещении и пр.

Общей характерной особенностью испытуемых художественной группы явилось быстрое запечатление изображения и относительно продолжительное его сохранение. Подобный факт отмечал в свое время и И. П. Павлов. Художники, писал И. П. Павлов, «могут ясно, иногда до степени галлюцинации, представлять себе предметы и явления, например, художники пишут портреты по памяти, настолько отчетливо они представляют себе свою модель. Поэтому у них многое происходит, как при реальных раздражителях»¹³.

Для испытуемых с относительным преобладанием второй сигнальной системы целостное схватывание лиц оказалось затруднительным; у ряда испытуемых нехудожественной группы наблюдалось анализирующее восприятие с осмыслением отдельных признаков и черт лица.

В целом эксперимент на узнавание лиц по фотографиям, проведенный В. И. Киреев, выявил -существование больших индивидуальных различий, особенно четко выступающих, когда сокращается время, даваемое на восприятие лица, которое затем надо найти в группе из многих лиц и в другом ракурсе.

Перспективную попытку объяснить механизм таких процессов, как узнавание человека в лицо при шести степенях свободы проективных изменений его изображения на сетчатке, узнавание в данном человеке представителя того или иного народа и т. д., мы находим в работах Н. А. Бернштейна¹⁴. Отнеся эти процессы

¹² См.: Киреев В. И. Психология способностей к изобразительной деятельности. М., 1959.

¹³ Павловские среды, т. I. М., 1949, с. 238.

¹⁴ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой.

к категории процессов мозгового моделирования, Н. А. Бернштейн использует идею И. М. Гельфанда и М. Л. Цетлина о «хорошо организованных функциях»¹⁵ для объяснения принципов, которыми руководствуется мозг при разбивке признаков объекта на существенные и несущественные.

В актах восприятия, прежде всего в восприятии формы, и во всевозможных актах обобщения имеет место организация оп*ределяющих переменных, подобная той, которая была обнаружена при анализе механизмов циклических навыков актов. Это указывает на то, что и мозговому активному моделированию в процессах восприятия лица и фигуры человека свойственна природа этих замечательных функций¹⁶.

Занимаясь различными видами деятельности, человек, отвечая на требования каждого из них, обнаруживает то одни, то другие из присущих ему особенностей. Взаимодействующие люди по отношению друг к другу выступают в разных ролях (рабочий, начальник, партнер по команде, артист, зритель, лектор, слушатель и пр.). В связи со всем этим не остается постоянным значение сигнализирующих их чувственных качеств для воспринимающего. На первый план в восприятии выступают те качества в облике, экспрессии и действиях воспринимаемого, которые в данных условиях приобретают особое значение. Так происходит потому, что на это качество распространяется вторичное возбуждение от актуализации состояний и свойств, ими сигнализируемых. Восприятие чувственных признаков, которые сигнализируют о других особенностях, присущих воспринимаемому человеку, благодаря отрицательной индукции тормозится. Они как бы отодвигаются на второй план. В других условиях, когда восприятие прежде заторможенных чувственных признаков и сигнализируемых ими внутренних свойств воспринимаемого приобретает большее значение, оно растормаживается, но зато тормозится восприятие признаков, бывших перед этим на первом плане. Образно говоря, наблюдается смена сторон, граней внешнего и проявляющегося в нем внутреннего облика человека, которые в связи с целью, преследуемой воспринимающим субъектом и его состоянием, прежде всего попадают в поле зрения и доминируют в формирующемся у него образе этого человека.

В науке было предпринято несколько попыток экспериментально изучить отмеченную особенность моделирования облика другого человека познающим его индивидом. Ряд исследователей изучали этот феномен в связи со значением подкрепления. Ч. В. Снайдер и Ф. В. Снайдер записали на пластинку два голоса, которые одновременно читали разные предложения. Испытуемый, прослушав эту запись, должен был через 10 секунд воспроизвести услышанное им. Показания его с целью последующей обработки

¹⁵ Гельфанд И. М., Цетлин М. Л. О некоторых способах управления сложнейшими системами.—Успехи математических наук, 1962, т. 17, вып.

¹⁶ См. с. 28 настоящей работы.

в свою очередь записывались на магнитофонную ленту¹⁷. Ч. Снайдер и Ф. Снайдер нашли, что лица, участвовавшие в их опытах, воссоздали речь человека, восприятие голоса которого подкреплялось положительно, значительно полнее и точнее, чем речь человека, голос которого подкреплялся отрицательно. В потоке голосов испытуемые воспринимали «поощряемый» голос как «фигуру» и «наказываемый» голос как «фон».

Джексон, используя тахистоскоп, предлагал испытуемым в течение 73 секунды смотреть на одно из двух изображений известных им лиц. Испытуемый называл имя лица, а экспериментатор указывал, правильно он определил лицо или ошибся. И далее в зависимости от результата испытуемый получал награду или же подвергался штрафу. После ста предъявлений одиночных изображений лиц испытуемому демонстрировалась в серии из 32 предъявлений двуклика фигура, составленная из изображений лиц, которые до этого показывались независимо друг от друга¹⁸. Испытуемые в этих опытах проявили тенденцию воспринимать поощряемые лица как счастливые, приятные, улыбающиеся и т. п., в то время как лица, за которые испытуемый подвергался штрафу, часто воспринимались как мартышкообразные, тупые, грубые. Комментируя этот факт, Джексон указывает, что изменения в произвольной оценке испытуемыми выражения одних и тех же лиц говорят о том, что подкрепление участвует в конструировании восприятия.

Исследования динамики «фигура — фон» в связи с характером подкрепления различных элементов предъявляемого сложного раздражителя, когда в качестве такового выступали человеческие лица, были осуществлены также Шефером и Мерфи¹⁹ и Мессиком и Соллей²⁰. Проанализировав результаты своих экспериментов, они делают вывод, что подкрепляемое лицо в подавляющем числе случаев воспринимается как «фигура». Действие отрицательного подкрепления в их опытах не было однозначным. Оно резко различалось по результатам в зависимости от того, была ли это начальная или конечная стадия опыта. Шефер и Мерфи пишут, что пороги восприятия лиц, связываемых с наказанием, варьировали от индивидуума к индивидууму в более широких пределах, чем пороги восприятия этими же индивидуумами лиц, связываемых с наградой. По утверждению указанных авторов, неодинаково четкое восприятие испытуемыми лиц, по-разному подкрепляемых, было связано и с уровнем развития индивидуума.

¹⁷ Snyder F. W., Snyder C. W. The effects of-reward and punishment on auditory perception.—J. psychol., 1956, N 41, p. 177—184.

¹⁸ Jackson D. N. A further examination of the role of autism in a visual figure-ground relationship.—J. psychol., 1954, N 38, p. 339—357.

¹⁹ Schaffer R., Murphy G. The role of autism in figure-ground relationship.—J. exp. psychol., 1943, N 32, p. 335—343.

²⁰ Solley Ch., Murphy G. Development of the perceptual worm. N. Y., 1960, p. 265—274.

О то же время в их опытах дети 5—8 лет проявили сравнительно стойкую тенденцию воспринимать в двуклике изображений «поощряемое» лицо как «фигуру» и «наказываемое» лицо как «фон», взрослые такой явной тенденции не обнаружили. Вместе с тем на всех возрастных уровнях проявились большие индивидуальные различия в степени и способе воздействия на восприятие, или, как говорят исследователи, на структурирование испытуемыми действующего на них стимула, «аффекта», вызванного в одних случаях поощрением, а в других — наказанием. Этот «аффект», как несколько раз подчеркивают названные авторы, — важная переменная в обуславливании того, что в воспринимаемом будет играть роль «фона» и что будет «фигурой».

К названным работам примыкает исследование Януша Рейковски, который прямо попытался выяснить влияние эмоционального возбуждения на восприятие человеком человека²¹. Источником эмоционального возбуждения в опытах Рейковски была обстановка, предшествующая экзамену. Испытуемые перед самым экзаменом встречались с незнакомым им человеком, с которым вели короткую беседу, касающуюся анкетных данных и реакций на экзаменационную обстановку. После окончания экзамена испытуемые студенты заполняли вопросные листки, обозначая с помощью шкалы черты внешнего и внутреннего облика лица, встреченного перед экзаменом. На следующий день испытуемые, пользуясь той же шкалой, оценивали другого, также совершенно незнакомое им человека. Испытуемые были разделены на две группы. Одна встречалась с личностью *A* перед экзаменом (экзаменационная обстановка), а с *B* — во время тестового испытания (тестовая обстановка), вторая группа встречалась с *B* перед экзаменом, а с *A* — в тестовой обстановке.

Благодаря такой процедуре *A* и *B* получили две группы характеристик: характеристики, сделанные испытуемыми, находящимися в состоянии эмоционального возбуждения, и характеристики, сделанные испытуемыми, когда возбуждение у них вообще не проявлялось или проявлялось в небольшой степени. Разница между этими группами характеристик одних и тех же лиц указывала на влияние, какое имело эмоциональное возбуждение на восприятие людей.

Статистически обработанные результаты эксперимента позволили Рейковски выявить в восприятии других людей человеком, находящимся в состоянии эмоционального возбуждения, определенную тенденцию. Эта тенденция выражается в более низкой оценке привлекательности воспринимаемого лица, в оценке этого лица, как менее дружески расположенного, а его настроения, как более худшего. Величина перцептивной реакции была различной у разных лиц.

²¹ Reykowski J. Stan Emocjonalnego Napizcia Aspostrzeganic Studia Psychologiczne. Warszawa, 1963, N 4, ss. 153—175.

При всей оправданности темы исследования Рейковски в нем имеются неясные положения. Например, как следует не раскрыто, что понимается под тем состоянием, которое вызывает перцептивную реакцию, исследуемую в работе. То, что определено как состояние эмоционального возбуждения, представляет собой чрезвычайно сложное явление. Оно включает и предэкзаменационное и послеза экзаменационное волнение. А последнее не может быть одинаковым у всех участников опыта, потому что экзамены они сдают с разным результатом. В исследовании не проверено, как влияет эффект первой встречи с новым знакомым на вторичное восприятие его, не выявлены различия в восприятии человека возбужденными людьми, отличающимися друг от друга возрастом, полом, степенью самоконтроля, уровнем культуры и пр.

Обнаруженные исследователем особенности «моделирования» испытуемыми физического облика человека, впервые встреченного перед началом экзамена, и характер прогнозирования ими его внутреннего облика вызваны тем, что знакомство с этим человеком произошло в аудитории, в которой вот-вот должен был начаться экзамен, и этот человек воспринимался испытуемыми как потенциальное препятствие к достижению желаемого ими результата на экзамене.

Выяснению влияния «аффекта», или, если говорить точнее, отношения на восприятие человеком человека, помимо названных работ, посвящены также работы В. Виттрайха и К. Готтшальдта.

В. Виттрайх сосредоточил свое внимание на выяснении вопроса о связи восприятия величины и контуров тела человека и эмоционального отношения, которое сформировано к этому человеку у воспринимающего его субъекта²². Используя широко применяемую в США методику восприятия лица и фигуры человека на фоне специально созданной комнаты, элементы которой располагаются относительно друг друга непривычно для наблюдателя, Виттрайх установил факт, подтверждаемый и другими исследователями²³. В зависимости от того, в какой точке экспериментальной комнаты находился воспринимаемый субъект, он казался воспринимающему его человеку то необычно высоким, то низким. Однако при дальнейшем проведении опытов выяснилось, что это явление имеет место не всегда и в ряде случаев испытуемые воспринимали величину лиц и фигур передвигавшихся в пространстве экспериментальной комнаты людей стабильно, без искажений. Но для этого нужно было, чтобы воспринимаемый и воспринимающий до опыта были связаны определенными отношениями.

Виттрайх провел через эти опыты несколько десятков супружеских пар, чаще это были молодожены, и получил ряд фактов,

²³ W i l l r e i c h W. J. An investigation into the nature of aniseisic distortion.—Scientific American, 1960, N 4.

²⁴ Ames A. Visual perception and the rotating trapezoidal window.—Psychol. monogr., 1951, N 7; Kilpatrick F. (ed.). Explorations in transactional psychology. N. Y., 1961.

-когда один из супругов, воспринимая свою жену (или мужа) на фоне экспериментальной комнаты, не замечал никаких изменений в величине ее (его) лица и фигуры, но ясно фиксировал изменения величины лица и фигуры и искажения их, когда на этом же фоне он воспринимал незнакомых людей.

Далее опыты велись по другой методике. Испытуемому надевались на глаза специальные линзы, искажавшие внешность воспринимаемых людей таким образом, что они казались наклонившимися вперед, нижняя половина их тел становилась шире, воспринимаемые приобретали пирамидоподобный вид.

Одна серия этих опытов была проведена в госпитале, другая среди новобранцев, которые через анисейконические линзы должны были воспринимать в одних случаях своих сотоварищей, в других — своих прямых начальников. И снова были получены факты избирательного видения искажений внешности воспринимаемых. Изменения во внешности других солдат отмечались сразу. Искажений же во внешности начальника новобранец не видел, или требовались более сильные линзы, чтобы образ восприятия начальника у него изменился.

Виттрайх считает, что феномены, выявившиеся во всех сериях проведенных им опытов, можно объяснить только отношениями, установившимися в жизни между воспринимаемым и воспринимающим субъектами. Чувство страха, по отношению к воспринимаемому, преклонение перед ним могут оказать и оказывают сильное влияние на воспринимающих лиц. Восприятие человека, которого испытуемые боятся, оказывается не совсем таким, как у тех, кому он безразличен, и это, в частности, выражается у последних в меньшей устойчивости какого-либо одного образа воспринимаемого и легкой перестройке его при изменившихся условиях восприятия.

К. Готтшальдт в своих работах также поднимает вопросы, связанные с восприятием и пониманием одного человека другим в зависимости от отношения²⁴. В описываемых им экспериментах применялись специально изготовленные фотографии, в которых силуэты заснятых на них людей были искажены — более или менее расширены или сужены. К. Готтшальдтом была обнаружена интересная особенность. Хотя взрослые испытуемые, глядя на себя в зеркало, имели возможность в серии предложенных им собственных фотографий выбрать фотографии с нулевым искажением, они тем не менее обнаружили, отыскивая наиболее «похожую» фотографию, стойкую тенденцию к выбору более расширенного или суженного изображения. По мнению исследователя, в этом факте проявляется определенное притязание личности.

Далее подобные опыты были поставлены в подростковых классах школы. Оказалось, что положение ученика в классе сказыва-

²⁴ Gottschaldt K. Methodologische Perspektiven in der Ausdrucksforschung.—Der Bericht über den sechszehnten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961.

вается на восприятии им собственных фотографий, а также на восприятии фотографий других учащихся, превосходящих его, стоящих ниже его, резко отклоняющихся от массы или входящих в ядро класса. К. Готтшальдт утверждает, что учащиеся, удовлетворяющиеся своей посредственной позицией и оценкой, даваемой им классом, выбирают свои фото с нулевым искажением. Их товарищи, активно протестующие против ущемления своей индивидуальности в классе, также устойчиво склонны считать точно соответствующими друг другу свое изображение в зеркале и на фотографии, искажающей его в сторону расширения или сужения, и воспринимать ее как наиболее правильную. При признании превосходства соученика выявляется тенденция при выборе его «точной» фотографии предпочитать «широкое фото», при пренебрежительном отношении к нему — «узкое фото».

Далее к участию в этих опытах были привлечены 10 и 16-летние мальчики и девочки, которые должны были выбрать наиболее точные, «самые похожие» фотографии не только себя, но и родителей, учителей, нейтральных взрослых и одновозрастных партнеров. Выявилось, что десятилетние ребята рассматривали свое изображение «наивно» и выбирали фото с нулевым искажением. Фотографии матери и отца выбирались ими из тех, где изображения были расширены. Фото с нулевым искажением в этих случаях ими большей частью подчеркнуто отвергались. Совсем иные результаты были получены при выполнении этого же задания 16-летними испытуемыми. В 80% случаев образ матери (или отца) выбирался ими из ряда фотографий, где искажение было равно нулю, в то время как для собственной личности устойчиво предпочитались, особенно мальчиками, более «широкие» образы на фотографиях.

Заключая эту часть исследования, К. Готтшальдт пишет, что восприятие фотопортрета (это касается и восприятия лица человека и его фигуры) зависело от соотношения социальных позиций воспринимающего и воспринимаемого. Эта связь между ними с течением времени изменяется, что находит отражение в количественных характеристиках образа другого, формирующегося у воспринимающего субъекта.

Несколько лет назад при исследовании учебных способностей подростка в связи с его интересами, используя тахистоскопическую методику, мы получили большое число фактов, говорящих о зависимости полноты, яркости и правильности образа восприятия от отношения, имеющегося у субъекта к отражаемому им объекту²⁵. Среди объектов, предлагаемых испытуемым для восприятия, в наших опытах широко были использованы изображения людей.

²⁵ См.: Бодалев А. А. Попытка изучения «учебных способностей» подростка в связи с его интересами. — Учен. зап. ЛГУ, 1960, № 287.

Во всех этих опытах отнесение предлагаемого для восприятия содержания к области действительности, к которой у школьника уже выработано устойчиво положительное отношение, вызывало* активизацию восприятия. И, наоборот, отнесение предлагаемого для восприятия содержания к области действительности, к которой у него уже выработано устойчиво безразличное отношение, вызывало понижение активности восприятия.

Л. И. Божович, В. Н. Мясищев, П. М. Якобсон и другие авторы также не раз показывали в своих работах, насколько сильным может быть воздействие отношения на характер формирующегося у субъекта образа другого человека.

Внешний облик и действия людей могут по-разному отвечать этико-эстетическим требованиям, сформированным у человека и более или менее им осознаваемым. Поэтому люди вызывают у него к себе неодинаковое эмоциональное отношение. Возникнув, это отношение вносит свой корректив в дальнейшее формирование у индивида образа каждого из тех людей, с которыми он общается, затушевывая одни стороны этих людей и выпячивая другие.

Многие исследователи делали попытки описать и механизм влияния эмоционально-аффективного фактора на восприятие²⁶. И хотя, если судить по этим попыткам, детального понимания этого механизма еще нет, однако в общем совершенно очевидно, что этот механизм имеет рефлекторную природу и сложившаяся в советской науке система понятий вполне раскрывает принцип действия этого механизма.

Опираясь на положения современной науки, мы изложили свое понимание познания человека человеком и рассмотрели его роль, в процессе взаимодействия людей. Мы считаем, что теория информации и кибернетика могут помочь в научной разработке этих важных и в теоретическом и практическом отношениях вопросов. Однако в психологической науке были предприняты и другие попытки объяснить феномен познания человека человеком. Как и при решении всех других научных проблем, и в этой области психологической науки сталкиваются материализм и идеализм.

Откровенно идеалистической является теория врожденного знания и подобию. Отдельный человек рассматривается ею как воплощение жизни духа. Он — частица сущностной структуры и в качестве таковой наделен атрибутами сознания. Взаимное понимание основывается в конечном счете на причастности человека к всеобщему объективному разуму. Концепция Юнга, содержащая идеи о расовом бессознательном и прототипах, как и концепции Вильяма Джемса о религиозном опыте²⁷, фактически есть

²⁶ Solley Ch., Murphy G. Development of the perceptual world. N. Y., 1960. Соллей и Мерфи употребляют понятия «мотивация», «подкрепление» и «эмоционально-аффективный» фактор как тождественные, что, конечно, неправомерно.

²⁷ См.: Джемс В. Научные основы психологии. Спб., 1902.

конкретное проявление теории врожденного знания и подобия. Несовместимость ее с подлинной наукой очевидна не только нам, но и многим зарубежным психологам²⁸. Ее бесплодность в объяснении психологических фактов, в том числе и познания человека •человеком, отмечают и некоторые западные ученые, в философском плане не являющиеся последовательными материалистами.

Теодора Липпса, написавшего еще в 1907 г. работу «Знание о чужом «я», интересовал вопрос, как получается, что для одного "индивидуума, например для меня, существует другой индивидуум. •«Несомненно, — пишет Липпс, — я знаю непосредственно только о себе. Здесь я говорю умышленно о «себе», а не о моем «я». Если я говорю о моем «я», то я предполагаю чужое «я». Но как, — спрашивает Липпс, — возникает для моего сознания это чужое я? Как я узнаю о тех ощущениях, представлениях, мыслях, чувствах, которые имеются у другого человека?»²⁹. Критически рассмотрев возможные варианты ответов на этот вопрос, Т. Липпс в конце концов склоняется к мысли, что у человека, помимо знания об объективной надежности своего чувственного восприятия и знания о прошлых собственных переживаниях, которые он может вспомнить, имеется еще третий род знания, выражающийся в уверенности в том, что в определенных условиях воспринимаемые в другом человеке физические проявления и жизнь сознания связываются аналогично моим.

Существует, говорит Липпс, необходимая связь между моим внутренним миром и моим телом. Благодаря ей некоторые телесные состояния и изменения превращаются в жизненные проявления сознания. Например, экспрессия, выразительные движения •суть способы непосредственного проявления сознания. Человек ощущает собственные движения, т. е. мышечные изменения, и процессы, развертывающиеся в коже. Он ощущает их непосредственно как вытекающие из внутренних состояний и процессов сознания. Кинестетика, таким образом, является для человека способом обнаружения и выражения его сознания. В этих выразительных движениях оно существует.

Но это видимое выражение — мимическая «маска», пантомимическая картина — важно прежде всего не для того, у кого оно возникает, а для другого — для стороннего наблюдателя. Благодаря соответствию между мускульным и кожным выражением непосредственно переживаемого и определенным его «оптическим» выражением человек, видя «экспрессию» другого, одновременно более или менее полно ощущает кинестетическое выражение переживания воспринимаемого субъекта.

Воспринимая и понимая обладающее определенными чувст-

венными признаками тело, которое мы дополнительно обозначаем как тело другого индивидуума, особенно воспринимая некоторые процессы и изменения в этом теле, мы схватываем нечто, что называем в одном случае гневом, в другом — радостью, в третьем — печалью и т. д. Чувственное восприятие и это распознавание чувственно не воспринимаемого чужого внутреннего состояний возбуждения происходят в одном неразделимом акте. При внимательном рассмотрении оказывается, что чувственно воспринимаемое, с одной стороны, и внутреннее возбуждение — с другой, являются в себе различными вещами и приходят в акт познания из различных источников. Объект чувственного восприятия находится во внешнем мире — это другой человек, внутреннее же возбуждение, обозначаемое как печаль, гнев и прочее, возникает во мне самом. Я его из себя заимствую, хотя приписываю другому. Мои ощущения, характерные для моих гнева, радости, печали, восторга, я переживаю непосредственно при восприятии экспрессии другого. Это оживление во мне деятельности, характерных для гнева, печали, радости и прочего, которые я «вмысливаю» в другого, воспринимая его, становится возможным, по мнению Липпса, благодаря механизму подражания. При восприятии чужого выражения я испытываю тенденцию воспроизвести его, и у меня актуализируются ощущения, соответствующие этому состоянию. Аффект другого выступает для меня в видимом в нем и в возникающем во мне мускульно ощущаемом выражении.

Таким образом, заключает цепь своих рассуждений Липпс, мое знание о том, что другой индивидуум существует, что у него 'налицо то или другое состояние сознания, основывается на вчувствовании или совместном действии потребности в подражании и потребности в выражении, которые и образуют вчувствование. И это вчувствование всегда включает в себе тенденцию к непосредственному сопереживанию.

Липпс выступил со своим оригинальным объяснением процесса восприятия и понимания одним человеком другого в начале столетия. В последующие годы его теория «проникновения в другого», в которой, как видно из изложенного, ядром был принцип моторного подражания, стала применяться его последователями непозволительно широко при объяснении любого процесса успешного понимания.

Многие пытались объяснять понимание одного человека другим с помощью концепции, согласно которой мы в воображении переносим себя в чувствования, действия и мысли другого. Однако эти последователи Липпса забывали о главном: о важности строго экспериментального и всестороннего изучения феномена, который был положен в основу теории вчувствования, а без такого изучения теория лишается доказательной силы.

Другой теорией, имеющей хождение среди зарубежных психологов при объяснении восприятия и понимания человека человеком, является теория заключения. Один из сторонников ее, Д. К. Адамс,

²⁸ P a r e l h o f f A. D., Jung-Nazi Collaborationist C. G.— The Protestant, vol. VII, 1964, N 2, 3.

²⁹ L i p p s T. Das Wissen von fremden Ichen.— Psychol. Untersuchungen, 1907, N. 1, S. 694.

пишет: «Любой чувственный или мыслительный процесс в другом организме может быть выведен из структуры, ситуации, истории и поведения только тогда, когда подобный чувственный или мыслительный процесс связывается нами или был связан с подобной структурой, ситуацией, историей и поведением в отношении нас самих. И вероятность заключения будет пропорциональной степени их похожести»³⁰. «Почему мы решили, что ребенок проявляет недоверчивость?» — спрашивают себя сторонники этой теории. И отвечают: «Мы судим по аналогии». Когда мы в детстве в подобной ситуации вели себя так, как он ведет себя сейчас, мы проявляли недоверчивость. В результате повторения подобных заключений по отношению к разным людям у человека формируется обобщенное знание: данная экспрессивно-динамическая картина поведения свидетельствует о недоверчивом отношении воспринимаемого человека к чему-то.

Таких общих знаний о людях у каждого человека постепенно накапливается все больше. И всякий раз, когда один человек воспринимает другого, происходит сопоставление признаков, присущих воспринимаемому человеку, с образцами-обобщениями, которые имеются в опыте воспринимающего. Выводы в этих случаях делаются обычным силлогистическим путем. «Если в согласии с моим опытом, — говорит сторонник этой теории, — высокие и худощавые люди чаще всего имеют церебротонический темперамент, значит, у моего нового знакомого, который высок и худ, такой же темперамент». Само заключение определяется апологетами рассматриваемой теории как познавательный процесс, в котором особенности всего класса приписываются индивидууму, рассматриваемому в качестве представителя этого класса.

Защитники теории заключения подчеркивают, что она дает возможность понять, почему люди лучше разбираются в тех, кто подобен им самим, почему широкий личный опыт переживаний и деятельности имеет существенное значение для правильного суждения о других людях. Эта теория также объясняет ошибки в понимании * людьми друг Друга, которые возникают из-за того, что воспринимающий может оказаться во власти сложившихся у него на основе личного опыта «знаний-стереотипов» о людях и поэтому проглядеть индивидуальное своеобразие нового для него человека, увидеть подобие там, где его в действительности нет.

Указывая, что при познании человека человеком выделяется общее, что роднит воспринимаемого с воспринимающим и с другими людьми, теория заключения не объясняет, как же один человек познает индивидуально неповторимое в личности воспринимаемого человека.

Среди теорий, пытающихся объяснить особенности восприятия и понимания одного человека другим, определенное место занимает теория изоморфизма. Ее сторонники, признавая значение принци-

пов теорий заключения и вчувствования для процессов восприятия и понимания человека человеком, настойчиво подчеркивают обусловленность познания особенностями, объективно присущими воспринимаемому человеку.

Р. Арнгейм показывает, что значит изоморфизм в восприятии и понимании человека человеком с помощью ссылки на пример игры актера национального японского театра. Когда этот артист хочет, например, изобразить объект, рождающий в нем представление о силе, — клюв орла, коготь тигра, он возбуждает в себе чувство силы, которую ощущает во всем организме в момент воспроизведения схватки. Теория изоморфизма утверждает, что внутреннее чувство силы через удары артиста, через имитацию схватки, через создаваемый образ будет отражено зрителем так, что конечное эстетическое переживание зрителя будет тем же, что и оригинальное переживание артиста.

Эта теория указывает также на соответствие образа, формирующегося в сознании воспринимающего, воспринимаемому образу, который как целое очень стоек и сопротивляется какому-либо искусственному искажению³¹.

Существует еще одна теория³³, с помощью которой сторонники ее (Коттрел, Камерой, Сарбин, Розенберг, Хардик и др.) пытаются объяснить процесс восприятия и понимания человека человеком. Это так называемая теория ролей. С точки зрения ее создателей, каждый человек — совокупность ролей. Например, один и тот же человек может быть инженером, мужем, отцом, водителем собственной автомашины, болельщиком на стадионе, садоводом в свободное время и пр. Человек — «ипостась». Он в себе объединяет большее или меньшее количество ролей. Каждая из них складывается из отдельных, характерных для нее действий. Все действия в совокупности образуют устойчивую систему. Каждая из таких систем-ролей формируется в обществе, которое создает, так сказать, «эталон» ролей и обязательные атрибуты их. Отдельная личность, поставленная перед необходимостью принять на себя новую роль, осваивает действия, ее составляющие, и овладевает сопутствующими ей атрибутами. У людей, живущих в одном обществе, представление о содержании и форме действий носителя данной роли может стать и становится столь прочным, что они по отдельным компонентам поведения и облика человека с большей уверенностью предполагают, носителем какой роли является в данном случае этот человек и что он в данной обстановке будет делать дальше. Это и неудивительно, поскольку роль рассматривается как стереотипный ряд заученных действий, воспроизводимых в социальной ситуации, в частности в ситуации взаимодействия людей друг с другом. Организация и осуществление индивидуальных действий личностью А, говорят сторонники теории ро-

³¹ Arnheim P. The gestalttheory of expression.—Psychol. rev., 1949, N 56, p. 161.

³² Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. London, 1959.

лей, есть продукт восприятия и понимания ею личности *В*. Личность *В* совершает одно или ряд отдельных действий, которые *А* наблюдает и по ним устанавливает роль *В*. Установив ее, *А* далее ожидает от *В* определенных последующих действий и в свою очередь начинает осуществлять определенные действия, которые были им заучены, как соответствующие обоюдному положению его и *В*. Эти действия в совокупности образуют роль *А*. Внутренне существующая серия обусловленных действий у одного члена социальной ситуации, объективируясь, вызывает актуализацию обусловленной ими серии взаимосвязанных ответов у другого члена этой ситуации.

Роль человека в каждой из 'Ситуаций устанавливается взаимодействующей с ним личностью более или менее осознанно, намеренно или автоматически. Определив роль другого, общающаяся с ним личность, исходя из преследуемых ею целей, может не тотчас ответить или вообще не ответить действиями, полагающимися по ее роли в ситуации.

Оценивая приемлемость теории ролей для объяснения процесса взаимодействия людей, общения их, установления между ними взаимопонимания, нельзя пройти мимо правильных положений, которые, несомненно, есть в этой теории. Конечно, каждый человек, формируясь в обществе как личность, усваивает знания о правах и обязанностях не только общегражданских, но и о правах и обязанностях лиц определенного возраста, пола, рода занятий и пр. У него развивается представление о типичных для них формах поведения. Вступив во взаимодействие с другой личностью и отнеся ее по каким-то признакам к определенной общественной группе, он может на основе знания прав и обязанностей, характерных для этой группы, сформулировать предположение, что к данный человек всеми своими последующими действиями и поступками не будет отходить от образцов поведения, типичных для этой группы в возникшей ситуации. Вступая во взаимодействие с другими, люди на каждом шагу действительно исходят из таких предположений.

Однако, трактуя личность только как совокупность ролей, а роли — как выработанные в обществе устойчивые ряды действий, заученных человеком, сторонники этой теории подравнивают всех людей до некоего среднего субъекта. Они зачеркивают индивидуальность человека, его неповторимо своеобразный опыт труда, познания и общения, который не может не сказаться и на том, как личность будет понимать и «расшифровывать» «роли» других и как она будет понимать и выполнять собственную «роль» в различных ситуациях общения и совместной деятельности с другими.

При рассмотрении различных подходов к решению проблемы восприятия и понимания человека человеком нельзя пройти мимо работ американского психолога Гордона Олпорта. На протяжении многих лет он занимался этой проблемой и обратил внимание на многие ее важные стороны. Хотя Олпорт не выступает со стройной

теорией, претендующей на освещение всего процесса познания человека человеком, он все же пробует с общетеоретических позиций охватить проблему. Прежде всего он подчеркивает, что восприятие и понимание человека человеком подчиняются тем же законам, что и восприятие и понимание человеком любого объекта действительности. Но при восприятии человека появляется и новое. Другой подобен нам. Он обладает сознанием, он к нам как-то относится, он воспринимается и понимается нами как личность. Олпорт пишет: «Личность, подобно предмету, может быть видима. Ее можно касаться, слышать, иногда обонять. Она может быть воспринята как совершенно незнакомая или кого-то напоминающая; на нее можно смотреть как на привлекательную, интересную, тающую опасность. Но в то же время в наше восприятие личности входит нечто принципиально новое и сложное. Другой, я знаю, — более или менее «подобен мне», он тоже «сам». У него есть цели и мотивы (намного сложнее тех простых типов причинности, которые я приписываю другим объектам). Он обычно менее предсказуем, чем другие объекты. У него ко мне трудноуловимое отношение, которое устанавливается не так, как мои связи с вещами. Короче, мы никогда не воспринимаем человека, чтобы в то же самое время не видеть в нем, что он есть личность»³³.

Отдавая должное Олпорту, его попыткам объяснить процесс познания человека человеком, нельзя все же пройти мимо чисто кантианских положений, пронизывающих многие его высказывания, относящиеся к решаемой проблеме. Так, хотя Олпорт указывает, что нельзя руководствоваться субъективным произволом при познании человека как субъекта, однако, анализируя процесс восприятия одним человеком другого, он фактически оставляет в стороне живое созерцание и роль чувственных данных и всячески подчеркивает значение категорий, которые актуализируются в субъекте познания. Создается впечатление, что по крайней мере некоторые из этих категорий, по мнению автора, имеют врожденный характер. Формулируя свой общий подход к проблеме, Олпорт относит другого человека к «непознаваемому миру вещей в себе» и, непомерно преувеличивая роль субъективного момента в познании одной личностью другой, фактически отрицает возможность формирования у человека верных образов других людей.

Рассмотрев состояние разработки теоретических аспектов познания человека человеком, мы имеем право сказать: эта задача еще ждет своего решения. Теории заключения, вчувствования, изоморфизма, теории ролей отразили отдельные стороны процесса познания человека человеком, но ни одна из них не может претендовать на исчерпывающее освещение всего процесса. Объясняя одни факты, обнаруженные при исследовании проблемы, сторонники этих теорий упускали из вида или не могли объяснить другие. В результате каждый из них выступал с теорией, страдавшей односторонностью, ограниченностью приложения.

³³ Allport G. W. Pattern and growth in personality, p. 513.

ВОЗРАСТНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ

Отражение человеком действительности всегда оказывается опосредованным особенностями, которые характеризуют этого человека как личность, как субъекта труда, познания и общения. Эта закономерность распространяется и на процесс познания человека человеком. Выступая в качестве объекта познания и действия, человек отражается в сознании людей и определяет их поведение, лишь «преломляясь» через их внутренний мир, сложившийся строй мыслей и отношений. Восприятие и понимание человека, формирующиеся у дошкольника или у школьника, отличаются от восприятия и понимания этого же человека взрослым.

Раскрыть основные особенности отражения человеком других людей, учитывая степень сформированности его как субъекта труда, познания и общения, — задача, в успешном решении которой заинтересованы как теория, так и практика. В последующем изложении освещается один из аспектов этой большой и сложной проблемы. Мы поставили цель выявить конкретные особенности восприятия человеком других людей в зависимости от того, на какой ступени психического развития находится сам познающий субъект. В этой главе излагаются результаты изучения восприятия человека человеком, которое проводилось с учетом возраста воспринимающих. В первой части дается анализ особенностей восприятия человека взрослыми людьми, во второй — детьми, подростками и юношами. Сравнивая восприятия людей представителями названных возрастных групп, можно выяснить ряд существенных моментов, характеризующих развитие этого процесса.

В опытах, результаты которых излагаются ниже, испытуемыми были взрослые (студенты в возрасте 21—26 лет) и школьники всех возрастных групп.

В число испытуемых включались лишь те, в чьем внешнем облике не было бросающихся признаков. Испытуемые, входящие в каждую возрастную группу, были членами одного коллектива и хорошо знали друг друга.

Для получения сравнимых данных при проведении эксперимента во всех возрастных группах применялась одна и та же методика. Она заключалась в том, что лица одной возрастной группы приглашались в аудиторию (или класс) и перед каждым из них ставилась задача описать внешность всех остальных таким образом, чтобы, если понадобится, только по одним «словесным портре-

там»¹ можно было разыскать тех, кто описывается. Испытуемые 13—26 лет могли выполнять это задание только письменно. Испытуемые 10—12 лет могли выбрать по желанию или письменный, или устный вариант. Первоклассники (дети 7—8 лет) выполняли это задание устно. Содержание полученных таким образом 2275 «словесных портретов» было затем подвергнуто анализу, целью которого было:

1. Выяснить, какие элементы внешнего облика и с какой частотой отображены испытуемыми в созданных ими «портретах». Отмечавшиеся испытуемыми во внешнем облике людей особенности были разделены на три группы. Они характеризовали: а) физический облик; б) выразительное поведение; в) оформление внешности.

2. Установить, как изменяется отражение этих элементов облика человека в зависимости от возраста испытуемых.

3. Проследить, как в зависимости от возраста испытуемых, точнее от степени развития их как субъектов труда, познания и общения в целом меняется характер восприятия ими других людей.

4. Выявить индивидуальные отличия в восприятии людьми друг друга при применении описанной выше методики.

Восприятие человека взрослыми людьми. 50 взрослых испытуемых, которых мы разделили на пять групп по десять человек в каждой, на основе непосредственного восприятия дали 450 описаний внешнего облика (каждый испытуемый описал внешность девяти человек, входивших с ним в одну группу).

Основные элементы внешности человека представлены в этих описаниях очень неравномерно. Если принять за 100% общее число фиксирований испытуемыми всех элементов внешности, то отражение элементов физического облика составляет 82,5%, экспрессии — 13,6, оформления внешности — 3,9%.

Различные элементы внешнего облика человека отображены в «портретах» также не одинаково часто. Если все эти элементы расположить в ряд в зависимости от того, в каком количестве описаний каждый из них был назван, то получается такая последовательность (табл. 2).

Таким образом, воспринимая других людей и воссоздавая затем их облик, взрослые испытуемые выделяют прежде всего рост, глаза (цвет), волосы (цвет), мимику (выражение глаз и лица), нос, особенности телосложения человека. Все другие признаки при словесном воссоздании внешности отмечаются реже. Рост, цвет глаз и волос являются в глазах взрослых наиболее значимыми отличительными элементами облика человека. При словесном воссоздании внешности людей для большинства испытуемых они выполняют

¹ Термин «словесный портрет» употребляется нами не в том значении, в каком его применяют криминалисты. В криминалистике «словесный портрет» — описание признаков внешности человека с помощью определенной и специально разработанной терминологии. В нашей работе «словесный портрет» — описание внешности человека любым испытуемым, который этого человека воспринимает.

Таблица 2

Элементы внешнего облика	Кол-во портретов, в которых данный элемент назван		Элементы внешнего облика	Кол-во портретов, в которых данный элемент назван	
	абс. цифры	%		кбс. цифры	%
Рост	378	83	Поза (осанка)	47	10,3
Глаза (цвет)	343	75	Зубы	43	9,5
Волосы (цвет)	331	73	Голос и речь	41	9
Мимика	302	66	Косметика, украшения и пр.	38	8,4
Лицо	291	64	Жестикация	36	7,9
Нос	267	59	Особые приметы (анатом.)	35	7,7
Телосложение	248	55	Кожа	32	7
Губы	185	41	Одежда	31	6,8
Лоб	162	36	Полозка	17	3,7
Брови	104	23	Шея	15	3,3
Подбородок	94	21	Руки	14	3,1
Рот	85	19	Ноги	12	2,6
Прическа	58	13	Плечи	8	1,8
Уши	49	11			

роль опорных признаков, с которыми испытуемые затем связывают другие элементы, если они отличаются какими-то характерными для воспринимаемого человека особенностями. Как мы увидим позже, названные элементы начинают играть роль таких главных опорных элементов лишь с определенного момента формирования познающего субъекта как личности. Совершенно очевидно, что важными признаками во внешнем облике являются также общий контур тела и форма лица воспринимаемого человека. Роль их как опознавательных признаков в практике общения велика. Тем не менее в «портретах» они выделяются испытуемыми не в первую очередь.

Из особенностей, характеризующих экспрессию воспринимаемого человека, чаще всего выделяется мимика (общее выражение лица, глаз другого человека), реже отмечается типичная для человека поза и еще реже другие особенности выразительного поведения. В отличие от признаков, характеризующих физический облик или оформление внешности, особенности выразительного поведения включаются испытуемыми в «портреты» часто по памяти. Ни походку, ни голос, ни речь, ни некоторые из жестов тех, чей облик нужно было воспроизвести, испытуемые в момент опыта не воспринимали, тем не менее некоторые, используя результаты прошлых наблюдений за этими людьми, отметили в их облике и названные признаки. После опыта эти испытуемые поясняют, что в их сознании облик описываемых обязательно связывается и с названными особенностями выразительного поведения. Поэтому они отме-

чают наиболее типичное для воспринимаемого человека выражение лица, позу, особенности походки, любимые жесты, характерную для него манеру говорить.

Вот несколько примеров фиксирования в облике человека подобных признаков. Все они взяты из «портретов» одного и того же человека, Владимира П., нарисованных его товарищами по группе. «Поза чуть усталая. Обычно одна рука в кармане, другая засунута за пиджак. Говорит медленно, тихо». «...Привычка закусывать губу... Походка с разворотом носков внутрь, немного меланхоличная манера движения...» «Очень вялый, частое выражение недовольства проявляется в характерной мимике и позе... мимикой своего лица владеет, часто используя это, и поэтому иногда выражение лица не соответствует внутреннему состоянию». «Когда увлекается, начинает сильно жестикулировать и лицо становится очень выразительным». Воссоздавая облик участницы опыта П., испытуемый Л. отмечает, что она «четко очерченные маленькие губы любит сжимать в трубочку, когда на минуту над чем-то задумывается». Испытуемый Б., создавая «портрет» участника опыта У., замечает: «...для речи У. характерен лаконизм. Часто, произнеся фразу, он оставляет рот слегка открытым...» и т. д.

Широкое включение черт экспрессии в создаваемый на основе восприятия «портрет» человека существенно отличает моделирование облика хорошо знакомых людей от моделирования испытуемыми облика тех, кого они видят впервые. Это, в частности, подтверждается таким фактом: испытуемым 1-й группы наряду с заданием словесно воссоздать облик друг друга было предложено в другом опыте «нарисовать» «портреты» десяти совершенно незнакомых им людей. В этом случае черт экспрессии в облике было отмечено и названо в 8,5 раза меньше, чем при выполнении первого задания.

Сравнение описания внешности разных людей, созданных одними и теми же испытуемыми, выявляет различие в образах, которые формируются у испытуемых при отражении этих людей. Таблица 3 показывает, какие элементы внешности в ходе опыта были отмечены у каждого из тех, кто выступал в роли объекта восприятия в 1-й группе. Цифры в таблице, далее, говорят, сколько испытуемых отметило данный элемент в облике того или иного участника опыта.

Если не забывать, что максимально возможное число фиксирований каждого элемента внешности в облике одного человека в описываемом опыте равнялось девяти, то ясно, что, помимо главных опорных опознавательных признаков (рост, глаза, волосы), во внешности почти каждого из воспринимавшихся людей имеются определенные элементы, которым «повезло», так как их отображали в описаниях облика этого человека все или по крайней мере большинство испытуемых, и есть элементы, которые привлекли внимание немногих. Например, у Д. «везучими» элементами облика оказались мимика и нос, у Б. — форма лица, у Л. — волосы и телосложение и т. д.

Таблица 3

Элементы внешнего облика	Количество испытуемых, отметивших данный элемент внешности у участника опыта									
	Ч.	П.	Ш.	Д.	Ф.	Г.	Л.	Е.	Б.	У.
Рост	8	7	6	8	7	8	8	7	9	7
Телосложение	5	4	7	3	3	7	9	4	4	5
Лицо	6	1	5	6	7	6	7	6	8	8
Лоб	5	4	3	4	—	2	5	4	7	3
Брови	—	1	1	—	2	2	—	5	1	—
Нос	6	7	7	8	—	5	5	—	6	5
Рот	1	2	5	3	—	1	2	1	1	1
Губы	3	5	1	4	5	3	—	6	4	5
Подбородок	1	—	1	1	1	6	2	2	4	—
Уши	2	2	—	1	—	—	1	1	1	2
Глаза	6	7	7	6	6	8	5	5	5	6
Волосы	7	7	6	4	4	9	9	9	7	6
Шея	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Зубы	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Кожа	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие элементы	—	—	—	2	1	—	2	—	—	—
Мимика	8	9	7	9	6	5	4	3	6	6
Жестикуляция	—	—	—	1	—	2	—	2	2	—
Походка	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—
Поза	—	—	—	1	—	2	—	—	3	2
Голос и речь	1	—	1	1	—	3	—	—	—	—
Прическа	2	1	2	2	2	—	1	1	—	—
Одежда	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Косметика, украшения и пр.	—	—	—	2	3	—	—	—	—	—
Всего отмечено элементов	66	57	59	67	47	70	64	57	68	57

Это сходство в образах восприятия конкретных людей одними и теми же испытуемыми, выражавшееся в подчеркивании многими определенных черт, обуславливается особенностями, присущими внешности объектов восприятия. Видимо, в значительной степени действием этого же фактора объясняется и различие в восприятии испытуемыми разных людей; в облике одних воспринимаемых испытуемые отмечают большее число элементов и характеризующих их признаков, чем в облике других. При прочих равных условиях большинство людей во внешнем облике человека быстрее отмечают особенности, которые оказываются отклонением от «образцов» облика, принятых этими людьми за норму.

При отражении испытуемыми одних и тех же людей ярко проявляются отличия, характеризующие индивидуальную манеру видения. Внимательный анализ данных, показывающих, сколько раз каждый из испытуемых отметил тот или иной элемент во внешности остальных девяти участников опыта, дает возможность проследить, какие элементы в облике других людей для данного испытуемого оказываются более, а какие менее существенными.

Прежде всего при отражении физического облика проявляется характерная только для данного испытуемого тенденция чаще выделять и больше подчеркивать одни элементы облика и меньше другие. В табл. 4, где показано, сколько раз тот или иной элемент в облике одних и тех же людей назвал каждый из испытуемых

Таблица 4

Элементы внешнего облика	Количество фиксирований данного элемента испытуемым									
	Ч.	П.	Ш.	Д.	Ф.	Г.	Л.	Е.	Б.	У.
Рост	8	9	9	9	9	6	5	6	5	9
Телосложение	5	8	7	5	1	7	3	2	6	7
Лицо	1	9	4	9	3	5	8	6	6	9
Лоб	6	1	7	3	9	2	—	3	—	6
Брови	5	2	3	—	—	—	—	—	1	1
Нос	8	1	5	8	9	—	2	2	5	9
Рот	1	—	—	2	9	—	—	—	1	4
Губы	4	—	5	6	1	1	5	—	5	9
Подбородок	4	1	5	1	—	—	1	2	1	3
Уши	—	—	—	—	7	—	—	—	—	3
Глаза	7	1	9	9	9	1	2	7	7	8
Волосы	6	9	7	9	9	8	1	8	3	8
Шея	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Зубы	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1
Кожа	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Прочие элементы	2	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Мимика	1	2	5	1	7	9	9	7	9	7
Жестикуляция	—	—	—	1	2	3	1	—	—	—
Походка	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
Поза	—	—	—	—	—	3	1	4	—	—
Голос и речь	—	—	—	—	—	1	—	1	4	—
Прическа	1	2	—	1	—	1	2	1	—	1
Одежда	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Косметика и пр.	1	1	2	—	—	—	1	—	—	—
Общее количество фиксирований элементов облика	60	47	70	70	76	47	46	52	58	86

1-й группы, эта тенденция хорошо прослеживается. Например, испытуемый Ч. часто отмечал рост, нос, глаза, но довольно редко •отмечал форму лица и рот воспринимаемого и вовсе не фиксировал в «портретах» уши, зубы и цвет кожи.

В табл. 5 на основе анализа данных табл. 4 прослежено, как упомянутая тенденция в восприятии физического облика проявилась у каждого испытуемого 1-й группы, какие элементы он фиксировал хорошо (не менее чем в 70% «портретов»), какие удовлетворительно (не более 30%) и какие плохо (0% «портретов»),

Таблица 5

Испытуемый	Элементы физического облика, выделяемые		
	хорошо	удовлетворительно	плохо
Ч.	рост, нос, глаза	форма лица, рот	уши, шея, зубы, кожа
п.	рост, форма лица, телосложение, волосы	лоб., брови, нос, подбородок, глаза, шея	(цвет) рот, губы, уши, зубы, кожа (цвет)
пп.	рост, телосложение, глаза, волосы, лоб	брови	рот, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
д.	рост, форма лица, нос, глаза, волосы	лоб, рот, подбородок	брови, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
ф.	рост, лоб, нос, рот, глаза, волосы, уши	телосложение, форма лица, губы	брови, подбородок, шея, зубы, кожа (цвет)
г.	телосложение, волосы	лоб, губы, глаза, шея	брови, нос, рот, подбородок, уши, зубы, кожа (цвет)
л.	форма лица	телосложение, нос, подбородок, глаза, волосы	лоб, брови, рот, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
Е.	глаза, волосы	телосложение, лоб, нос, подбородок, зубы	брови, рот, губы, уши, шея, кожа (цвет)
Б.	глаза	брови, рот, подбородок, волосы, кожа (цвет)	лоб, уши, шея, зубы
У.	рост, телосложение, форма лица, нос, губы, глаза, волосы	брови, подбородок, уши, зубы	шея, кожа (цвет)

Таким образом, у испытуемых выявилась стойкая тенденция отмечать в облике воспринимаемых людей одни черты, одни элементы и совсем или почти не фиксировать другие. Чтобы проверить степень устойчивости этой тенденции, характеризующей восприятие людьми физического облика друг друга, нами была использована дополнительная методика. Испытуемым через тахистоскоп предъявлялась состоящая из 20 карточек серия контурных изображений человеческого лица. В каждом изображении лица недоставало каких-то двух основных элементов, например глаз и рта, волос и носа, контура лица и бровей (лишь одно изображе-

ние содержало все основные элементы, характерные для лица). Всмотревшись в изображение лица, показываемое в окошечка тахистоскопа, каждый из испытуемых должен был сказать, чего в этом лице не хватает.

В течение всего эксперимента² каждое изображение лица предъявлялось в течение 0,75 секунды. Постоянной в опытах была и освещенность. Экран тахистоскопа располагался от испытуемого на расстоянии 1,2 метра. Во время опыта подбородок испытуемого опирался на специальную подставку. Всего в опытах участвовало 20 человек (1-я и 2-я группы испытуемых). В общей сложности от них было получено 1230 оценок лиц. Результаты этих опытов свидетельствуют, что испытуемые чаще отмечали отсутствие тех элементов лица, на которые они обычно обращали внимание при создании «словесных портретов».

Воспринимая схематические изображения лиц, в каждом из которых отсутствовали каких-то два основных элемента, испытуемые в подавляющем большинстве случаев из-за краткости времени экспозиции изображения успевали отметить отсутствие в лице какого-то одного из двух элементов. Для всей группы испытуемых в целом элементами лица, отсутствие которых они фиксировали чаще, были: а) форма лица — 73% предъявлений, б) волосы — 72; в) глаза — 69,5% предъявлений. Отсутствие других элементов на лице испытуемые замечали реже: отсутствие рта они заметили в 42,2% случаев, носа — в 38,6, ушей — в 34,3, бровей — в 27,2% случаев. Таким образом, при восприятии изображений лиц, в которых отсутствовало по два элемента, форма лица, волосы и глаза оказались для испытуемых более сильно действующими компонентами лица, чем рот, нос, уши, брови.

Пока речь шла об особенностях восприятия, характеризующих группу испытуемых в целом. Но в излагаемом исследовании были выявлены и индивидуальные отличия в восприятии изображений лиц, аналогичные тем, которые имели место при создании испытуемыми «словесных портретов» друг друга. Эти различия заключались в том, что для каждого из испытуемых (в данном случае эксперимент проводился с 1-й группой) была характерна своя тенденция фиксировать почти без пропусков и с малым числом ошибок наличие или отсутствие в лице одних элементов и намного реже отмечать наличие или отсутствие других. Представление о такой тенденции дает таблица 6. В ней показано, отсутствие каких частей лица в схематическом изображении каждый из участников опыта замечал хорошо (дал не меньше 70% правильных

² Проводя этот и аналогичный ему эксперименты и сравнивая полученные в них данные с результатами предшествующего опыта, мы постоянно делали Поправку на то, что в опыте с тахистоскопической методикой ситуация для испытуемых была иной, чем та, когда они воспринимали не реального человека, а его плоскостное изображение, и, кроме того, размеры всего облика человека и отдельных элементов в нем в этом случае были иными по сравнению с тем, когда эти же испытуемые воспринимали и описывали реальных людей.

-ответов), отсутствие каких элементов фиксировал неважно (меньше 30%), а какие не замечал вовсе.

Сравнение результатов опытов, зафиксированных в таблицах 6 и 7, позволяет с -большой уверенностью говорить об индивидуальном своеобразии восприятия. Каждый из испытуемых склонен выделять одни элементы облика воспринимаемого человека чаще, чем другие. Эти индивидуальные различия в восприятии физического облика одного и того же человека разными людьми, видимо, можно объяснить явлением установки. Как известно, установка есть

Таблица 6

туемы е	Части лица, отмечаемые		
	хорошо	посредственно	плохо
Ч.	глаза, волосы, нос	рот	уши
П.	волосы	брови, нос	рот, уши
ш.	форма лица, волосы	-	брови, уши
д.	форма лица, волосы	рот	брови
Ф.	глаза, нос, рот	волосы	-
г.	волосы	уши, рот	брови, нос
л.	-	глаза, уши	нос, рот
Е.	глаза, волосы	брови, уши	-
Б.	глаза, форма лица	рот	брови, нос
У.	форма лица, глаза, волосы	-	-

состояние, обусловливаемое определенной организацией предшествующего опыта человека, которое создает дифференцированное отношение, избирательную готовность афферентных процессов. Обусловливаемая конкретным содержанием предшествующих переживаний установка влияет на содержательную сторону переживаний предстоящих.

Испытуемым, кроме описанных отличий восприятия черт физического облика других людей, оказались присущи и другие индивидуальные особенности. Так, во всех пяти группах имели место случаи, когда разные испытуемые, воссоздавая облик одного и того же человека, давали неодинаковую оценку как внешности в целом, так и ее отдельным компонентам. Эти расхождения сплошь да рядом возникали при оценке разными испытуемыми вида и особенно величины Элементов физического облика одного и того же человека. Мнения испытуемых могли не совпасть, когда они определяли цвет глаз одного и того же человека, форму его лица, цвет волос, величину лба, рта и т. д. Несовпадение оценок особенно часто проявлялось, когда испытуемые отмечали и оценивали такой заметный признак в физическом облике человека, как рост. Наглядное представление об этом факте дает таблица 7, в которой приведены данные об оценке роста одних и тех же людей испытуемыми 1-й и 2-й групп.

Таблица 7

Воспри- маемый человек	Его рост	Количество испытуе- мых, отме- тивших рост	Количество испытуемых, оценивших рост как				
			низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	большой
1	2	3	4	5	6	7	8
С.	179,0	4	—	—	—	—	4
В.	157,0	5	2	1	2	—	—
В.	158,0	4	1	1	2	—	—
Я.	162,0	3	1	1	1	—	—
М.	165,0	3	—	1	2	—	—
Т.	161,0	5	—	—	2	1	2
И.	167,0	3	—	—	—	—	3
О.	154,0	3	1	1	1	—	—
А.	166,0	3	—	—	1	1	1
Ч.	163,0	8	—	—	5	—	3
П.	159,0	7	2	—	5	—	—
Ш.	158,0	6	2	1	3	—	—
Л.	153,0	8	6	2	—	—	—
Ф.	156,0	7	—	1	6	—	—
Г.	165,0	8	2	1	5	—	—
Л.	163,0	8	3	3	2	—	—
П.	176,0	7	—	—	1	1	5
Б.	166,0	9	—	2	6	1	—
У.	162,0	7	4	3	—	—	—

Примечание. Действительный рост каждого из "воспринимаемых" людей был установлен исходя из рубрикации длины тела, принятой в антропологии (по Мартину).

Из таблицы 7 видно, что рост каждого из воспринятых в опытах людей был отмечен в их «портретах» неодинаковое число раз — от трех до девяти. Из ста, тринадцати оценок испытуемыми роста друг друга мнения совпали полностью только при оценке роста двух человек: С., И. При оценке роста остальных восемнадцати у испытуемых единого мнения не оказалось. При более внимательном рассмотрении выясняется, что, оценивая рост, испытуемые могут употреблять разные обозначения, но иметь в виду одну и ту же длину тела человека и в ряде случаев использовать одинаковые обозначения и иметь в виду не одну и ту же длину тела человека. Дополнительно проведенный эксперимент на определение этими испытуемыми длины тела человека показал, что некоторые из них пользуются классификацией роста людей, отличной от общепринятой. Одни из них используют каждый из терминов общепринятой классификации роста, как правило, для обозначения меньшей длины тела, чем та, для обозначения которой этот термин применяется большинством людей. Другие же употребляют каждый из терминов для обозначения большей длины тела, чем это принято. В наших опытах некоторые из испытуемых постоянно причисляли людей ниже среднего роста к людям среднего

роста. Средний рост они постоянно расценивали как выше среднего и даже большой. У двух испытуемых в эксперименте при оценке роста наблюдалась противоположная тенденция. Они стойко занижали действительную длину тела людей, которую должны были определять.

Как объяснить указанные факты? Первоначально казалось, что они прямо связаны с собственным ростом испытуемых: высокие имеют тенденцию недооценивать длину тела людей меньшего роста, а для людей небольшого роста, наоборот, характерна тенденция преувеличивать рост других. Однако это предположение не подтвердилось. Хотя действительно имели место факты, когда высокие люди недооценивали рост людей с меньшей длиной тела, а люди низкого роста переоценивали длину тела людей выше их ростом, однако в ряде случаев высокие люди переоценивали рост людей с меньшей длиной тела, чем их собственная, а люди низкого роста «занижали» рост людей выше себя. Кроме того, в эксперименте выявилась довольно многочисленная группа людей, для которых вообще не была характерна тенденция систематически переоценивать либо недооценивать рост других людей. Представители этой группы рост одного человека определяли правильно, рост другого — завышали, рост третьего — преуменьшали и т. п.

Видимо, несовпадение мнений при определении действительного роста человека, когда такая задача специально ставилась перед людьми, и ошибки, допускавшиеся при решении ее, объясняются тем, что в практике повседневного общения, во многих видах совместной деятельности рост людей не влияет на результаты деятельности и не имеет какого-либо сигнального значения. Жизнь не требует от нас точно дифференцировать рост других людей и не проверяет, насколько каждый преуспел в этом. Отражая объективные различия между людьми в росте, индивидуум устанавливает границы этих различий на основании своего опыта и, опираясь на него, судит о росте каждого из воспринимаемых им людей. При оценке роста других людей имеет значение оценка, даваемая индивидом своему росту. Оценка может соответствовать действительности и не противоречить мнению большинства, но может и не совпадать с ним. Среди испытуемых был человек, который, согласно рубрикации длины тела, принятой в антропологии, относился к людям низкого роста (158 см), но в «словесном автопортрете» он назвал свой рост средним. Других людей низкого и ниже среднего роста, длину тела которых ему было предложено оценить, он тоже считал людьми среднего роста.

Весь этот вопрос, связанный с оценкой одних и тех же компонентов физического облика того или иного человека разными людьми, видимо, заслуживает дальнейшего изучения. Всесторонний и глубокий ответ на него поможет лучше уяснить одну из важных, особенностей формирования образа другого человека у воспринимающего его лица.

Существенной особенностью, характерной для восприятия дру-

гих людей, является и степень различения и осознания индивидом особенностей их выразительного поведения. Всех испытуемых, которые на основе восприятия описывали внешность человека, можно определенно разделить на три группы в зависимости от того, как они фиксировали особенности выразительного поведения человека и как широко включали их в «портрет» в качестве существенных признаков облика. Для одних была характерна тенденция отмечать во внешности воспринимаемых людей только черты физического облика. Особенности экспрессии представители этой группы или не отмечали совсем или называли очень редко (1—4% от числа всех фиксирований компонентов облика), преимущественно в тех случаях, когда воспринимали людей с яркой и богатой мимикой и пантомимикой. Другая группа испытуемых чаще отмечала черты выразительного поведения у воспринимаемых (5—10% от числа всех фиксирований признаков внешности). Большинство испытуемых этой подгруппы выделяли в выразительном поведении воспринимаемого человека лишь мимику. Наконец, среди принимавших участие в опыте была категория испытуемых, которые, отмечая физические черты человека в «портрете», вместе с тем сравнительно полно и детально фиксировали особенности его экспрессии, обращая внимание как на мимику, так и на другие стороны (20—30% высказываний от числа всех фиксирований компонентов облика). Участвовавшие в опытах со «словесным портретом» испытуемые отличались друг от друга также и тем, насколько часто каждый из них называл особенности, относившиеся к оформлению внешности воспринимаемого человека.

Возникает вопрос, является ли обнаруженное в описываемом эксперименте различие между испытуемыми стойкой индивидуальной особенностью восприятия или оно всецело определяется тем, как тот или иной испытуемый понял инструкцию, которая ему была дана перед опытом. Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы провели дополнительный эксперимент.

Группе испытуемых из 32 человек (21—26 лет) мы показывали фотографии незнакомых им людей. Посмотрев на фотографию в течение 1 секунды, каждый из испытуемых должен был записать все, что успел заметить. Всем последовательно были показаны фотографии смеющейся девушки, мальчика, играющего в настольный теннис, и средних лет мужчины. Запись увиденного испытуемые делали после просмотра каждой из фотографий.

Суждения испытуемых об изображенных на фотографиях людях были разбиты на шесть групп в зависимости от того, что они характеризовали в первую очередь — физический облик, мимику, позу, действия человека, оформление его внешности (прическа, одежда и пр.) или же говорили о тех или иных качествах личности. Затем было подсчитано, какое количество суждений каждый испытуемый высказал о каждой из названных сторон внешнего и внутреннего облика людей на фотографиях и о выполняемых ими Действиях. Приняв общее число суждений, высказанных испытуе-

мым обо всех названных сторонах людей за 100%, мы высчитали далее процент суждений, характеризующих каждую сторону. Выраженные, таким образом, в процентах результаты опыта представлены в таблице 8.

Таблица 8

Испытуемые	Процент суждений, характеризующих					
	физический облик	мимику	позу	одежду и причёску	действие	качества личности
1		25	12,5	12,5	12,5	37,5
2	25	10	10	50	5	—
3	17	17	17	41	8	—
4	—	40	20	20	—	20
5	20	30	10	35	5	—
6	24	14	28,5	28,5	5	—
7	14	44	7	7	7	21
8	32	21		26	5	—
9	14	38	5	28	5	10
10	6,5	29	29	29	—	6,5
11	27	27	12	27	7	—
12	17	22	22	33	6	—
13	15	31	15	31	—	8
14	32	14	7	43	4	—
15	17	12	24	41	6	—
16	19	37	19	25	—	—
17	5,5	17	11	61	5,5	—
18	22	18	22	30	4	4
19	33	14	5	38	5	5
20	50	4	25	17	4	—
21	42	16	16	21	—	5
22	43	21	7	29	—	—
23	23	18	14	45	—	—
24	20	7	7	59	7	—
25	15	15	5	55	5	5
26	48	9	9	21	9	4
27	40	20	10	10	10	10
28	—	29	14	14	14	29
29	32	15	32	И	5	5
30	40	27	20	13	—	—
31	20	50	20	—	10	—
32	25	33	17	17	8	—

Из таблицы ясно, что, воспринимая фотографии одних и тех же людей, одни испытуемые наиболее часто и полно запечатлевают особенности физического облика, другие — детали оформления облика (прическа, головной убор, одежда, обувь и пр.), третьи — особенности мимики и пантомимики. Кроме того, есть испытуемые, для которых не характерна тенденция выделять в облике воспри-

нимаемых людей признаки по преимуществу какой-то одной категории. Они более ровно отмечают признаки всех групп³.

Как видно из таблицы, тенденция фиксировать в первую очередь особенности физического облика человека проявилась у пяти «испытуемых», тенденция прежде всего отмечать черты оформления облика человека оказалась присущей восьми испытуемым, тенденция прежде всего видеть и осознавать в другом человеке особенности мимики и пантомимики, оказалась ярко выраженной у тринадцати испытуемых. Восприятие, когда четко не проявляется тенденция выделять в облике другого человека признаки какой-то одной группы, характерно для четырех испытуемых.

Выявившиеся в изложенном опыте тенденции, характеризующие восприятие человеком фотографий людей и проявляющиеся в типичном для него более ярком отражении, при прочих равных условиях, одних сторон внешнего облика и менее ярком — других, дали себя знать и в группах взрослых испытуемых, рассматривавших фотографии людей при «более длительной экспозиции (1,5 и 2 секунды).

Дальнейшее исследование показало, что отмеченная тенденция имеет устойчивый характер и в ней определенно находит выражение индивидуальная манера видения человеком других людей. Она проявляется не только при восприятии других людей, но и в представлениях памяти.

По нашей просьбе десять человек, окончивших школу восемь лет тому назад, попытались воспроизвести внешний облик пятнадцати своих учителей. Оказалось, что большая часть испытуемых характеризовала главным образом какую-то одну сторону облика учителя и почти или совсем не характеризовала остальные его стороны. Результаты этого эксперимента приведены в таблице 9.

Воссоздавая по памяти облик одних и тех же людей, одна часть испытуемых преимущественно указывает на черты физического облика, другая часть — характеризует особенности выразительного поведения. В этой группе, возможно потому, что она была невелика, не оказалось лиц, которые, основываясь на прошлом одинаково полном восприятии физических черт и особенностей экспрессии учителей, сейчас с одинаковой степенью полноты отметили бы в «портретах» как черты физического облика, так и экспрессии.

Дальнейший анализ показал, что фиксирование некоторыми испытуемыми преимущественно особенностей выразительного поведения, как правило, коррелирует с большим умением различать

³ Мы не останавливаемся специально на видении испытуемыми характера Действия, выполняемого изображенным на фотографии человеком. Испытуемым предъявлялась всего одна фотография (мальчик, играющий в настольный теннис), содержание которой позволяло определенно говорить о действии лица. Однако большинство испытуемых (25 из 32) занятие мальчика поняли и называли.

и правильно толковать различные оттенки экспрессии. Наоборот, у испытуемых, которые отмечали главным образом физические черты или особенности оформления внешности, умение схватывать изменения в выразительном поведении других людей оказалось развитым хуже.

Таблица 9

Испытуемые	Процент суждений, характеризующих			
	физический облик	мимику и пантомимику	оформление внешности	внешность в целом
1	43	24	7	26
2	32	44	—	24
3	24	57	5	14
4	22	63	—	15
5	81	14	5	—
6	73	14	3	5
7	69	5	—	26
8	53	12	—	35
9	21	39	15	25
10	65	9	13	13

Определяя выражение лиц на фотографиях, показываемых через тахистоскоп, испытуемые первой подгруппы в среднем сделали ошибок на 62% меньше, чем испытуемые второй подгруппы (которые в предыдущем эксперименте во внешнем облике отмечали главным образом физические черты или детали оформления внешности). Испытуемые первой подгруппы, воспринимая через тахистоскоп различные выражения лиц на фотографиях, оказались способными улавливать менее значительные отличия в выражении лица, чем испытуемые второй подгруппы, которые при таком же времени экспозиции могли дифференцировать лишь сильно отличавшиеся друг от друга выражения.

Описанные факты говорят о существовании индивидуальных «порогов» различения изменений в экспрессии и сигнализируемых ею эмоциональных состояний. Эти факты заслуживают экспериментальной проверки на большем числе испытуемых. С умением лучше или хуже видеть и дифференцировать особенности экспрессии человека прямо связано формирование способности личности психологически адекватно взаимодействовать с другими людьми, проявлять чуткость и пр.

Видимо, более тонкое различение оттенков экспрессии и их значения одними людьми и более грубое другими является следствием конкретной практики общения, которая формирует каждого человека как субъекта познания других людей.

Прежде чем перейти к следующим вопросам нашей темы, необходимо остановиться еще на одной особенности индивидуального восприятия человеком других людей. Неодинаковость вос-

приятия одного и того же человека разными людьми проявляется, в частности, в различии словесной формы, в которой они фиксируют и оценивают признаки его внешнего облика. Мы знаем, что, словесно обозначая видимый предмет, человек включает формирующийся у него конкретный образ этого предмета в сложившуюся у него в индивидуальном опыте систему образов других предметов и явлений. Включая возникший образ в систему близких к нему в том или ином отношении образов, закрепленных в опыте человека в форме, на которой лежит печать этого опыта, человек осознает предмет или явление. Не составляют исключения из этого правила и осознание и оценка индивидом другого человека, когда ему приходится воспринимать, а затем словесно воссоздавать внешний облик этого человека.

Суждения, с помощью которых испытуемые обозначали и осмысливали особенности внешнего облика других людей, а также выражали свое отношение к нему, можно условно разделить на четыре вида.

Одни из них имели четко определенное содержание и применялись для того, чтобы обозначить вид, величину, цвет, положение, форму того или иного компонента во внешнем облике. «Худощавое телосложение», «круглое лицо», «черные волосы» и т. п. — примеры этой группы обозначений видимого в облике другого человека содержания.

Для второй группы суждений характерно использование испытуемыми штампов обыденного сознания или представлений, почерпнутых из литературы, живописи и т. п. Эти обобщенные представления используются для подчеркивания каких-то определенных черт воспринимаемого человека, его профессии, национальной принадлежности и пр. Усмотрев сходство внешнего облика воспринимаемого человека (или какого-то компонента в нем) с чьей-то внешностью, ранее запечатленной по описанию или в результате личного восприятия, испытуемый говорит об этом человеке: «у него типично русское лицо», «он похож на Пьера Безухова», «у него пальцы музыканта» и т. д. В эту группу включаются нами также суждения, содержание которых фактически свидетельствует о том, что некоторые испытуемые проводят связь между анатомическими особенностями физического облика и особенностями психическими (умный лоб, волевой подбородок, чувственные губы и пр.)⁴. К этой группе относятся и суждения, в которых психологически истолковывается оформление внешности.

⁴ Личный опыт человека в формировании у него предположений о существовании связей между формой подбородка, например, и степенью развития воли У владельца такого подбородка или высотой лба и уровнем интеллекта играет ничтожную роль. Эти утверждения в основном результат влияния не самых лучших произведений художественной литературы, авторы которых при создании портрета героя не устают проводить прямую связь между видом и размером той или иной части тела и особенностями психического мира, не утруждая себя обращением к данным науки.

Третью группу обозначений видимого в другом человеке составляют суждения, посредством которых испытуемые психологически истолковывают выразительное поведение — «угрюмое лицо», «печальные глаза», «виноватая походка» и пр.

Наконец, содержание четвертой группы суждений об облике составляет эстетическая оценка испытуемым того или иного компонента или всей внешности в целом.

Количественно суждения, высказанные испытуемыми при характеристике внешнего облика лиц, которых они знали длительное время, распределились на названные группы таким образом.

Суждения первой группы составляют 71,4% от общего числа фиксирований всех признаков внешности участниками этого опыта. Суждения второй группы — 11% всех высказываний (в том числе суждения, проводящие связь между анатомическими особенностями облика и психическими особенностями, — 0,5%). Суждения, в которых подчеркивается связь между особенностями выразительного поведения и внутренним миром воспринимаемого, составляют 13,6%. Суждения, содержащие эстетическую оценку облика с точки зрения идеала, имеющегося у испытуемого, составляют 4%⁵.

Воссоздавая на основе восприятия внешний облик одних и тех же людей, разные испытуемые неодинаково использовали названные категории суждений. В таблице 10 в абсолютных цифрах и в процентах показано, как часто каждый из испытуемых, воссоздавая и оценивая облик другого человека, прибегал к суждениям, отнесенным нами к 1, 2, 3 и 4-й группам.

Отражая облик одних и тех же людей, испытуемые преломляют его через ту систему образно-понятийного знания о людях, которая у них к этому времени сложилась. А она у каждого из них индивидуально своеобразна, потому что индивидуально своеобразен опыт труда, познания и общения, который в каждом случае формировал эту систему. Поэтому и характер осмысливания разными испытуемыми облика одних и тех же людей также всегда более или менее различен.

Мы рассмотрели особенности восприятия человеком других людей, когда формирование его как субъекта познания достигает сравнительно высокой ступени. Однако прежде чем он оказывается способным к отражению других людей во всем богатстве признаков, присущих их облику и поведению, прежде чем он научится дифференцировать эти признаки в зависимости от их значимости и приобретет умение по ним давать воспринимаемому человеку правильную социально-психологическую оценку, он сам как лич-

⁵ В тех случаях, когда испытуемые создавали «словесный портрет», основываясь на первом впечатлении, соотношение суждений было несколько иным: суждений, где проводилась связь между анатомическими особенностями облика и психическими особенностями, было 6,3%; суждения, когда, осмысливая особенности внешности, испытуемый привлекал образы литературных героев и пр., составили в этом случае 25% и суждения, содержащие эстетическую оценку, — 7,9%.

ность должен пройти большой путь развития. Одним из аспектов формирования личности является развитие человека как субъекта познания других людей.

Восприятие человека детьми, подростками и юношами. Способность человеческого мозга отражать действительность в виде ощущений, восприятий, представлений, мысли есть результат длительного развития. Возникновению сознания, представляющего собой

Таблица 10

Испытуемые	Количество суждений							
	1-й группы		2-й группы		3-й группы		4-й группы	
	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%	абс. цифры	%
Ч.	49	81,6	7	11,7	1	1,7	3	5,0
п.	34	72,4	И	23,4	2	4,2	—	—
ш.	47	67,2	8	11,3	5	7,2	10	14,3
д.	61	87,2	—	—	8	11,4	1	1,4
ф.	62	81,5	3	4,0	7	9,2	4	5,3
г.	29	61,6	—	—	15	32,0	3	6,4
л.	29	62,9	2*	4,4	14	30,5	1	2,2
К.	34	65,4	—	—	13	25,0	5	9,6
Б.	43	74,2	1*	1,7	13	22,4	1	1,7
У.	71	82,4	3	3,5	7	8,2	5	5,9

* У Л. в двух высказываниях и у Б. в одном утверждается связь между физическим обликом воспринимаемого человека и его психическими качествами.

переход к качественно новой форме отражения объективной реальности, предшествуют формы отражения действительности, свойственные животным. В эту действительность, отражаемую животным, входит не только «мертвая» природа, но и живые существа и, в частности, особи того вида, к которому принадлежит данное животное. Отражение их оказывается важным компонентом регуляции поведения животного. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей развития отражения ребенком других людей, познанием кратко, как отражают друг друга высшие животные.

Н. А. Тих в фундаментальном труде «Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза»⁶ анализирует особенности восприятия обезьянами друг друга. Исследовательница тщательно прослеживает, как развивается у детенышей обезьян различение живых существ, дифференциация ими отгетков мимики и пантомимики обезьян стада, рассматривает развитие отношений детеныша к взрослым членам стада.

См.: Тих Н. А. Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт биол. наук. Л., 1950.

На второй неделе жизни детеныш уже отличает движущиеся предметы от неподвижных, но мать среди других самок он в это время не различает и может прицепиться к первой попавшейся обезьяне. В конце первого месяца наблюдается дифференцировка в отношении к своей матери и другим обезьянам, а также к людям. О появлении такого различия обычно говорит поведение детеныша. Маленькая обезьянка, которая до этого совершенно спокойно входила в контакт с любым -из окружающих, в один прекрасный день начинает проявлять энергичное сопротивление, когда ее хочет взять один человек, и, наоборот, охотно тянется к другому.

Узнавание происходит с первого беглого взгляда. Главное внимание при этом обезьяна обращает на лицо. Н. А. Тих отмечает, что обезьяна часто фиксирует лицо взглядом, вероятно, проверяя правильность выбора. Всякие изменения лица человека вызывают у маленькой обезьяны яркую эмоцию страха. Животное перестает узнавать человека, если он появится в необычном головном уборе, изменит прическу, наденет очки. Б. человеку детеныш прежде всего выделяет голову, а в ней глаза, на которые особенно обращает свое внимание.

Интересно ведут себя детеныши гамадрилы, рассматривая фотографии обезьян своего вида. Сначала у них отмечается агрессия — судорожное позевывание и хлопанье ртом, а затем... дремота, переходящая в сон. Трехчетырехмесячный детеныш хорошо различает ближайшее окружение своей матери от остальных членов стада. Об этом свидетельствует все его поведение. Он охотно подходит к тем самкам, которые часто объединяются с его матерью, и избегает тех членов стада, которые с ней 'враждуют'. Вожака группы детеныши отличают уже на пятом-шестом месяце жизни. Они относятся к нему с явно выраженным страхом, стараются обойти его подальше, не попадаться ему на глаза с кормом.

У детенышей обезьян развивается очень высокая чуткость к эмоциональным состояниям и их выражению. Н. А. Тих приводит в своей работе многочисленные факты, которые показывают, что обезьяны чувствительны не только к жестам, окрикам, но и к взгляду, к молчаливому отворачиванию, к еле заметным даже для человека движениям друг друга. Способность к такому различению оттенков экспрессии у детенышей обезьян развивается постепенно и формируется в связи с условиями их жизни в стаде. Каждый детеныш постоянно получает шлепки за действия, вызывающие неодобрение старших. Однако с возрастом таких физических мер воздействия на детеныша обрушивается все меньше. Трехчетырехмесячной обезьяне достаточно одного угрожающего взгляда со стороны взрослого, чтобы привести ее в состояние панического страха.

Изучая особенности стадного образа жизни обезьян, Н. А. Тих показала, что для них характерно внимательное отношение каждо-

го члена сообщества к положению и поведению других. Перемещения, группировки, каждое новое проявление в звуках или жесты отдельных обезьян неизменно вызывают внимание у всех. Эти изменения постепенно научаются фиксировать и различать и детеныши. Выработка у обезьяны такой способности к фиксации местоположения других обезьян, к различению изменений в их экспрессивном поведении — совершенно необходимое условие ее жизни в стаде и регуляции поведения в соответствии с требованиями среды.

Развитие ребенка — с момента появления на свет и до зрелости — есть формирование его как члена общества. В ходе формирования ребенка как члена общества, как личности происходит и процесс развития его психики от элементарных форм отражения, присущих младенцу, до высших форм сознательного отражения действительности, свойственных взрослому.

Восприятие человека человеком развивается вместе с развитием самого воспринимающего, с формированием у него потребностей в общении, познании и в труде. Известно, что в конце первого — начале второго месяца жизни у ребенка появляются специфические формы реагирования на ухаживающих за ним взрослых, что свидетельствует о выделении им взрослого из окружающей обстановки.

Н. Л. Фигурки и М. И. Денисова⁷ описали эту форму реагирования на взрослого человека, назвав ее комплексом оживления. Природа этой реакции научно убедительно еще не раскрыта. Д. Б. Эльконин, например, считает, что она является особым эмоциональным состоянием, возникающим благодаря тому, что общение ребенка со взрослым часто подкрепляется пищей, прием которой вызывает положительные эмоции⁸. Вследствие совпадения во времени положительно-эмоционального состояния ребенка с появлением рядом с ним ухаживающих за ним взрослых у него формируется положительная эмоционально-двигательная реакция, выражающаяся в улыбке и зрительном сосредоточении на лице Другого человека, интенсивном и быстром вскидывании ручек и переборе ножек.

Е. К- Каверина, специально исследовавшая реакции ребенка на голос человека, отмечает, что в период появления ориентировочных рефлексов на зрительные и слуховые раздражители реакции ребенка на человека и на предметы совершенно одинаковы.

⁷ Фигурны Н. Л., Денисова М. П. Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года. М., 1949.

⁸ См.: Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 1960.

Положительная эмоциональная реакция именно на лицо человека образуется постепенно⁹.

Положительное эмоциональное реагирование на взрослого является, с одной стороны, показателем того, что у ребенка возникла потребность общения со взрослым, лежащая в основе всего дальнейшего психического развития ребенка, а с другой — косвенным образом свидетельствует о роли развивающегося у ребенка восприятия другого человека. Оно оказывается совершенно необходимым актом проявления и удовлетворения потребности в общении.

А. В. Ярмоленко специально изучала сравнительную привлекательность различных предметов и человека для младенцев первого полугодия жизни и время внимания к различным объектам¹⁰. Она установила, что уже в первом полугодии жизни ребенок все более и более выделяет взрослого человека из других предметов. В то время как на протяжении от 4-го до 6-го месяца длительность сосредоточения его на неподвижном зрительном раздражителе возрастает, по средним данным, с 26 до 37 секунд, сосредоточение на неподвижном человеке возрастает с 34 до 111 секунд, т. е. в три раза; сосредоточение на движущемся зрительном раздражителе в этот период возрастает с 41 до 78 секунд, а на двигающемся человеке — с 49 до 186 секунд, т. е. почти в четыре раза. Если сосредоточение на звучащем перемещающемся предмете за это же время возрастает в три раза, то сосредоточение на говорящем, находящемся в движении человеке увеличивается в пять с лишним раз.

Помимо более устойчивой по сравнению с другими предметами фиксации внимания на человеке у ребенка на смену пассивному рецептивному контакту приходит активный рецептивный контакт со взрослым. Так, А. Валлон отмечает, что на шестом месяце среди прочих реакций простая фиксация (без дополнительных жестов) лиц других людей занимает 50%; на седьмом же месяце число таких реакций снижается до 26%, в то время как число реакций с жестами по отношению к другому человеку возрастает на 41%. Между седьмым и двенадцатым месяцами жесты, направленные на других людей, встречаются в 4 раза чаще, чем в первое полугодие, и превосходят на одну треть число жестов, имеющихся у детей на втором году жизни¹¹.

М. Ю. Кистьяковская указывает, что уже в возрасте от 3 до 6 месяцев у ребенка возникает избирательное отношение ко взрослым. Трехмесячный ребенок выделяет свою мать из окружающего, а шестимесячный начинает отличать чужих от своих. Если трех-четырёхмесячные дети улыбаются и оживляются на обращенный

⁹ См.: Каверина Е. К. О развитии, речи у детей первых двух лет жизни. М., 1950.

¹⁰ См.: Ярмоленко А. В. К предыстории потребности общения у малого ребенка.—Учен. зап. ЛГУ, 1957, № 244.

¹¹ Данные Валлона приводятся по кн.: Эльконин Д. Б. Детская психологи*. М., 1960, С. 75.

к ним разговор любого взрослого, то пяти-шестимесячные дети при приближении и обращении к ним чужого человека, вместо того чтобы сразу улыбнуться, долго и сосредоточенно смотрят на него, а затем либо улыбаются, либо отворачиваются, а иногда могут « громко расплакаться. Во втором полугодии ребенок может уже наблюдать за детьми и взрослыми, находящимися в поле его зрения¹².

Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова, обстоятельно исследовавшие развитие ребенка на первом году жизни, пишут, что до года улыбка появляется у ребенка почти исключительно на человеческое лицо или голос. Двигательная реакция на звук возникает прежде всего на человеческий голос, потом уже на другие звуки. Крик (испуг) в ответ на зрительные воздействия впервые появляется при дифференцировании человеческого лица (знакового) от близкого к нему раздражителя (чужой человек или маска) Ч

Таким образом, на первом году жизни ребенка устанавливаются и усложняются связи между ним и взрослыми. Приведенные факты говорят и об интенсивности, с какой развивается способность ребенка выделять из окружающей обстановки сначала близких, а затем и новых людей, а также дифференцировать их наиболее наглядные признаки.

Благодаря значению, которое имеет взрослый в жизни ребенка, в процессе взаимодействия с ним ребенок все тоньше дифференцирует особенности, составляющие внешний облик другого человека, и осваивает значение изменений, которые в нем происходят. В связи с изменением роли взрослых по отношению к ребенку, возможности которого к самостоятельному действию непрерывно растут, взрослые открываются ребенку со все новых сторон. Передавая ребенку общественно выработанные специфически человеческие способы употребления тех или иных предметов, взрослый все более выступает для ребенка не только как средство удовлетворения основных потребностей, но главным образом как носитель реальных форм общения и общественного опыта действий с предметами, которыми овладевает ребенок, и как организатор, руководитель его ориентировки во все расширяющемся предметном мире. Поэтому ребенок выделяет взрослого из всей совокупности элементов ситуации как ее центральное звено.

Однако, прослеживая этапы формирования навыков общения у ребенка, следует помнить о воспитательной роли в развитии первичной ориентировки в людях, грубого различения их состояний и выработки социальных способов контакта не только близких ребенку взрослых, но и тех взрослых и детей, с которыми ребенок общается в яслях, детском саду, во дворе и т. п. В этом случае

¹² См.: Кистьяковская М. Ю. Воспитание детей первого года жизни в яслях и домах ребенка. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. биол. наук. М., 1946.

¹³ См.: Фигурин Н. Л., Денисова М. П. Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года.

резко увеличивается круг лиц, с которыми ребенок связан. Он сталкивается с необходимостью дифференцировать их, выделять в них сходное и различное. Благодаря увеличению видов деятельности, в которых пришедший в детское учреждение ребенок взаимодействует с людьми, у него расширяется возможность видеть последних в новых ролях, и, таким образом, ребенок делает еще один шаг в познании других людей.

Очень большое значение в познании ребенком человека имеет овладение речью. Употребление имени и связывание с ним образа конкретного человека и каких-то действий, выполняемых им, являются ярким показателем развития отражения ребенком других людей. У ребенка появляется способность обобщать ощущения, возникающие при взаимодействии с определенным человеком. Углублением познания ребенком других людей является переход от называния взрослых в зависимости от выполняемых по отношению к нему функций (мама, папа, няня), к различению людей по внешним (возрастному и половому) признакам и особенно переход к использованию в разговоре местоимений для обозначения окружающих. Сознательное употребление ребенком местоимений в разговоре означает переход от представления о другом человеке к мысли о нем.

Уже при наличии сенсорной речи дети в ответ на вопросы могут правильно показывать на глаза, нос, уши, руки, ноги и другие части тела человека. В процессе дальнейшего овладения речью, как пишет П. Р. Чамата, дети способны не только показывать части тела человека, но и называть их, определять функции и т. д.¹⁴ В 3—4 года, а иногда и раньше, дети могут соотносить поступки и действия человека с его личностью. Это отчетливо показывают ответы детей на вопросы: «Кто это сделал? Почему он это сделал?»

Слово включается в восприятие благодаря связям, образующимся между непосредственно воспринимаемыми особенностями облика или проявлений другого человека и содержанием слова, по механизму «возбуждения второго порядка». Включение слова в восприятие человека совершается в ходе индивидуального развития. В процессе овладения речью у ребенка устанавливаются временные связи между тем или другим человеком из его окружения и обозначающими их словами, между позой, выражением лица, жестом и их словесным обозначением. Таким образом, в систему корковых связей, являющуюся нейродинамической основой образа другого человека, включается новый компонент — второсигнальные связи. Зрительный образ другого человека обогащается за счет содержания, закрепленного в обозначениях человека, черт его внешности и различных проявлений. Смысловое содержание слова соединяется с чувственным образом человека. При этом смысловое содержание, вошедшее в восприятие человека как компонент, на-

• чикает в подавляющем числе случаев осознаваться как содержание воспринимаемого человека, а не как содержание слова. Чувственное содержание образа человека становится носителем психологического индивидуально-личностного содержания. Человек начинает выступать в восприятии другого как лицо, обладающее не только непосредственными чувственно данными 'Свойствами, но • и сигнализируемыми ими психическими свойствами.

Общаясь с близкими взрослыми людьми, а затем и с людьми из более широкого окружения, дети учатся дифференцировать оттенки экспрессивного поведения и по ним «читать» переживаемое человеком состояние. Об этом свидетельствуют проявления маленькими детьми сочувствия, страха, радости и иных переживаний в соответствии с экспрессивной картиной поведения близкого им человека.

Понимать значение выразительного поведения других людей дети учатся постепенно. Т. А. Репина, исследовав восприятие дошкольниками выразительной стороны рисунка, раскрыла ряд особенностей отражения ими экспрессии¹⁵.

В качестве наглядного материала Т. А. Репина предъявляла детям трех — семи лет репродукции картин эмоционального содержания. При этом в картинах одной группы эмоции передавались главным образом мимикой и жестами изображенного человека. В других картинах, кроме мимики и позы изображенного лица, имело место более сложное выражение эмоции: раскрывались взаимоотношения персонажей друг с другом или их отношение к окружающим предметам.

Т. А. Репина установила, что легче всего дошкольниками в картине воспринимается эмоциональное содержание, непосредственно переданное в мимике изображенных персонажей. Восприятие же эмоционального переживания, выраженного в позе и жестах героя или через изображение взаимоотношений персонажей, представляет значительные трудности, особенно для детей младшего дошкольного возраста.

Воспринимая переживания персонажа, выраженные в мимике, дошкольники легче всего схватывают мимику радости и гнева. Выражение грусти, печали изображенного на картине персонажа для понимания дошкольников более трудно. Установить характер эмоции, выраженной через взаимоотношения изображенных персонажей и ситуаций, оказалось для дошкольников наиболее сложной задачей. Здесь выявились три уровня восприятия: 1) не понимается ни эмоция, выраженная в картине, ни ее сюжет; 2) правильно воспринимается эмоция, хотя сюжет ясно не понимается; 3) дети осознают сюжет картины и правильно воспринимают ее эмоциональное содержание. Третья ступень восприятия становится доминирующей только у детей старшего дошкольного возраста.

¹⁵ См.: Репина Т. А. Восприятие дошкольниками выразительной¹ стороны рисунка и ее влияние на отношение детей к герою книги.— Вопросы психологии, 1960, № 5.

¹⁴ См.: Чамата П. Р. Вопросы самосознания личности в советской психологии.— Психологическая наука в СССР, т. II. М., 1958.

Наблюдения за тем, как дети смотрят кинофильмы, телевизионные передачи, спектакли, подтверждают, что Т. А. Репина верно отметила особенность восприятия дошкольниками выразительного поведения людей и оценки переживаемых ими чувств.

Выявлению того, что именно дети разного возраста отражают в другом человеке, что в его внешнем облике для них значимо, что в формирующемся у них образе выдвигается на первый план, а что до времени оказывается в тени, способствует изучение подражания, игры и художественного творчества детей.

Многофазовый процесс подражания, как показал И. М. Сеченов, начинается с того, что у субъекта, наблюдающего за действиями другого, складывается образец этих действий, «мерка для подражания». А. В. Запорожец, А. Г. Ковалев, В. А. Просецкий выявили и исследовали этапы подражания¹⁶. Этапы эти таковы: а) безусловнорефлекторное подражание новорожденного¹⁷; б) малосознательное подражание младенца отдельным звукам, движениям, переходящее в конце младенческого возраста в подражание словам и действиям с предметами; в) дальнейшее воспроизведение движений и действий взрослого, а также все учащающееся отражение и воспроизведение преддошкольником целых фрагментов деятельности и жизни взрослых и их речи; г) игры-подражания на следующих ступенях развития ребенка; д) сознательное неигровое подражание, когда оно становится по преимуществу мотивированным и избирательным.

С развитием второй сигнальной системы слово, следуя первоначально за процессом подражания, фиксируя его результат, затем существенным образом его перестраивает, придавая ему обобщенный и сознательный характер.

По тому, что нового появляется в движениях, действиях, словах ребенка при сопоставлении с окружающими его образцами, можно в определенной мере судить о том, что он видит в людях и их делах, слышит в их речах, как улавливает их настроения, хотя, конечно, насколько осознает он все это — вопрос особый. В преддошкольном возрасте вторая сигнальная система проходит начальный этап своего развития, первая же сигнальная система уже достаточно развита для отражения и воспроизведения движений, аналогичных движениям взрослых. Поэтому, подражая, ребенок может подчас воспроизвести систему движений, не улавливая зависимости между действием и его результатом. Но это не снимает факта, что ребенок отразил и отобразил определенные социально значимые движения — жесты, выражение лица, действие с предметом — другого человека и тем самым сделал шаг вперед не только

¹⁶ См.: Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960; Ковалев А. Г. Психология личности. Л., 1963; Просецкий В. А. Пример как один из факторов формирования личности. Доклады на совещании по психологии личности. М., 1956.

¹⁷ По мнению А. В. Запорожца, на самых ранних ступенях развития подражание отсутствует.

в овладении социально принятыми формами поведения, но и? продвинулся в познании другого человека.

В дошкольном возрасте подражание ребенка может более или менее сильно отличаться от действия, которое он копирует. Однако и в этом случае подражанию предшествует отражение и запечатление ребенком содержания, связанного с обликом, деятельностью и поведением взрослых и сверстников, отражение уже не отдельных действий, предложений и небольших фрагментов поведения, а сравнительно сложных цепей их, многокомпонентных по составу способов выражения отношения другого человека к людям и вещам. Это фактически означает, что анализ поведения другого человека поднялся у ребенка на более высокую ступень, а также усложнился и синтез выделяемых в этом поведении элементов.

В деятельности подражания школьника для нас существенно* то, что на смену копированию внешнего поведения старших и сверстников приходит подражание их внутренним качествам, их чертам характера. Это опять-таки свидетельство того, что познание школьником другого человека продвинулось еще дальше.

Кого избирает учащийся в качестве образца для подражания, а кого отвергает, что в этих людях привлекло его в наибольшей? степени, а мимо чего он проходит, чего не видит — все это показатель не только моральной зрелости или незрелости школьника, но одновременно показатель степени развития у него умения дифференцировать различные стороны внешнего облика и формы поведения людей и расшифровывать их психологическое содержание.

Формой активного отражения ребенком облика, поведения и деятельности людей является игра. А. А. Люблинская, Д. Б. Эльконин, разрабатывавшие проблему игры, показали, что в игровых действиях ребенка содержание жизни и деятельности взрослых отражается в определенной последовательности¹⁸. Играя, ребенок: входит в такие сферы жизни людей, отражает такие их стороны, которые вне игры ему еще не доступны. В специфических условиях игры через действие с предметами ребенок «входит» в человеческие отношения. Ребенок воспроизводит в игре образ другого человека, и каждое игровое действие оценивается и товарищами по* игре и самим дошкольником с точки зрения соответствия этого действия образу. В результате такого сопоставления в игре собственного облика и поведения и облика и поведения взрослого, образ которого он воспроизводит, у ребенка развивается осознание внешних и внутренних особенностей другого человека.

Особенности отражения человека детьми раскрываются в художественном творчестве, в частности в изобразительной деятельности детей. Отражение действительности в рисунках детей разного возраста неодинаково. Запечатлевая в продуктах своего творчества действительность, ребенок в зависимости от возраста и

¹⁸ См.: Люблинская А. А. Очерки психического развития ребенка. М., 1959; Эльконин Д. Б. Детская психология.

•уровня развития отражает различные ее стороны с разной степенью активности. Отражая в рисунке, скульптуре, акварели, графике реальность, ребенок одни ее стороны запечатлевает более часто и подробно, другие стороны действительности ребенок отображает реже и менее детально, третьи — не замечает совсем. Содержание работ детей на так называемую свободную тему позволяет увидеть, что в окружающей действительности ребенку интересно в каждый момент, что вызывает у него эмоциональный •отклик и осмысливается.

По тому, какое место в содержании этих работ занимает человек, какие стороны в нем юные художники стараются отобразить, можно в определенной мере судить, что в окружающих людях — сильнее всего запечатлевается детьми того или иного возраста, на чем особенно задерживается их взор, что в воспринимаемом человеке осознается ими больше, что меньше, а что не осознается •совсем.

Среди психологов было распространено мнение, что все дети •рисуют главным образом людей. Наиболее четко эта мысль была •выражена Г. Кершенштейнером¹³. В. Вундт полагал, что в изобразительной деятельности детей существует определенная стадийность: на первой ступени преобладает изображение детьми человека; на второй ступени дети наиболее часто изображают в своих рисунках животных, на третьей ступени кроме человека и животных ребенок охотно изображает и другие предметы²⁰. Этим утверждениям противостоит мнение Е. И. Игнатъева. Совсем недавно, статистически обработав большое число детских рисунков на свободную тему, он пришел к выводу, что из четырех объектов действительности — человек, животное, растение и строение — человек изображается как городскими, так и сельскими школьниками реже всего²¹.

Однако Е. И. Игнатъев сделал этот вывод, проанализировав рисунки лишь школьников. При этом он не указывает начальный и конечный возраст юных художников, работы которых были им изучены. Он не указывает также количества рисунков своих учеников по годам их обучения в школе. Кроме того, остается неясным, чем руководствовался Е. И. Игнатъев, относя содержание рисунков к той или иной категории, если это были рисунки со сложным •содержанием. Поэтому вопрос о том, какое место занимает человек в детских рисунках, насколько часто дети отображают его по сравнению с другими объектами действительности остается пока открытым.

Вместе с тем остается фактом: дети на всех ступенях возрастного развития, как только выучиваются держать карандаш и ле-

¹³ См. Г. Кершенштейнер г. Развитие художественного творчества ребенка. М., 1914.

²⁰ См.: Вундт В. Фантазия как основа искусства. СПб., 1914.

²¹ См.: Игнатъев Е. И. Психология изобразительной деятельности детей. М., 1961.

пить из пластилина, сначала с помощью взрослых, а потом и сам?з в своем творчестве отображают человека. Не претендуя на решение указанного выше вопроса, так как для этого нужны более обширные материалы, чем мы смогли собрать, мы проанализировали содержание шестисот работ (рисунок, акварель, скульптура, резьба по дереву, графика), выполненных юными художниками в возрасте 4—17 лет²². В зависимости от содержания рассматриваемые работы были разделены на семь групп: 1) пейзаж (природа); 2) индустриальный пейзаж; 3) животные; 4) люди действующие (в ограниченном пространстве — в комнате, у станка, на физкультурной площадке и пр.); 5) люди позирующие (портрет); 6) иллюстрации к сказкам; 7) натюрморт. Далее работы юных художников, отнесенные к той или иной группе, были распределены по подгрупп-

Таблица 11

Содержание работы	Процент работ художников												Всего работ данного содержания
	4-5 лет	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16-17	
Природа													
а) с человеком	4.4	3.6	6.2	2	1.5	4.8	4.8	7	3.6	7.4	17	9.6	5
б) без человека	—	5.4	4.2	4	3	1	3.6	7	7.2	3.7	3.5	4.8	4
Пейзаж индустриальный													
а) с человеком	—	5.4	8.4	4	9	10	6.0	9	23	3.7	14	—	9
б) без человека	4.4	5.4	4.2	2	3	8.4	3.6	3.6	10	18	14	—	6
Животные													
а) с человеком	—	1.8	6.2	13	12	8.4	7.2	9	1.8	7.4	3.5	—	7
б) без человека	22	17	8.6	23	24	20	22	18	3.6	3.7	10	9.6	15
Люди действующие	25	22	32	28	27	33	36	39	38	29	27	19	32
Люди позирующие	13.2	21	10	2.0	4.5	4.8	3.6	14	9.0	14	7	38	9
Иллюстрации к сказкам													
а) с человеком	8.8	12	8.6	8	13	3.4	6.0	3	—	3.7	—	—	6
б) без человека	17	9.0	10	2	1.5	3.4	3.6	3	—	3.7	—	—	4
Натюрморт	4.4	—	—	12	1.5	1.2	2.4	3.6	1.8	3.7	3.5	19	3

пам. Характер этих подгрупп виден в таблице 11, где в процентах выражены данные анализа собранных работ.

Если внимательно рассмотреть приведенные в таблице 12. Цифры, можно заключить, что в отражении юными художниками различного содержания имеется ряд моментов, очень существен-

²² Изображение человека встречается в рисунках детей и более раннего возраста, но они выполняются преимущественно по образцу, показанному взрослым, и здесь не рассматриваются. См. об этих изображениях в кн.: Менчинская Н. А. Дневник о развитии ребенка. М., 1948; а также: Болдырева Ю. Н. Рисунки ребенка как материал для его изучения. — Вестник психологии. СПб., 1913.

иных для освещения интересующего нас вопроса. Человек так или иначе изображается детьми в 406 работах из 600, что составляет 68% всех рассмотренных работ. Сопоставление работ, содержащих изображение человека, и работ, в содержании которых человек отсутствует, проведенное с учетом возраста юных художников, дает такую картину.

Таблица 12

	Процент работ у художников						
	4—5 лет	6—7 лет	8—9 лет	10—11 лет	12—13 лет	И— 15 лет	16—17 лет
•С человеком	53	70	63	64	78	68	67
Вез человека	47	30	37	36	22	32	33

Все эти цифры говорят о том, что человек и его деятельность являются излюбленным сюжетом детского рисования на всех его стадиях. Однако содержание того, что в облике и делах человека вызывает наибольший интерес у юных художников, от возраста к возрасту меняется. Для художников почти всех возрастов, чьи работы были подвергнуты анализу, характерно изображение людей в движении, активно действующих. Такие работы преобладают среди изображений человека. Портрет в младшем школьном и подростковом возрасте занимает очень скромное место. Читателя не должно удивлять сравнительно большое количество «портретов», созданных дошкольниками. В этом возрасте дети в подавляющем числе случаев не видят и не могут изобразить характеристики другого человека. Хотя, нарисовав «схематично» человека, они говорят затем: «Это моя мама» (мой дедушка, мой дядя и пр.), фактически эти работы дошкольников никак не являются портретами конкретных людей, а изображают «человека вообще», и это изображение посвящается конкретным людям. В этом возрасте дети еще не умеют критически оценивать свою работу с точки зрения соответствия ее натуре. Лишь в старшем школьном возрасте, когда учащиеся овладевают основными элементами техники изображения и у них развивается интерес к внутреннему миру человека, к его психологии, формируется система психологических знаний, художники все чаще обращаются к портретному изображению людей. Среди рассмотренных работ число портретов, созданных художниками 16—17 лет, более чем в пять раз превосходит число портретов, созданных учащимися 15 лет. Портретное изображение становится одной из главных тем для юношей-художников, оканчивающих школу.

Следует также отметить, что в работах детей среди изображений человека преобладают изображения взрослых людей и сверст-

ников. Они вызывают наибольший интерес юных художников. Очень мало они рисуют занятых какой-либо деятельностью людей моложе себя и почти совсем не пишут их портретов.

Отмечая попытки детей отобразить в своих работах человека, нельзя пройти и мимо того, что в возрасте 8—11 лет они очень любят изображать животных, а в возрасте 13—15 лет многие свои работы посвящают технике — рисуют заводы, поезда, ракеты, самолеты, корабли. В работах, собранных нами, художники 8—11 лет изображали животных в три с лишним раза чаще, чем художники 12—15 лет. Художники 12—15 лет рисовали производственные объекты, промышленные агрегаты, машины в два с лишним раза чаще, чем делали это дети 8—11 лет.

Все эти данные полностью соответствуют особенностям личности ребенка на каждом из этапов его духовного развития. Содержание рисунка, акварели, скульптуры дошкольника и школьника и их исполнение всегда связаны с условиями жизни, воспитания и обучения ребенка, подростка, юноши.

* *
*

Громадную роль в развитии отражения ребенком действительности, в развитии восприятия им людей, в формировании у него умения общественно правильно оценивать их поведение и составлять верное с общественной точки зрения представление о качествах той или иной личности играет школа.

Вопрос о том, как в годы учения в школе формируется и проявляется у ребенка понимание другой личности, будет нами рассмотрен особо. Сейчас же мы хотим осветить один из аспектов проблемы восприятия школьниками других людей. Чтобы осветить этот вопрос широко, необходимо исследовать восприятие детьми разных возрастных групп (школьных классов) сверстников, детей другого возраста, учителей, родителей, взрослых вообще. В будущем мы намерены изучить этот вопрос. Здесь же мы излагаем добытые в результате использования только одной методики данные о восприятии школьниками разных возрастных групп хорошо знакомых им сверстников.

Материалы, раскрывающие особенности видения школьником одноклассников, были собраны в 1, 4, 5, 7, 8 и 11-классах. Так как в этих опытах применялась та же методика, что и при работе с группой взрослых — создание так называемого «словесного портрета», то появляется возможность сравнить результаты отображения сверстников взрослыми испытуемыми и учащимися школьного возраста.

Сравнение цифр таблицы 13 дает возможность увидеть три определенно проявляющиеся тенденции:

1. С возрастом при словесном воссоздании облика воспринимаемого человека в создаваемый «портрет» все более часто вклю-

Таблица 13

Испытуемые	Кол-во испытуемых	Кол-во описаний внешнего облика	Кол-во фиксирований различных элементов внешности (абс. циф-ры)	Процент фиксирований элементов		
				физичес-кого облика	выразитель-ного пове-дения	оформле-ния внеш-ности
Дети 7—8 лет	31	184	870	38,0	3,8	58,2
Дети 10—11 лет	36	290	1275	54,4	5,0	41,6
Подростки 11—12 лет	27	342	1604	60,5	5,8	33,7
Подростки 13—14 лет	24	331	2650	67,4	7,4	25,2
Подростки 14—15 лет	21	392	3864	66,4	9,1	24,5
Юноши и де-вушки 17—18 лет	15	286	2875	74,7	14,8	10,5
Взрослые 21—26 лет	50	450	3266	82,5	13,6	3,9

чаются в качестве существенных признаков компоненты, образующие физический облик. К 21—26 годам процент фиксирований этой стороны внешности по сравнению с процентом фиксирования и отображения ее детьми 7—8 лет возрастает почти в 2,2 раза.

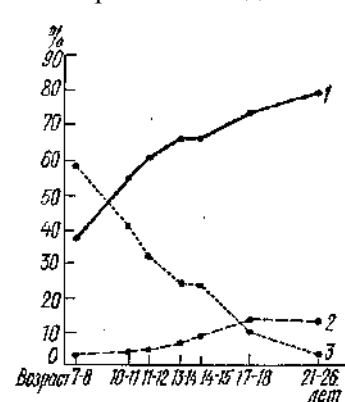

Рис. 2. Изменения в восприятии внешнего облика человека в зависимости от возраста испытуемых. 1 — восприятие физического облика; 2 — восприятие экспрессии; 3 — восприятие оформления внешности

описаниях облика воспринимаемого человека по сравнению с процентом фиксирований ее детьми 7—8 лет падает к 21—26 годам в 14,9 раза.

Если графически изобразить проявление этих тенденций при

2. С

возрастом при словесном воссоздании облика все более часто включаются в «портрет» другого человека описания черт его экспрессии как существенных признаков внешности. Процент фиксирований особенностей экспрессии к 21—26 годам по сравнению с процентом фиксирования этой стороны учеником первого класса увеличивается почти в 3,6 раза.

3. С

возрастом неуклонно падает включение в «портрет» воспринимаемого человека (при решении той задачи, которая была поставлена перед всеми группами испытуемых) описаний элементов, образующих оформление внешности человека. Процент фиксирований этой стороны внешности в

отображении различных сторон внешнего облика, то получается такая картина (рис. 2).

Теперь сравним между собой данные по каждому возрасту, которые показывают, как часто тот или иной элемент, входящий во внешний облик, был включен в описание воспринимаемого человека каждой из групп испытуемых (табл. 14).

Таблица 14

Элементы внешнего облика	Количество портретов (в %), в которых отмечен данный элемент						
	детьми 7—8 лет	детьми 10—11 лет	подростками 11—12 лет	подростками 13—14 лет	подростками 14—15 лет	юношами и девушками 17—18 лет	взрослыми 21—26 лет
Рост	17	31	43	84	92	93	83
Телосложение	8	9	12	46	52	54	55
Лицо	12	19	29	56	63	71	64
Лоб	3	6	11	20	25	31	36
Брови	5	8	12	21	40	42	23
Нос	14	21	23	36	40	63	59
Рот	5	8	9	8	17	23	19
Губы	4	7	10	26	32	38	41
Подбородок	3	4	8	18	19	24	21
Уши	4	5	4	12	13	15	11
Глаза	41	51	54	75	87	92	75
Волосы	45	52	51	79	80	86	73
Шея	—	—	1	4	8	13	3,3
Плечи	—	—	1	12	13	12	1,8
Руки и ноги	1	2	4	11	16	24	3,1/2,6
Зубы	5	3	4	13	20	23	9,5
Кожа (цвет)	3	3	3	8	13	18	7
Особые приметы	10	8	7	10	25	30	7,7
Мимика	18	17	22	35	48	72	66
Жестикаляция	—	1	2	7	7	9	7,9
Походка	—	2	1	4	8	11	3,7
Осанка и поза	—	—	—	9	21	51	10,3
Голос и речь	—	1	2	5	5	6	9
Прическа	53	26	24	84	97	73	13
Одежда	100	71	65	62	72	20	6,8
Обувь	83	62	46	46	61	12	—
Прочие предметы оформления внешности	39	22	21	9	11	1	8,4

Из данных таблицы 14 следует, что достигшие совершеннолетия школьники фиксируют рост воспринимаемых сверстников при описании внешнего облика их в 5,5 раза чаще, чем это делают первокурсники, отмечают телосложение в 6,7 раза чаще, чем дети 7 — 8 лет. Школьники, кончающие школу, описывая внешность сверстника, отмечают форму лица как существенный признак в 5,9 раза чаще, чем это делают ученики 1-го класса. Такое же уве-

личение процента фиксирований имеет место и при отображении других элементов физического облика. При этом, как видно из таблицы 14, темп и «потолок» роста процента фиксирований неодинаковы для разных компонентов. Хотя процент фиксирований различных компонентов в физическом облике нарастает и в описаниях, выполненных учащимися старших классов школы, однако особенно резко этот рост фиксирований многих из элементов физического облика происходит между 5-м и 8-м классами.

В то время как в 11-м классе «потолок» роста процента фиксирований таких компонентов, как общая длина тела, достигает 93% описаний, глаза — 92, волосы — 86, форма лица — 71%, для других компонентов физического облика этот «потолок» значительно ниже (лоб — 31% описаний, подбородок — 24, уши — 15% и т.д.). Как увеличение процента фиксирований каждого элемента физического облика, так и появление указанного «потолка» говорят о том, что в школьные годы продолжается начавшийся еще в дошкольном и дошкольном возрасте процесс дифференциации отдельных элементов физического облика и происходит переоценка в осознании степени важности каждого из них для характеристики индивидуальных особенностей внешности. То же происходит, и с отображением экспрессии. Процент «портретов», в которых описана мимика воспринимаемого сверстника, возрастает к 17—18 годам по сравнению с 1-м классом в 4 раза. Как существенные признаки внешнего облика описываются в «портретах», созданных одиннадцатиклассниками, и жестикуляция, и походка, и поза, и голос, и речь. Таким образом, хотя практически человек сравнительно рано начинает читать «язык» экспрессии и пользоваться им в своем общении с окружающими, однако тот факт, что выразительное поведение — важный признак в числе характерных индивидуальных особенностей внешнего облика, осознается постепенно. Судя по полученным данным, особенно заметные изменения происходят в этом отношении с вступлением человека в старший школьный возраст.

Количество описаний компонентов оформления внешности воспринимаемого сверстника испытуемыми разных групп, как мы уже показывали, в целом от 1-го к 11-му классу неуклонно падает. Однако если рассматривать фиксирование в «портретах» тех или иных особенностей оформления внешности безотносительно к отображению в них физического облика и экспрессии, то по восьмой класс включительно число «портретов», в которых фигурируют те или иные элементы оформления внешности, все же очень велико. И лишь испытуемые 17—18 лет, описывая, согласно инструкции опыта, облик одноклассников, видят их таким образом, что для многих из них признаки оформления внешности оказываются несущественными при создании «портрета».

Пока речь шла об изменениях, которые происходят в отображении школьниками внешнего облика друг друга в годы учения — в 1—11-м классах. Теперь попытаемся выяснить, в чем со-

стоит то новое, что появляется при решении этой же задачи у лиц 21—26 лет, которые по сравнению со старшими школьниками делают еще один шаг вперед как субъекты труда, познания и общения. Как уже было отмечено, в целом лица 21—26 лет фиксируют элементы физического облика на 7,8% чаще, чем школьники 17—18 лет, а экспрессию — на 1,2% реже. Выяснилось, что студенты реже, чем старшеклассники, отмечают каждый из конкретных элементов физического облика и экспрессии. Это обстоятельство первоначально нас удивило, так как мы полагали, что частота отображения каждого конкретного компонента физического облика и экспрессии у студентов должна быть выше, чем в «портретах» старших школьников.

Объясняется это явление разным пониманием задачи и разными способами, при помощи которых школьники, с одной стороны, и студенты — с другой, стремятся воссоздать облик другого человека. Качественный анализ содержания «портретов», созданных школьниками, и «портретов», авторами которых являются студенты, и сличение этого содержания в каждом случае с «оригиналом» показывают, что для многих школьников при описании внешнего облика характерно стремление отобразить как можно больше элементов внешности воспринимаемого, в то время как многим студентам присуще стремление передать характерность, своеобразие данного облика, дать ему обобщенное описание. Конечно, и среди школьных «портретов» есть такие, в которых заметен отбор индивидуально-своеобразных элементов облика воспринимаемого человека, так же как среди студенческих «портретов» встречаются такие, где явно выступает желание их авторов ничего не пропустить во внешности.

Вот примеры этих сильно отличающихся друг от друга по способу осмысления внешнего облика и последующего его описания «портретов». Сначала приводим типичный школьный «портрет» одной из одиннадцатиклассниц «Н. среднего роста, пропорционального сложения. Лицо овальное. Лоб прямой. Брови черные. Когда они поднимаются, то делаются похожими на крыши домиков. Ресницы не очень длинные, загнуты. Глаза коричневатозеленые с суживающимся к виску разрезом. Нос почти прямой, но кончик вздернут, чуть намечена горбинка, если смотреть в профиль. Хорошо очерчены крылышки носа. При улыбке от них бегут к подбородку две морщинки. Губы неяркие, нечеткой формы, зубы белые, ровные. Подбородок разделен надвое ямочкой. Щеки чуть розоватые; на левой скуле родинка. Уши маленькие, прижаты к голове. Волосы черные, взбитые и заколоты на затылке и также взбиты над лбом. Впереди почти до бровей спускается челка. С левой стороны она топорщится...»

А теперь образец студенческого «портрета» В. «Рост небольшой. Лысеющая крупная голова. Светло-русые волосы. Серого Цвета большие глаза. Взгляд чуть-чуть исподлобья. Правая бровь скорее направлена вниз. Ноздри широкие. Зубы неровные. Большие

толстые губы. При разговоре они не очень быстро двигаются. Речь монотонная, слова заканчиваются причмокиванием. Любимый жест — раскрывать ладонь при объяснении. Правая рука заметно подвижнее левой».

Развитие восприятия внешнего облика другого человека характеризуется также тем, что с возрастом испытуемые отмечают большее количество признаков в выделяемых ими частях лица, тела, экспрессии воспринимаемого человека. Если первоклассник может выделить сравнительно небольшое число признаков, указывающих на размер, контур, положение, цвет и другие особенности того или иного элемента физического облика, то старшие испытуемые видят и называют в тех же самых элементах большее число различных особенностей.

Например, выпускник школы, а тем более взрослый, может характеризовать подбородок воспринимаемого человека по высоте (низкий, средний и пр.), по форме (круглый, прямоугольный, треугольный), по отношению к вертикали (скошенный, выступающий, прямой), отметить в нем раздвоенность, ямки, поперечную борозду и пр. У первоклассника же еще не сформированы многие понятия и образы, которые позволяют более старшим школьникам быстро осмысливать и адекватно описывать названные особенности или многие из признаков, характеризующие другие элементы физического облика.

То же относится и к экспрессии. Когда младший школьник называет ее в качестве существенного признака внешности, он отмечает незначительное число форм выражения лица, глаз и пр. Когда характерность выразительного поведения воспринимаемого человека пытается описать старший школьник или совсем взрослый испытуемый, они подмечают в нем несравнимо большее число различных черт и оттенков.

Об этом обогащении содержания образа восприятия, выражающемся в том, что при отражении другого человека в каждом из элементов его внешности более развитый как субъект труда, общения и познания индивид отмечает больше признаков, очень определенно свидетельствуют результаты эксперимента, который мы провели в 5-х и 8-х классах школы.

В этом опыте восьмиклассники и школьники пятого класса описывали внешний облик одних и тех же взрослых (четырех педагогов-мужчин). Чтобы получить сравнимые данные, испытуемым было предложено при составлении «словесных портретов» указанных лиц придерживаться «схемы» облика человека, которая содержала перечисление восемнадцати основных компонентов внешности. (Эта «схема» была дана испытуемым перед опытом).

Сопоставление количества и характера признаков, отмечаемых школьниками 8-го класса, с одной стороны, и учениками 5-го класса — с другой, раскрывает во всей полноте неодинаковость осознания особенностей одних и тех же элементов облика этими двумя группами испытуемых (таблицы 15 и 16).

Таблица 15

Объект характеристики	Признаки, отмеченные учащимися	Возможный максимум обозначений данного признака* в абс. цифрах		Количество действительных обозначений				Количество отмеченных вариантов	
				детьми 11 лет		подростками 15 лет			
		детьми 11 лет	подростками 15 лет	абс. цифры	%	абс. цифры	%	детьми 11 лет	подростками 15 лет
Основные элементы физического облика	Форма	1944	1872	147	7,5	306	16,2	4	9
	Величина	1944	1872	428	21,8	738	39,1	6	11
	Положение	1512	1456	72	4,8	167	11,4	6	14
	Цвет	324	312	230	71,3	298	95,4	9	13
	Эстетич. привлекат.	1944	1872	59	3,0	43	2,3	3	3

* Максимум обозначений исчислен при условии, что каждый учащийся мог отметить данный признак хотя бы один раз.

Цифры таблицы 15 показывают, насколько богаче становятся видение и оценка в облике человека таких признаков, как форма, относительные размеры, положение, цвет у 15-летних ребят по сравнению с 11-летними школьниками. Из таблицы 16 видно, как по мере формирования личности школьника растет ширь и вглубь осознание последних признаков, характеризующих походку человека, его голос, речь, мимику, жестикуляцию, осанку и позу. Например, к 8-му классу по сравнению с 5-м значительно увеличивается число случаев, когда школьники отмечают в походке воспринимаемого человека скорость, характерную для него длину шага, давление на поверхность (тяжелая походка), сопутствующие содвижения или, останавливая внимание на речи другого человека, фиксируют в ней такие признаки, как отчетливость произношения, богатство словаря, правильность построения фраз и расстановки ударений, скорость говорения, интонационное богатство и отдельные недостатки произношения. Но по мере формирования личности познающего субъекта у него не только развиваются способности видеть все многообразие признаков, характеризующих тот или иной компонент облика воспринимаемого человека, но и различать все богатство оттенков в проявлении каждого признака в отдельности. В эксперименте, результаты которого были только что изложены, и эта особенность, характеризующая развитие у человека восприятия других людей, проявилась так же четко. Отмечая типичные для воспринимаемого человека выражения лица, описывая имеющиеся у него особенности голоса, всматриваясь и в другие проявления его облика, восьмиклассники находят в них чаще, чем пятиклассники (см. таблицу 16), индивидуально характерные оттенки.

Таблица 16

Объект характеристики	Признаки, отмеченные учащимися*	Количество действительных обозначений данного признака				Количество отмеченных вариантов данного признака	
		детьми 11 лет		подростками 15 лет		детьми 11 лет	подростками 15 лет
		абс. цифры	%	абс. цифры	%		
Осанка		26	24,2	58	55,7	2	5
Походка	Относительная скорость	32	29,8	46	44,2	3	3
	Длина шага	1	0,93	16	15,4	1	2
	Давление на поверхность	4	3,7	16	15,4	1	2
	Сопутствующие движения	15	13,9	22	21,1	1	3
	Эстетич. привлекательность	3	2,8	5	4,8	1	1
Голос	Сила	66	61,4	63	60,5	4	5
	Тембр	18	16,7	35	33,6	2	4
	Эстетич. привлекательность	12	11,2	17	16,3	2	3
Речь	Ясность произношения	19	17,7	42	40,3	1	3
	Граммат. правильность	18	16,7	12	11,5	1	3
	Богатство словаря	1	0,93	11	10,6	1	2
	Скорость говорения	11	10,2	24	23,0	1	3
	Интонац. богатство	—	—	10	9,6	1	2
	Недостатки произношения	12	11,2	15	14,4	2	5
Мимика	Выражение глаз	68	63,2	82	78,7	6	11
	Выражение лица	84	78,1	85	81,6	5	13
Жестикуляция	Характер излюбленных жестов	21	19,5	57	54,7	3	6

* Возможный максимум обозначений каждого признака в данном случае для детей 11 лет был равен 108, для подростков 15 лет — 104.

Наглядное представление об успехах, которые достигаются человеком по мере формирования его личности в осознании особенностей облика других людей, дает сравнение «словесных портретов» одного и того же человека (Н. Д. — мужчина 54 лет, рост 171 см, работает директором школы), написанных испытуемыми — восьмиклассником и учеником 5-го класса.

Автор «портрета» школьник 12 лет.	Автор «портрета» школьник 16 лет.
Возраст 35—40 лет.	Возраст — лет 55—60. Рост средний, 165—168 см. Фигура плотная; несколько выдается вперед живот. Лицо круглое, открытое, волевое.
Рост 170—180 см.	
Фигура прямая.	

Лоб небольшой.

Брови густые, черные.

Глаза серые.

Нос длинный. Рот небольшой.

Подбородок (признаки не названы. — А. Б.). Волосы черные.

Уши маленькие.

Руки не очень мускулистые.

Ноги прямые. Голос громкий. Речь Н. Д. — говорит красиво.

Выражение глаз и лица доброе. Походка прямая, военная. Когда говорит, любит что-нибудь вертеть в руках.

Одежда чистая. Любит широкий морской клеш.

Сравнение характеристик каждого элемента внешности одного и того же человека, даваемых младшим и старшим подростками, Убедительно выявляет развитие их восприятия. Оно выражается

пересечен

Лоб высокий, широкий, глубокими морщинами. Брови темные, с сединой, низко нависают над глазами, у переносицы близко подходят друг к другу. Глаза большие, серые, лучистые (в уголках глаз — морщинки). Нос прямой, с большими ноздрями. Рот кажется большим из-за толстых губ. Верхняя губа выдается вперед. В уголках рта — тоже морщинки.

Подбородок с едва заметной ямочкой, широкий, волевой. Волосы темные, почти черные, с проседью. Уши маленькие, прижатые к голове. Шея толстая, короткая. Видна жировая складка второго подбородка. Кадык выступает чуть больше обычного.

Руки сильные, мускулистые, пальцы пухлые, кисти жилистые, ладонь широкая.

Ноги толстые, прямые. Голос громкий, низкий. Речь очень связная, толковая. Н. Д. объясняет все или рассказывает всегда увлекательно, интересно, живо. Немного картавит и шепелявит. В окончаниях -ия — ж. р. — часто не произносит и (или произносит очень неразборчиво). При разговоре изредка облизывает губы движением языка с верхней губы вниз и назад. Выражение лица суровое и часто доброе. Походка ровная, степенная, неторопливая. Во всех движениях чувствуется военная выправка. Носит прическу полубокс.

Одежда — темно-синий костюм в белую полоску. Есть галстук. Брюки широкие. Все гладко выутюжено. На улице Н. Д. ходит в темном пальто и в зеленой велюровой шляпе с полями.

с тем, что в каждом элементе внешности воспринимаемого человека фиксируются все новые признаки, а в них все новые оттенки.

Сравнение восприятия другого человека испытуемыми разных возрастных групп показывает далее, что по мере формирования индивида как субъекта познания возрастает *степень точности* отражения им признаков облика воспринимаемых людей. Это относится как к отражению и оценке испытуемыми черт физического облика, особенностей оформления внешности человека, так и его выразительного поведения, выполняемых им действий.

Рассмотрим, например, как по мере повзрелости группы испытуемых изменяется точность оценки ими роста воспринимаемого человека и его возраста.

Н. А. Горбовская предлагала трем группам школьников (ученикам 2, 5 и 8-го классов) определять в сантиметрах рост одних и тех же лиц, с которыми испытуемые встречались и до опыта. Для школьников 2-го класса задача назвать (в сантиметрах) рост человека, основываясь на восприятии, оказалась чрезвычайно сложной. Поэтому экспериментатор после проведения проверочной серии опытов для этой группы испытуемых в новом эксперименте изменил методику. Ученики 2-го класса, посмотрев на определенного человека, теперь поворачивались к высотомеру и на нем показывали рост того, кого они только что видели.

Сведенные вместе данные об оценке роста одних и тех же лиц тремя группами испытуемых, находящихся на разных ступенях развития, показали, что задача точно оценить рост человека представляет для индивида тем большую трудность, чем меньше последний развит в целом как личность. Чем меньше возраст человека, тем хуже он определяет истинную длину тела лиц, которые входят в его окружение. Если дети 8—9 лет, работая по облегченной методике, при оценке роста дали 2,9% правильных ответов, то в группе школьников 11—12 лет правильных суждений стало уже 28,5%. В группе испытуемых 14—15 лет процент правильных суждений (или с ошибкой, не превышающей ± 2 см) при прямой оценке роста поднялся до 37,2%. Чем старше были испытуемые, тем меньше они делали ошибок, выходящих за пределы ± 6 см при определении роста.

Повышение точности оценки роста других людей находится в прямой связи с развитием у школьника глазомера, пространственных представлений, вычислительных навыков, а также с осознанием значения этого признака для характеристики облика человека.

С развитием индивида как личности растет точность оценки им и такого сложного компонента в облике воспринимаемого человека, как возраст. Возраст наряду с другими характеристиками личности, в той или иной мере связанными с внешним обликом человека, несет индивиду также определенную информацию, выполняет сигнальную роль, осведомляя его о количестве жизненного опыта другого человека и возможном его положении в общест-

ве. Осознание этой стороны в облике воспринимаемого лица влияет на характер контакта, который устанавливается между людьми, и в случае отсутствия других внешних ориентирующих данных определяет форму обращения одного человека к другому. Оценка возраста другого человека может косвенным образом отразить отношение к нему, служить косвенным показателем самооценки и взаимоотношений людей.

Карстен, изучавший «восприятие возраста»²³, указывает на существование «масштабного поля», которым пользуется любой человек, устанавливая возраст другого. Масштабное поле включает в себя годы или поколения, к которым сам человек относится. Оно имеет определенные границы, пороги, которые воспринимаются как детство, отрочество, юность, молодость, зрелость и старость.

Мы не случайно назвали возраст очень сложным компонентом в облике человека.

Возраст — не только временная характеристика, его нельзя установить без пространственных признаков. В. А. Надеждин указывает, что о возрасте человека прежде всего говорят количества и расположение морщин лица и шеи, так как топографическое распространение морщин всегда соответствует возрасту²⁴. Старению сопутствуют и другие признаки: изменение пигментации кожи, сухость и морщинистость кожи рук, атрофические изменения ногтей, степень сношенности зубов и пр. Но, как показывают наблюдения, если перед человеком не ставится конкретная задача выявить эти признаки, по которым можно с максимальным приближением назвать возраст воспринимаемой личности, то он предпочитает пользоваться методом сравнения, используя свой прошлый опыт. В таком случае приобретает большое значение не только физический облик человека, но и оформление ею внешности, его манеры, поведение, выразительные свойства личности.

Различия в оценке возраста испытуемыми, находящимися как личности на разных ступенях развития, в нашей лаборатории изучала В.Н. Куницына. Различным коллективам учащихся она предлагала описать внешность человека, предъявляемого или непосредственно или на фотографии. В основной части эксперимента, где описание проводилось на основании непосредственного восприятия, на возрасте внимание специально не акцентировалось, и, эта деталь в инструкции преднамеренно опускалась. Это обстоятельство способствовало выявлению действительной значимости возрастной характеристики для испытуемых.

В качестве основных испытуемых в этом исследовании были¹ взяты коллективы 7-х и 8-х классов трех школ-интернатов и шести обычных школ Мурманской области и Ленинграда (всего в опытах участвовало 740 школьников). Разграничение в дальней-

²³ Karsten A. Wahrnehmung des Alters. — Acta psychologica, vol. XIX, Amsterdam, 1961.

²⁴ См.: Надеждин В. А. К семиотике возрастов: опыт числового учета ряда внешних признаков постарения. — Врачебное дело, 1926, № 18—20.

шем анализе группы испытуемых на семиклассников и восьмиклассников при небольшой, казалось бы, разнице в возрасте оправдано практикой школы, отмечающей качественные сдвиги в развитии восьмиклассников — расширение умственного кругозора, появление новых интересов, касающихся прежде всего общественной жизни.

В качестве воспринимаемых лиц была использована основная группа из четырех женщин (28, 29, 33 и 62 лет), шести мужчин (32, 37, 40, 45, 54 и 56 лет), двух подростков (девочка 14 и мальчик 15 лет) и трех учеников 4-го класса (одна девочка и два мальчика 11 лет). Использование в опыте постоянной группы воспринимаемых лиц дало экспериментатору единое основание для сравнения особенностей восприятия в различных условиях и при влиянии различных факторов. При проведении этого эксперимента и при анализе собранных данных учитывались: 1) степень знакомства предъявляемой личности испытуемому (подросток видит человека в первый раз или знал его не менее года, но не имел тесного контакта, был хорошо знаком с ним и т. п.); 2) эмоционально-динамическая выразительность. В зависимости от степени ее проявления воспринимаемые лица были разделены на две группы. Первая группа лиц отличалась общей подвижностью, общительностью, непринужденной и естественной манерой обращения, богатством мимики и пантомимики. Для второй, наоборот, были характерны медлительность, немногоречивость, скованность движения и небогатая мимика.

По данным опытов, возраст оказался значимой для подростка характеристикой воспринимаемого человека. 61% участвовавших в опыте детей указал возраст описываемого человека. Причем если в группе семиклассников на эту сторону в обlique обратили внимание 49% участвовавших в опыте, то в группе восьмиклассников на возраст указали 75% испытуемых. Определение возраста оказалось довольно затруднительной для подростков задачей, что видно из нижеследующих фактов.

Количество точных оценок очень небольшое (13%). Даваемые определения возраста нередко соответствовали временным представлениям подростка, отличным от временного масштаба взрослых людей, — «возраст средний — 24 года», «преклонный возраст — 38—40 лет». При установлении возраста подростки использовали слишком большие временные интервалы. Иногда эти интервалы достигали 10—15 лет²⁵. (Например, подросток мог сказать: этому человеку 55—70 лет.) Отклонения на один-два года в сторону завышения или занижения действительного возраста воспринимаемого взрослого человека были отмечены В. Н. Куницыной у 10% участвовавших в опыте детей, а отклонения свыше двух лет — у 20—30%. В некоторых случаях величина этого отклонения достигала 10—20 лет.

²⁵ В старших классах этот интервал сокращается.

По данным В. Н. Куницыной, точность определения возраста зависит как от сформированности личности познающего субъекта, так и от состояния и внешнего вида воспринимаемого человека (что в свою очередь может зависеть от ряда причин: оформления внешности — одежды, прически, косметики, состояния здоровья, степени усталости, эмоционально-динамической выразительности и т. п.) и от условий восприятия (освещенности, местоположения и пр.).

Больше всего совершается ошибок, когда некоторые признаки внешности человека не соответствуют его возрасту. Так, например, возраст 36-летнего мужчины, имеющего значительную лысину, всеми подростками был значительно завышен. Повышенная эмоционально-динамическая выразительность воспринимаемых лиц, наоборот, способствовала активному занижению их действительного возраста.

По данным В. Н. Куницыной, повышению точности оценки возраста благоприятствует ряд обстоятельств. Во-первых, она связана с возрастом воспринимаемых лиц. Самая высокая точность была достигнута в описываемом опыте при восприятии подростками ровесников (41,5% правильных ответов), затем детей младшего возраста (32%). Точность оценки возраста лиц зрелого и пожилого возраста была низка (соответственно 13 и 7%). Высокая точность оценки возраста в первых двух случаях объясняется не только близостью, соразмерностью возраста воспринимающих и воспринимаемых, так сказать, единым масштабным полем, но и тем, что в детстве и юности каждый новый год жизни ребенка сопровождается ощутимыми изменениями его физического облика (роста, голоса). Помимо этого внешнее оформление детей часто указывает на их возраст (дошкольники, октябрята, пионеры, комсомольцы). У взрослых таких внешних ориентиров значительно меньше, и установить их возраст по названным признакам оказывается поэтому более затруднительным.

При оценке возраста взрослого человека ее точность была тем выше, чем моложе был воспринимаемый человек. Так, при определении возраста двух женщин (28 и 33 лет) неправильно ответили соответственно 11,7 и 6,58% участвовавших в опыте ребят, возраста двух мужчин (40 и 55 лет) — соответственно 42,85 и 22,86% испытуемых. Возраст мужчин устанавливался на основании представления, возраст женщин — на основе восприятия. Точность оценки возраста испытуемыми была ниже при непосредственном восприятии и выше при определении возраста на основе представлений в два раза у мальчиков и в три раза у девочек. Видимо, установлению истинного возраста человека при непосредственном восприятии мешают такие факторы, как особенности оформления внешности воспринимаемого, его физическое состояние и настроение, освещенность и т. п., в то время как при определении возраста на основе представления все эти условия нивелируются, усредняются.

Число случаев правильного определения возраста человека оказалось выше (в описываемом опыте в два раза), когда этот человек был хорошо знаком испытуемым, и оно заметно упало, когда им пришлось определять возраст человека по первому впечатлению или устанавливать возраст малознакомого человека. Наконец, повышение количества правильных оценок возраста воспринимаемых лиц оказалось в прямой связи с возрастом самих испытуемых. Разница в возрасте испытуемых отразилась на точности их оценок в очень значительной степени.

В опыте, результаты которого здесь приводятся, девочки 8-го класса почти в два раза чаще, чем девочки-семиклассницы (14,9 и 8,8%), определяли возраст правильно. Различия между мальчиками 8-го и 7-го классов при определении ими возраста этих же лиц выступили менее резко. Однако и у мальчиков-восьмиклассников стало намного меньше определений возраста путем отнесения человека к широкой возрастной группе по принципу масштабного поля {«пожилой», «среднего возраста»...}. Особенно резко увеличилось в 8-м классе число точных оценок при определении возраста на основе представления (в пять раз).

Таким образом, согласно данным, полученным в эксперименте В. Н. Куницыной, возраст, являясь для подростков в другом человеке значимой характеристикой, определяется ими со все большей степенью точности по мере формирования их как субъектов деятельности, как личностей.

Данные В. Н. Куницыной подтверждаются результатами исследования, выполненного Н. А. Горбовской. Исследовательница предлагала испытуемым 8—9, 11—12 и 15—16 лет (каждая возрастная группа состояла из десяти человек) определять возраст семи малознакомых им лиц 15, 19, 25, 32, 39, 54, 59 лет. По ее данным, доля правильных оценок возраста (или содержащих ошибку, не превышающую ± 1 год) испытуемыми 8—9 лет составила 9,8%, испытуемыми 11—12 лет — 21,0 и школьниками 15—16 лет — 30,3%.

Формирование индивида как субъекта труда, познания и общения вызывает прогресс в отражении и оценке им не только таких сравнительно броских особенностей облика другого человека, как рост и возраст, о чем мы только что вели речь. Этот прогресс захватывает отражение и оценку индивидом и тех проявлений, в которых другой человек всесторонне выражает себя как личность.

³⁶ Мы не видим противоречия в том, что испытуемые в данном исследовании, оценивая возраст, дали значительно больше верных ответов, чем испытуемые, с которыми работала В. Н. Куницына. В. Н. Куницына задачу определения возраста перед испытуемыми специально не ставила. Н. А. Горбовская же перед началом опыта специально поставила перед ними эту цель.

ГЛАВА 5

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ

Непременным условием превращения каждого человека в субъекта познания других людей является деятельность, включаясь в которую человек оказывается связанным с этими людьми множеством определенных отношений. Не требует особых доказательств факт, что каждый человек познает других людей не ради праздного любопытства. Формирующиеся у него образы людей и понятия о личности служат целям регуляции его деятельности, его поведения в общественной среде — в производственном и учебном коллективах, в семье, на отдыхе и пр.

Еще И. М. Сеченов отмечал, что трудовое действие в каждый момент выполнения адекватно предмету, орудиям и условиям труда. При нормальном ходе деятельности в развивающемся процессе общения мы наблюдаем ту же картину: поступки человека адекватны поведению взаимодействующих с ним людей. А для этого участники деятельности, их дела и вся ситуация общения должны быть отражены в мозгу человека, и отражение должно регулировать его поведение. Не только в трудовой деятельности, при использовании орудий, нацеленных на достижение определенного материального результата, но и в разных видах непосредственного взаимодействия людей друг с другом психические процессы выполняют функцию программирования, регулирования и контроля поведения одного человека по отношению к другим.

Анализируя участие ощущений и восприятий в трудовом акте, И. М. Сеченов указывал, что они являются не только системой пусковых сигналов для движения, но и меркой, образцом, в соответствии с которым производится регулирование этого движения. И. М. Сеченов писал: «Чувствование повсюду имеет значение регулятора движения, другими словами, первое вызывает последнее и видоизменяет его по силе и направлению» *. Эти мысли Сеченова имеют очень большое значение для понимания процесса непосредственного общения людей в различных видах деятельности.

Отражение индивидом других людей и регуляция его поведения по отношению к ним неотрывны друг от друга.

Исследуемые психологами (Л. М. Веккер, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Д. А. Ошанин) в системе «человек — машина» чувственный и логический уровни регуляции индивидом своих действий,

* Сеченов И. М. Избр. произв., т. 1. М.—Л., 1952, с.

соответствующие основным формам отражения действительности², четко проявляются в процессе взаимодействия людей в разных видах деятельности. В любом виде непосредственного взаимодействия людей эти уровни регуляции выступают в неразрывном и подвижном единстве. Однако в зависимости от задач, содержания и условий протекания взаимодействия людей, а также и от индивидуальных особенностей самих общающихся может доминировать один из этих видов регуляции.

Обычно в ситуациях непосредственного взаимодействия людей всегда решается какая-то определенная задача. И для каждого из участников этого взаимодействия в других партнерах по деятельности важны прежде всего те компоненты их облика и поведения, которые наиболее значимы для решения задачи деятельности. Отражение этих компонентов в облике и поведении друг друга участниками деятельности включает два взаимосвязанных момента: во-первых, непосредственное различие и опознание их среди других компонентов облика и в общей картине поведения и, во-вторых, интерпретацию того психологического содержания, которое, как кажется участникам деятельности, заключено в этих компонентах-сигналах и имеет отношение к решаемой задаче. Понятно, что индивидуум может получать информацию о другом человеке не только путем непосредственного восприятия его внешнего облика и поведения, но и через речь. В этом случае слова выступают как код реальных признаков внешнего облика другого человека, переживаемых им состояний, его действий, намерений, мнения и пр.

Поскольку в каждом конкретном виде непосредственного взаимодействия людей (общение педагога и школьника, контакт врача и больного, игра команд на футбольном поле и т. д.) для решения задачи деятельности имеют значение определенные компоненты облика и поведения, у общающихся лиц создается установка на отражение и осмысливание в другом человеке прежде всего этих компонентов.

Влияние требований деятельности на характер отбора и оценки человеком особенностей внешнего облика и поведения тех, кто с ним в этой деятельности участвует, хорошо прослеживается при анализе отражения учителем ученика.

Мы предлагали 122 учителям, преподававшим в школе общеобразовательные дисциплины, словесно воссоздать облик известных им учащихся (это задание учителя выполняли не на основе непосредственного восприятия определенных учащихся, а опираясь на представления памяти). Таким путем этой группой испытуемых были «нарисованы» «портреты» учеников 5, 6, 7, 8, 9 и 10-го классов.

² См.: Веккер Л. М. Восприятие «основы его моделирования». Л., 1964; Инженерная психология. Под ред. А. Н. Леонтьева. М., 1964; Ломов Б. Ф. Человек и техника. Л., 1963; Ошанин Д. А. Семантическая и прагматическая функция сигнала. — Тезисы докладов на II съезде Общества психологов, вып. 3. М., 1963.

Фиксирования в облике описываемых лиц различных компонентов распределились в названных «портретах» так (см. таблицу 17).

Цифры, приведенные в таблице, хорошо показывают, что в описываемом опыте в облике школьника учителя наиболее ярко и прочно фиксировали компоненты, относящиеся к его экспрессии, характеризующие его речь, а также входящие в оформление внешности.

Таблица 17

Элементы облика	Кол-во портретов, в которых дан был элемент назван (%)	Элементы облика	Кол-во портретов, в которых дан был элемент назван (%)
Рост	62,3	Кожа	15,6
Телосложение	46,7	Особые приметы (анатом.)	4,1
Лицо	18,0	Осанка	10,7
Лоб	1,6	Походка	11,5
Брови	4,9	Поза	20,5
Нос	4,9	Жестикация	9,0
Рот	0,8	Мимика	59,9
Губы	0,8	Голос	15,6
Подбородок	0,8	Речь	77,1
Уши	0,8	Прическа	18,9
Глаза	37,7	Упаковки	3,3
Волосы	30,3	Одежда*	82,0
Шея	0,8	Общая подвижность	44,3
Плечи	1,6	Соразмерность и точность движений	10,7
Руки	4,1	Манера вести себя на уроке	55,8
Зубы	0,8		

* В 73 случаях было отмечено обычное состояние костюма ученика.

В описываемом опыте, воссоздавая облик учащихся по памяти, испытуемые-учителя крайне неполно, фрагментарно «рисовали» физический облик школьников, фамилии которых им были названы, и в то же время осанку, жестикуляцию, мимику они описывали в «портретах» почти с той же частотой, что и испытуемые-педагоги, которые воссоздали облик людей на основе восприятия, а походку, и особенно голос и речь, они фиксировали в «портретах» намного чаще, чем это делали непедигоги (походку — в три раза чаще, речь — больше, чем в восемь раз).

Говоря об учащемся, учителя обычно ярко и верно вспоминали, насколько грамматически правильна его речь, насколько она интонационно выразительна, богат ли у ученика словарный запас, какие в его произношении имеются недостатки и пр.

В этом эксперименте на воссоздание по памяти облика учащихся у учителей проявилась также тенденция указывать в «порт-

ретах» на обычную для школьника манеру вести себя на уроке (55,8% «портретов»), говорить об его общей подвижности (44,3% «портретов»), оценивать соразмерность и точность его движений (10,7% «портретов»), отмечать типичное для данного школьника состояние костюма (59,9% «портретов»).

Вот несколько описаний облика учащихся учителями.

«Сергей Б. — невысокий паренек, темноволосый, темноглазый — Макаренко назвал бы его попросту: «пацан», всегда с лукавой усмешкой в глазах. Чистое лицо его не совсем правильно: оно немного «редькой вверх». Но оно всегда светится такой мальчишеской «приятцей», что, глядя на его звонкую улыбку, трудно ему не отвечать тем же. Одет он всегда скромно (насколько скромно может быть одет ученик, «закованный» в гимназические доспехи) и чисто. Пионерский галстук — постоянный его атрибут. На уроках ведет себя очень хорошо. Правда, допускает то, что свойственно многим детям его возраста (Сергей — шестиклассник. — А. Б.) — тянет руку вверх так, что хруст стоит (настолько велико желание отвечать)» (автор «портрета» учитель немецкого языка С.)

«Б. Шура. Внешность у девочки обычная: простое русское лицо, остренький нос, небольшие внимательные глаза, гладкие, зачесанные назад волосы, скромная, всегда чистая одежда. В проявлении своих переживаний она сдержанна, холодна. Движения неторопливые. Манера говорить бесстрастная, спокойная» (автор «портрета» семиклассница учитель русского языка Р.)

«Валерий — широкоплечий, стройный, сильный, с уверенными жестами и движениями ученик. Его внешний вид сразу говорит о том, что Валерий, во-первых, спортсмен и что, во-вторых, он из культурной семьи. Его манеры производят хорошее впечатление: он не кричит в разговоре с товарищами, не перебивает их, его речь отличается чистотой (я имею в виду отсутствие жаргонных слов и выражений). Валерий опрятен в одежде и аккуратен со своими вещами — его учебники и тетради всегда в хорошем виде» (автор «портрета» ученика 10-го класса учитель литературы Д.)

При длительном занятии тем или иным видом деятельности тенденция отражать других людей с определенной точки зрения может стать у человека устойчивой, превратиться в профессиональную привычку. Эта особенность восприятия человеком других людей, связанная с основным в его жизни родом деятельности, ярко проявляется у врачей, артистов, писателей, следственных работников, т. е. у всех тех, в чьей повседневной работе другой человек оказывается главной фигурой.

Не составляет исключения в этом ряду и восприятие других людей художниками-профессионалами. Основными существенными чертами объекта, от передачи которых в изображении в первую очередь зависит степень выполнения художником своей задачи, являются, как известно, форма, цвет и пространственное положение. Другой человек для художника-мастера та же натура, и он

фиксирует в ней основные для целей изображения черты. У лиц, занимающихся изобразительной деятельностью, наряду с установкой на обычное восприятие развивается установка на восприятие для целей изображения, которая в результате накопления опыта изобразительной деятельности может превратиться в устойчивую профессиональную установку.

Об этих особенностях восприятия других людей художником убедительно говорят собранные нами материалы.

Мы предлагали студентам III и IV курсов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина «нарисовать» «словесные портреты» своих товарищей {инструкция для них была точно такой же, как и для нерисующих испытуемых}³. Полученные в этом опыте «портреты» мы проанализировали точно так же, как анализировали «портреты», авторами которых были испытуемые-нехудожники. В результате появилась возможность прямо сравнить восприятие другого человека нерисующими испытуемыми, с одной стороны, и рисующими — с другой.

Таблица 18 показывает, насколько чаще испытуемые-художники фиксировали основные компоненты внешности другого человека, чем выполняющие такое же задание испытуемые-нехудожники.

Данные таблицы-свидетельствуют, что если определенные компоненты внешности фиксируются художниками и нехудожниками примерно с одинаковой частотой, то в отражении других элементов различие между этими группами весьма велико. Рост, телосложение, лоб, брови, губы, уши, глаза, волосы и некоторые другие компоненты физического облика воспринимаемых людей испытуемые-художники фиксировали почти с такой же частотой, как испытуемые из нерисующей группы. Зато большинство остальных компонентов в физическом облике другого человека художники выделяли намного чаще, чем нехудожники. Почти в два раза чаще в группе испытуемых-художников описан подбородок, в 2,9 раза — кожа, в 4,2 раза чаще они отметили особые приметы (анатомические).

В 7,7 раза чаще испытуемые из «рисующей группы» выделяли в облике другого человека его руки; в 9,2 раза чаще, чем нехудожники, они указывали на особенности ног, в 9,7 раза чаще говорили о шее. В 15,5 раза чаще, чем «нерисующие», художники описывали плечи. Столь же значительными оказались различия в отражении художниками, с одной стороны, и нехудожниками — с другой, большинства компонентов экспрессии воспринимаемого человека. Хотя мимику, характерную для воспринимаемых лиц, художники в излагаемом эксперименте фиксировали не чаще, чем нехудожники, однако все остальные компоненты экспрессии они включали в создаваемые ими «словесные портреты» значительно чаще, чем «нерисующие» испытуемые. Голос (и речь) они описы-

См. с. 57 настоящей работы.

Таблица 18 Таблица 19

Элементы внешнего облика	Количество «портретов» (%), в которых отмечен данный элемент		Художественная специальность	Количество фиксирований			
	нехудожники	художники		формы	пространственного положения	пропорций	цвета
Рост	83	80	Живопись				
Телосложение	55	56*					
Лицо	64	92	Графики	7,9	5,2	10,4	8,3
Брови	23	20					
Лоб	36	40	Скульпторы	3,3	3,9	4,2	3,5
Нос	59	84		6,6	4,8	7,0	2,5
Рот	19	12					
Губы	41	44					
Подбородок	21	40					
Уши	11	17					
Глаза	75	88					
Волосы	73	76					
Шея	3,3	32					
Плечи	1,8	28					
Руки	3,1	24					
Ноги	2,6	24					
Зубы	9,5	12					
Кожа	7	20					
Особые приметы (анатом.)	7,7	32					
Осанка	10,3	32					
Походка	3,7	44					
Жестикуляция	7,9	20					
Мимика	66	60					
Голос и речь	9	20					
Прическа	13	60					
Одежда	6,8	44					
Украшения (применение косметики и пр.)	8,4	8					

Помимо этого, говоря о телосложении, испытуемые-художники, хотя и не использовали самый распространенный способ его оценки (худощавый человек, полный человек и пр.), все же характеризовали его в 12% «портретов», отмечая у воспринимаемого лица длину торса относительно конечностей, ширину и относительное развитие его грудной клетки, таза и т. п.

Художники отмечали в «портретах» в 2,2 раза чаще. Жесты они отмечали в «портретах» как существенные признаки облика воспринимаемого в 2,5 раза чаще, чем нехудожники. Осанку художники отмечали в «портретах» в 3,1 раза и походку в 11,9 раза чаще, чем их описывали испытуемые-нехудожники.

Испытуемые из художественной группы намного чаще, чем испытуемые из нехудожественной группы, отображая внешний облик конкретных людей в «портретах», описывали оформление внешности (прическу художники отмечали в 4,6 раза и одежду в 6,5 раза чаще, чем нехудожники).

Приведенные цифры, нам кажется, убедительно показывают, что формирующаяся у студентов-художников установка на фиксирование в объектах сторон, важных для целей изображения, четко проявляется и при восприятии каждым из них других людей.

Данный факт становится еще более неоспоримым, когда выясняется, какие конкретно признаки испытуемые-художники предпочитали называть при описании как отдельных компонентов, так и облика воспринимавшегося ими человека в целом.

Если принять за 100% общее число всех фиксирований различных признаков облика тех людей, «словесные портреты» которых художники «рисовали», то 17,8% составили фиксирования формы, 13,9 — пространственного положения и 21,6% — пропорций.

В зависимости от художественной специальности фиксирования указанных признаков, а также цвета в описываемой группе испытуемых распределились, как представлено на таблице 19.

В «нерисующей» группе испытуемых соотношение фиксированных ими признаков в облике воспринятых лиц было совершенно другим, а именно: форму они отметили в 12% случаев, пространственное положение — в 7,9 и пропорции — в 11,2%.

Эти цифры свидетельствуют о том, что тенденция художников к точным оценкам положения изображаемого объекта в пространстве, к схватыванию его пропорций, формы отчетливо проявляется и при восприятии ими человека. Эти признаки для лиц, входящих в художественную группу, субъективно оказываются более важными, чем для тех, кто не рисует. Совершенно естественно, что в формирующемся у художников образе другого человека его пространственное положение, пропорции, форма имеют первостепенное значение, несут наибольшую сигнальную нагрузку.

Особенности, характеризующие восприятие другого человека испытуемыми-художниками, легко прослеживаются в созданных ими словесных портретах. Приведем несколько примеров.

1. «Н. невелик ростом, но и не очень мал (1,60—1,70), Крепкий, коренастый, с красивой слегка вытянутой в подбородке головой. Волосы мягкие, шелковистые, но неопределенного цвета — порой кажутся золотистыми, а порой, особенно против света, какими-то зеленоватыми. Самое удивительное в этом человеке — это рот, вернее, губы. Красивый лукообразный разрез, обрамленный пушистой, слегка вьющейся растительностью. Трудно передать словами обычное для него выражение лица. Глаза раскосые, как у монгола, но голубые, почти чистые. Брови широкие, но удивительно сросшиеся — почти в одну прямую линию. Нос тоже не короткий — обыкновенный русский, плотный, чуть-чуть стремящийся кверху, но все же не курносый. Красиво, очень мужественно на лице выделяются скулы. Вся голова на красивой атлетической шее чем-то напоминает «Апоксиомена, счищающего с себя грязь после борьбы». Самое привлекательное в нем — улыбка, ясная, лучезарная, открывающая красивые белые зубы. Плечи вместе с руками дополняют атлетический образ — крутые, с играющими плотными бицепсами. Пальцы рук слегка плоские. Ноги с резко очерченными икрами» (автор «портрета» студент III курса графического факультета.)

2. «Старая женщина», сутулая, в темно-коричневом платье. Чулки и ботинки того же цвета. Воротничок у платья очень тонкой кружевной работы, светлого цвета. Седые коротко остриженные волосы. Лицо желтое, глазницы темные, впалые. Глаза слезящиеся. Очень большой нос, а подбородок срезан на нет. Рот

поставлен наискось, с тонкими губами. Уголки рта немного приподняты, как будто в улыбке, скулы обозначаются резкими складками. Руки сухие, с длинными пальцами. Садится на стул статично, как каменная. Походка неприятная — делает слишком большие шаги. Платье широкое, развевается складками. Голова устремлена вперед, и руки постоянно находятся где-то у рта» (автор «портрета» студент III курса живописного факультета.)

3. «Рост выше среднего. Плечи (в сравнении с тазом) довольно широкие. Грудная область объемна в меру. Все части тела весомы, но не велики. Очень просты и ясны (по форме) и в большой степени скромны. Голова по высоте больше, чем по ширине. Темные, гладкие, зачесанные вверх волосы еще больше подчеркивают высоту головы. Лоб прямой, правильный, по греческому канону. Подбородок несколько тяжел, выступает вперед. Уши также немного непропорциональны и крупнее (чем нужно), но на голове расположены правильно. Нос не прямой. Кончик носа слегка вздернут и также утяжелен. Хорошо «читаются» скуловые кости. Глазная щель уменьшается за счет провисания части расположенных над глазами мышц. Глаза темные. Словом, как и части тела, части головы у Х. умеренно тяжелы. Исключение составляют лишь губы: они кажутся тонкими» (автор «портрета» студент III курса скульптурного факультета.)

Характерные для всякого подлинного художника целостность восприятия объекта изображения, точность оценок его положения в пространстве, пропорций, тонкость различения светлотных отношений достигают наибольшей степени развития у мастеров-портретистов. Кроме того, у них, опять же под влиянием специфики их деятельности, формируется профессиональная установка на фиксирование во внешнем облике и выразительном поведении воспринимаемого человека особенностей и признаков, в которых обнаруживается психологическое своеобразие личности.

Эта характерная для восприятия других людей художником черта четко выявилась и в том опыте, результаты которого мы излагали выше, но еще раньше ее неоднократно отмечали как сами художники⁴, так и ученые⁵, специально изучавшие психологию изобразительной деятельности.

* Факт влияния профессиональной установки на формирование у индивида образа восприятия другого человека отчетливо дает себя знать и в восприятии других людей мастерами хореографии.

По нашей просьбе 19 преподавателей хореографии, занимавшихся на курсах усовершенствования при училище им. Вагановой, также дали описания облика хорошо знакомых им лиц, руководствуясь той же инструкцией, которой придерживались и испытуемые других групп при решении аналогичной задачи.

⁴ См.: Иогансон Б. В. Мастерство в живописи. М., 1952; Грабарь И. Э. Репин, т. 1, 2. М., 1937.

⁵ См.: Киреев В. И. Психология способностей к изобразительной деятельности. М., 1959.

Сравнение полученных в этой группе «портретов» с «портретами», авторами которых были испытуемые, не занимавшиеся хореографией, показало, что хореографы чаще, чем другие люди, воспринимающая человека, фиксируют в его облике так называемое «общее сложение», отмечают особенности его рук и ног. Они значительно чаще, чем люди далеких от хореографии специальностей, обращают внимание на то, какова общая подвижность воспринимаемого человека, насколько соразмерны и ловки его движения, легок и пластичен этот человек или он угловат, неуклюж... Также намного чаще, чем испытуемые из нехудожественных групп, преподаватели хореографии отмечали в «словесных портретах» особенности походки и давали ей эстетическую оценку.

Испытуемые-хореографы общие особенности телосложения выделяли в облике воспринятых лиц в 63% случаев. Испытуемые из обычной группы указали на этот элемент внешности лишь в 55% «портретов». Испытуемые из последней группы обратили внимание на руки воспринимаемых ими людей в 3,1% случаев и на ноги — в 2,6% случаев. Стажеры-хореографы отметили эти части тела в 37% «портретов». Возрастные особенности (анатомические) в облике воспринятых лиц хореографы фиксировали в пять раз чаще, чем это делали испытуемые из обычной группы. В экспрессии воспринимаемых лиц испытуемые-хореографы выделяли осанку в четыре раза чаще, чем испытуемые из обычной группы (в 42% «портретов» против 10,3). Походку они фиксировали в 11 с лишним раз чаще, чем испытуемые из общей группы. В два раза чаще, чем последние, стажеры-хореографы фиксировали жесты воспринимаемых лиц. Мимику они отмечали также чаще, чем испытуемые из обычной группы (84% «портретов» против 66%).

Общую подвижность воспринятых лиц испытуемые-хореографы охарактеризовали в 32% «портретов». Высказались о физической силе лиц, облик которых они воссоздали в «портретах», в 16% случаев. Степень соразмерности движений была отмечена этой группой испытуемых в 37% случаев, и дана общая эстетическая оценка наружности воспринятых лиц в 47% случаев.

Приводим два типичных для стажеров-хореографов «портрета».

1. «Худенькая средних лет брюнетка. Рост средний. Большие, выразительные глаза, красивые зубы. Длинные густые волосы, (немного вьющиеся от природы. Удлиненные кисти рук, не холёные, го красивой формы. Стройные ноги. Держится прямо, не сутулится. Хорошая посадка головы. Несмотря на возраст, у нее фигура, как у мальчишки. Энергичная, стремительная походка» (автор портрета) Я- Стаж работы в театре 20 лет.)

2. «Передо мной — молодой мужчина, среднего роста, стройный, с мягкими движениями гибкого, сильного тела (способного хореографии). Лицо приятное, чисто выбритое. Волосы светлые, с рыжиной, даже с каким-то легким пушком. Спереди немного лысоват. Кожа лица имеет розовато-белый оттенок, как у всех очень светловолосых людей. Нос почти прямой, на конце чуть за-

гнут вверх. Губы не очень тонкие, но и не полные. На щеках ямочки. Подбородок чуть выдается вперед. Глаза голубые, под ними небольшие мешки. Руки и ноги хорошо развиты и пропорциональны телу. Одет в спортивного покроя костюм» (автор «портрета» Ж. Стаж работы преподавателем хореографии 10 лет.)

Таким образом, восприятие людьми друг друга, выполняя в деятельности, которая их объединяет, осведомительную и регулятивную роль, вместе с тем само оказывается под сильным влиянием этой деятельности. Следы его дают себя знать и тогда, когда люди взаимодействуют в иных, чем эта деятельность, условиях.

Создавая устойчивый образ и фиксируя изменения в этом человеке и его поведении в связи с определенными причинами, восприятие дает личности возможность действовать целесообразно.

Заканчивая рассмотрение поставленной проблемы, мы можем сказать: восприятие человека человеком — это непосредственное наглядно-образное отражение одним человеком другого. Как и прочие психические процессы, оно имеет познавательную и эмоционально-волевую стороны. Объем и степень достоверности информации о человеке, отражением которого является его восприятие, зависят от того, какими особенностями обладает, во-первых, воспринимаемый, во-вторых, воспринимающий человек. В-третьих, на них влияют условия, в которых человек воспринимает другого.

Если говорить о воспринимаемом человеке, то одни признаки в нем видны всем, другие — менее очевидны, третьи — прямо заметить нельзя, и о них можно судить только предположительно, на основании косвенных данных. Но все вместе они образуют облик человека. В него входят и признаки пола, и тип конституции, и возрастные признаки, и детали оформления внешности. Но не только они определяют образ человека. Каждому присущ свой индивидуально неповторимый стиль выразительного поведения, который проявляется и в типичной для данного человека мимике лица, и в манере говорить, и в походке, и в привычной для него жестике, и вообще во всей внешности человека. Стиль, рассматриваемый уже как индивидуально-своеобразная манера действия, которая дает себя знать при выполнении человеком физической и всякой иной работы, в учении, в отдыхе, в жизни в целом, выражая сущность личности воспринимаемого, также может быть отражен воспринимающей личностью.

Восприятие человека человеком, вместе с основывающимся на нем пониманием одним человеком другого, является совершенно обязательной стороной процесса любой совместной деятельности людей, необходимым условием целесообразной ориентировки и действий воспринимающего субъекта в общественной среде. В любом акте непосредственного общения людей рельефно выступает связь формирующегося восприятия другого человека с движения-

ми 'И действиями воспринимаемого и предваряющими их или ответными движениями и действиями воспринимающего. Весь процесс, начиная с воздействия человека и кончая ответной реакцией; на него воспринимающего, представляет собой единый рефлекторный акт взаимодействия человека с человеком в определенной ситуации.

Как только та или иная особенность в облике человека, изменения в оттенках интонации его голоса, в позе и прочее, приобретут! сигнальное значение по отношению к совместной с воспринимаемым деятельности (или по отношению к последнему), чувствительность к ним повышается. Тонкость различения оттенков выражения лица, позы, походки, отклонений от обычной для воспринимаемого манеры поведения неодинакова

Это явление нельзя объяснить только многократной фиксацией всех колебаний во внешнем облике воспринимаемого человека субъектом восприятия. Эффект достигается тем, что в процессе многократного восприятия другого человека дифференцируются чувственные свойства, выступающие в качестве сигналов его «внутреннего состояния», его «отношения» к чему-то и т. п., и различение чувственных свойств «подкрепляется» результатом регулируемой ими деятельности (труд, учение, совместная игра, разговор и пр.). С. Л. Рубинштейн, говоря о формировании образа вещи у воспринимающего, указывал, что «практика как бы моделирует образ вещей»⁶. Это можно полностью отнести и к восприятию человеком человека. (Практика как бы моделирует образ человека. Занимаясь различными деятельностью, человек, отвечая на требования каждой из них, обнаруживает то одни, то другие из присущих ему особенностей. Партнеры по деятельности по отношению друг к другу выступают в разных ролях (рабочий, начальник, партнер по команде, артист, зритель, учитель, учащийся и пр.). В связи со всем этим не остается постоянным значение различных чувственных качеств для воспринимающего. Те из них в облике, экспрессии и действиях воспринимаемого, которые в данных условиях приобретают особое значение, выступают на передний план (поскольку на них распространяется вторичное возбуждение от актуализации состояний и свойств, ими сигнализируемых).

Связывание видимой манеры поведения, стиля действия воспринимаемого с предполагаемыми у него устремлениями, потенциальными возможностями и состояниями означает, что другой человек воспринимается не только в своих исходных физических качествах (такой-то рост, пол, фигура, лицо, глаза и пр.), но и как личность, имеющая определенное значение для воспринимающего и ценность для дела, для общества.

Восприятие человеком других людей включается в его жизнь и вместе с ним претерпевает изменения. Но возможность изменения в восприятии человека человеком не исключает его относительной устойчивости, соответствующей относительной устойчиво-

⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 99.

•сти внешнего и внутреннего облика и образа поведения людей в жизни, связанных отчасти с относительным постоянством выполняемых каждым из них обязанностей в той среде и в то время, в которых мы привыкли их видеть. По этой причине в каждом человеке заключено побуждение к восприятию его с определенной точки зрения и к установлению к нему определенного отношения. Посредством слов, обозначающих воспринимаемого человека (художник, член бригады коммунистического труда, снайпер, стилиста, капиталист и т. п.), в образ его, возникающий у другого, включается обобщенное знание о данной категории людей, сложившееся в результате общественной практики и более или менее усвоенное воспринимающим этого человека субъектом.

Полнота и правильность отражения в образе восприятия основных сторон облика человека, широта дифференцирования их элементов, различие в каждом из них характерных признаков и фиксирование богатства оттенков зависят от степени сформированности личности отражающего других людей субъекта. Образ восприятия, который один и тот же человек вызывает у людей неодинакового жизненного опыта, принадлежащих к различным общественным классам, различающихся этико-эстетическими требованиями, представляющих различные возрастные группы, пол, профессии, не бывает совершенно одинаковым.

Проанализированные материалы, нам кажется, достаточно убедительно раскрывают зависимость формирования образа другого человека у индивида от того, в какой степени этот индивид сформирован как субъект познания и общения. Они показывают, насколько тесно между собой связаны в каждый момент непосредственное познание индивидом другого человека и система тех представлений и понятий, в которых у этого индивида аккумулирован и обобщен запас различных знаний о людях, приобретенный как в практике прямого общения, так и из других источников..

Вместе с тем эти данные выявляют некоторые из форм личностных установок, формирующихся у людей в ходе жизни и проявляющихся в характере осмысления ими внешнего облика человека. Представляя собой сложное производное от всего опыта человека, от сформированных у него потребностей и выработанных в связи с ними критериев оценок облика других людей, эти «установки» обуславливают лучшее видение и более быструю оценку человеком во внешности других людей одних элементов и признаков и худшее видение и более медленную оценку других.

Накопление личного опыта общения с людьми у познающего субъекта хотя и расширяет объем впечатлений о них, не обязательно ведет к развитию умения на основе восприятия все более глубоко проникать в их сущность. Многое здесь зависит от того, насколько различными как субъекты труда, общения и познания «оказываются те лица, с которыми повседневно взаимодействует [воспринимающий их человек, насколько широкого и глубокого понимания их требует та деятельность, которой человек занят.

ГЛАВА 6

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА

Человек — живой организм и вместе с тем общественное существо: в этом своем качестве он выступает как личность. Сущность человека как личности, как объекта и субъекта истории общества, говорил К. Маркс, составляет «совокупность всех общественных отношений»¹. Как личность человек вступает в общение с другими людьми, как личность он проявляет себя в учении, труде, в отдыхе, как личность, как живой реальный, действующий человек, член определенного общества он воспринимается и оценивается окружающими его людьми. Определяющими в формировании и развитии личности являются конкретно-исторические условия, в рамках которых проходит ее жизненный путь, ее участие в общественной жизни и практической деятельности. Личность каждого человека своеобразна и вместе с тем ей свойственны черты, общие с другими людьми, в классовом обществе — с представителями своего класса. Каждая общественно-историческая формация накладывает отпечаток на духовный облик личности. Определяясь условиями жизни и деятельности, личность сама является активным участником и деятелем общественной жизни, играет действительную роль в истории общества.

Духовный облик личности представляет собой исторически складывающуюся совокупность наиболее существенных, относительно устойчивых психических свойств, каждое из которых представляет собой сформированную у индивида способность закономерно отвечать определенными психическими деятельностями на определенные объективные воздействия.

В этой совокупности всегда четко выделяются две группы психических свойств. Первая связана с побудительной (мотивационной), вторая — с организационно-исполнительской стороной психической регуляции поведения человека.

Это внутреннее психологическое содержание человека (его убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности) обязательно выражается у него в движениях, действиях, поступках. Воспринимая движения, действия, поступки, деятельность человека, люди проникают в его внутреннее психологическое содержание, познают его убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

Вместе с тем мы знаем, что связь между отношением к действительности как содержанием качества личности и способом его выражения не всегда имеет однозначный характер. Практика взаимодействия людей и специальные исследования, особенно исследования формирования качеств личности на разных возрастных этапах, дают нам факты, свидетельствующие о том, что способ поведения личности может не полностью соответствовать или вообще не соответствовать характеру отношения, имеющегося у личности к какой-то стороне действительности. Это, в частности, было выявлено нами при исследовании личности подростка, проведенном в одной из школ-интернатов Ленинграда. У значительного числа подростков содержательные стороны отношения к учению, коллективу и товарищам, к самообслуживанию и т. п. совпадали, но вместе с тем, как выяснилось, эти отношения проявлялись у них через способы, на которых лежала печать пути, пройденного каждым -из этих школьников.

Вот, например, как проявлялась «одинаковость» содержания отношения к товарищам у трех изучавшихся нами шестиклассников: Вити М., Вовы М. и Вовы К. Все трое — члены дружного, жизнерадостного, инициативного и требовательного коллектива, лучшего среди первичных коллективов интерната. К шестому классу у них успело выработаться сходное и с точки зрения морали нашего общества правильное убеждение в том, кого можно считать настоящим товарищем и как каждый из них должен поступать. И сами они отзывчивые, всегда готовые прийти на помощь нуждающемуся в ней однокласснику пионеры. Однако сколь различно конкретное проявление этого отношения у каждого из трех подростков! Поведению, в котором повседневно проявляется отношение Вити М. к одноклассникам, присущи грубоватость и прямолинейность. Для поведения Вовы М., в котором выражается его отношение к товарищам, характерны, наоборот, вежливость и тактичность. У Вовы К., третьего шестиклассника, содержательная сторона отношения к товарищам на таком же уровне развития, как и у первых двух учащихся, но яркой и устойчивой особенностью ее проявления в повседневном поведении, при общении мальчика со сверстниками является добродушная насмешливость, обязательное присутствие шуток.

Таким образом, в отношении к товарищам каждого из этих подростков при сходстве в главном все время дают себя знать другие, свойственные им характерологические качества. Эти качества сравнительно стойко влияют на способ проявления отношения, делая его для каждого подростка индивидуально типичным. У названных шестиклассников при совпадении содержания их отношения к товарищам, при одинаковости (в смысле соответствия этому содержанию) поступков, в которых это отношение реализовалось, внешнее оформление этих поступков было неодинаковым.

В ходе дальнейшего исследования у ряда других шестиклассников был выявлен в общем такой же уровень содержательной

стороны отношения к товарищам по коллективу, как у названных подростков. Однако форма проявления содержания этого отношения и у них, помимо общих признаков, формируемых у всех детей, воспитывающихся в хорошем коллективе, в каждом отдельном случае имела особенности, наблюдавшиеся только у данного конкретного подростка. И эти особенности, делавшие способ поведения, в котором проявлялась содержательная сторона отношения, в каждом случае индивидуально своеобразным, развились и закре-

пились у подростка как итог взаимодействия конкретных прямых и косвенных воздействий на него и его собственных ответов на них в прошлом.

Помимо фактов, сущность которых вкратце только что была изложена и в которых содержательная сторона отношения и способ ее выражения относительно соответствовали друг другу, в ходе исследования пришлось столкнуться с серией случаев, для которых было характерно расхождение между содержательной стороной отношения и формой ее проявления.

Наташа И. — грубая в общении с окружающими, часто недисциплинированная, вечно всем недовольная, все в интернате громко и критически высказываясь, склонная к ссорам по пустякам школьница. Однако она оказалась большим патриотом своего коллектива. Выяснилось, что она к нему сильно привязана и не хотела бы расстаться ни с одним из своих одноклассников. В то же время со всеми вежливый, послушный и аккуратно исполняющий все поручения и воспитателей, и пионерского актива Алик Б., одноклассник Наташи, коллективом не дорожит, в беседах с «посторонними» зло и часто несправедливо критикует почти всех его членов и из интерната готов уйти немедленно.

В этих двух случаях речь шла о несоответствии действительного отношения подростка к коллективу и способа его поведения; возможность существования такого расхождения была выявлена и при исследовании отношения шестиклассников к учению, а также и к некоторым из внеучебных дел.

Саша Б. — неорганизованный, часто нарушающий дисциплину как на уроках, так и в часы самостоятельного приготовления заданий подросток. Он неряшливо пишет, торопится, готовя уроки, многое не доводит до конца. Всем своим поведением он как бы доказывает, что учение как деятельность и знания, приобретаемые при этом, ему постылы. Однако проверка этого не подтвердила. [Оказалось, что Саша Б. активно положительно относится к учению и у него проявляется познавательная потребность, удовлетворяемая им прежде всего за счет знаний, приобретаемых в процессе учебной деятельности. Но еще до интерната мальчик был сильно педагогически запущен, и сейчас, на фоне более благополучных детей, выработавшийся у него в прошлом способ поведения все еще дает себя знать и принимается поверхностными наблюдателями за доказательство отсутствия у этого подростка интереса к учению.]

Гера К. при систематической и организованной работе над учебными предметами, большой дисциплинированности как в часы так называемой самоподготовки, так и на уроках, не обнаружил активно положительного отношения к содержанию учебной деятельности. Нам не удалось найти у него потребность в знаниях, даваемых учителями и учебниками. Как оказалось, поведение этого школьника при занятии учебной деятельностью было имитацией в действительности отсутствовавшего у него отношения, вызываемого другим имевшимся у него отношением (страхом перед родителями).

Такие же вариации связи между содержательной стороной отношения и способами ее выражения обнаружились при исследовании выполнения детьми трудовых поручений.

Лариса С. с большой тщательностью занимается уборкой класса, когда приходит ее очередь, добросовестно дежурит на кухне и в спальне. Воспитатель считает ее трудолюбивой девочкой и ставит в пример тем, кто отлынивает от так называемой черной работы. А в действительности Лариса — воспитанница с сильно развитыми интеллектуальными интересами не любит эту работу. Она сама говорит по этому поводу следующее: «Ненавижу ее, скучно, время зря уходит, но стараюсь, потому что без нее не обойтись».

Валя П., наоборот, когда приходит ее очередь дежурить, подметает пол не весь, оставляет пыль на цветах, неаккуратно укладывает книги в шкаф. Создается впечатление, что она нерадиво занимается данным видом труда. Но это не так. Она с удовольствием, как показала проверка, выполняет эту работу, но, еще недавно очень неряшливая, она не научилась делать ее так, как давно умеют лучше ее воспитанные в этом отношении одноклассники. Способ выражения содержательной стороны отношения здесь значительно отстал в своем развитии.

Какие же выводы можно сделать из собранных фактов?

Прежде всего, нам кажется, нельзя упрощенно представлять себе связь между содержанием качества личности, каким является отношение, и формой его выражения. Факты в действительности свидетельствуют, что, хотя форма проявления отношения, способ поведения, через который отношение выражается, и определяются содержанием последнего, все же они имеют некоторую относительную самостоятельность. И поэтому форма, способ поведения личности могут и не полностью соответствовать или даже вообще не соответствовать содержанию отношения личности к какой-то стороне действительности. Исходя из имеющихся фактов, есть основание говорить о следующих возможных вариантах такого соотношения:

1. При положительном характере отношения у человека наблюдаются и адекватные этому отношению способы поведения.

2. При отрицательном характере отношения у него наблюдают и соответствующие способы поведения. В этих двух случаях

имеется полное соответствие содержания отношения и способа его выражения.

3. При положительном характере отношения способ его выражения и поведение человека неадекватны такому отношению.

4. При отрицательном (или безразличном) характере отношения к чему-то человек ведет себя так, будто у него имеется к этому объекту устойчиво положительное отношение.

В двух последних случаях содержание отношения и способ его выражения не соответствуют друг другу.

В одних случаях такое соответствие (несоответствие) оказывается сравнительно устойчивым, но в других может иметь место своеобразная борьба двух способов выражения содержания одного и того же отношения — старого, неадекватного, и нового, адекватного этому содержанию. И тогда оценивать подлинную сущность человека бывает особенно трудно.

Несоответствие содержания какого-то отношения и способа его выражения у личности может быть также сравнительно независимым от других отношений, и оно же может быть и результатом; какого-то вмешательства другого отношения, также характеризующего личность, но более сильного. И это, конечно, тоже увеличивает трудности адекватной оценки личности. В подобном случае необходимо проникнуть в структуру личности и установить субординацию составляющих ее отношений, а это задача не легкая.

Пока мы говорили преимущественно о том, как может соотноситься содержательная сторона и способ ее выражения в одном, отношении. Но раз личность представляет собой систему отношений, не обойти вопроса о том, как же обстоит дело с соотношениями содержательных сторон и способов их выражения у личности, в целом. Исследования показывают, что в ряде случаев у человека может наблюдаться сосуществование разных степеней развития отношений и способов их выражения в повседневном поведении. Например, у одного и того же подростка содержание отношения к учению может соответствовать способу его выражения, а содержание отношения к общественной работе не соответствовать способу поведения.

Мы рассмотрели некоторые аспекты связи содержательной стороны отношения и способов ее выражения у человека. Сказанное, нам кажется, позволяет понять одну из причин того, почему восприятие нами поведения другого человека не всегда может дать правильную информацию о том, какое отношение к действительности ему присуще. Кроме того, разные стороны личности одного и того же человека не одинаково сложны и по своей структуре и по формам возможных проявлений, и поэтому для их познания и оценки требуется разное время. Исходя из этого предположения и в подкрепление его, Тажиури, Брунер и Блейк экспериментально установили, что, например, отношение человека к вещам-

улавливается и правильно оценивается обычно быстрее, чем отношение к людям².

На характер оценки человека как личности другими влияет и то, насколько много информации этот человек вольно или невольно предоставляет о себе людям, для которых он оказывается в роли объекта познания. Вместе с тем это количество информации о другом человеке должно быть строго определенным — иначе у окружающих его людей может сложиться о нем неадекватное представление.

По данным Саймондса и Холландера, проверенным недавно Ньюкомом, правильное понимание человека как личности образуется у общающихся с ним людей при не очень длительном и, главное, при не очень тесном знакомстве. В противном случае оценивающие, как правило, не могут преодолеть в себе тенденции быть снисходительными и проявляют своеобразный фаворитизм по отношению к старым знакомым или необъективность негативного характера при оценке личности своих недругов. Развитие тесных контактов между людьми, как оказывается, может привести и к тому, что субъект будет с опозданием фиксировать или даже вообще не замечать изменения во внутреннем мире другого человека и строить свое поведение по отношению к последнему, исходя из устарелых представлений о его личности. В этих случаях развивается явление, которое в психологической литературе получило название «эффекта ореола».

Уже указанный факт говорит, что содержание понятия, которое формируется у нас о личности того или иного человека, всегда определяется и тем, насколько мы сами сформированы как личности, как субъекты труда, познания и общения.

Всякое мышление совершается в обобщениях. Для процесса формирования у индивида знания другого человека как личности также характерны образование обобщений и вместе с тем опора на ранее сформированные обобщения.

Сравнение понятий об одной и той же личности, которые формируются у различных людей, раскрывает особенности «видения» — одной личностью другой. Если, например, экономист или политик, создавая понятие о типе людей, намеренно отвлекается от их индивидуальных особенностей, схватывая лишь их социальную сущность, а писатель при помощи абстрактного мышления стремится верно постичь главное в изображаемом человеке и определить конкретные признаки, являющиеся его наиболее полным воплощением, чтобы затем это найденное общее, единичное и особенное воссоздать в художественном типе, добиться «воспроизведения типичных характеров в типических обстоятельствах, то в повседневном общении картина формирования понятия о личности оказывается совершенно иной. В этом случае в содержание понятия личности

² Tagiuri R., Bruner J. The Perception of People.—In: G. Undzey (ed.). Handbook of Social Psychology, vol. 2. London, 1959.

входят, как правило, лишь те качества, которые человек, исходя из своего опыта общения с людьми и познания их, успел в этой личности рассмотреть в конкретных условиях своего взаимодействия с ней. Вообще факт, когда из-за узости сферы общения и связанной с этой узостью ограниченностью впечатлений о человеке в понятии индивида, о познаваемой личности оказывается отраженной лишь одна часть присущих ей качеств и не находят отражения остальные ее качества, в практике взаимодействия людей является скорее правилом, чем исключением. Ошибочно думать, что в понятии, которое формируется у человека о другой личности, всегда находят выражение все действительно присущие этой личности качества и отражается ее индивидуально неповторимая структура. Факты свидетельствуют, что в очень многих случаях познание человеком другой личности сводится к отнесению ее на основании оценки ее поведения и действий лишь к определенной категории людей (хороший специалист, слабый ученик и пр.). При таком неполном познании в личности неизбежно остаются нераскрытыми черты и признаки, "составляющие ее индивидуальность. Мы знаем, что уже при отражении облика и поведения другого человека одни признаки могут запечатлеваться в образе этого человека, формирующемся у познающего его индивида, ярко и точно, другие — бледно и с искажениями, третьи — не фиксироваться совсем³. То же может происходить и с выделением субъектом в личности другого человека характеризующих ее черт. Из-за этой неполноты фиксирования качеств, присущих личности, индивид понимает эту личность очень часто более или менее схематично и упрощенно. Не является подлинным пониманием и другая крайность, когда индивид отмечает в познаваемой личности бесконечно большое число фактов поведения в разнообразных условиях, но не умеет подняться над ними, увидеть черты личности, в них проявляющиеся, отделить случайное от существенного.

Обязательным компонентом мыслительного процесса, направленного «а постижение сущности того или иного конкретного человека как личности, являются актуализация в сознании познающего субъекта психологических знаний, накопленных им в ходе взаимодействия с людьми, опора на обобщения, сформировавшиеся у субъекта при познании других людей. Роль обобщений, в которых у индивида аккумулированы его впечатления от личных встреч с людьми в прошлом, всегда так или иначе сплавленные со знаниями о людях, полученными им из других источников (книги, устные рассказы, кино, телевидение и пр.), в познании им каждого определенного человека очень значительна. Вынося оценку особенностям личности нового для него человека, индивид на такие обобщения опирается постоянно, хотя они и не всегда могут быть верными. Вообще система понятий и общих представлений, в которой у каждого человека оказывается запечатленным его опыт

³ См. с. 57 этой книги.

общения с людьми и познания их в прошлом, как показывают наблюдения, содержит, во-первых, обобщения, которые правильно фиксируют устойчивые зависимости между особенностями внешнего облика, формой поведения людей, с одной стороны, и обычно стоящими за ними качествами личности — с другой. Во-вторых, в эту систему всегда входят обобщения, которые в действительности отражают лишь случайные связи. Наконец, в ней могут найти какое-то место «обобщения», фиксирующие связи там, где их нет вовсе. У разных людей доля каждого из этих видов обобщений в системе знаний, в которой запечатлен их опыт познания человека, не одинакова.

Нами были опрошены разные люди (пенсионеры, рабочие, студенты, школьники), которые должны были сказать, имеют ли они привычку связывать психические качества людей с особенностями их внешности, и в случае положительного ответа на этот вопрос привести примеры таких имеющихся, по их мнению, отношений. Оказалось, что, несмотря на то что наукой показана ошибочность так называемой физиогномики, френологии и не подтверждена правильность учения Кречмера о типах конституции и связи их с определенными чертами характера, среди людей имеют хождение идеи, в свое время фигурировавшие в названных концепциях. Из 72 опрошенных, например, девять человек заявили, что люди с квадратными подбородками обладают сильной волей, семнадцать человек сказали, что люди с большим лбом — умные, три человека полагают, что люди с жесткими волосами имеют непокорный характер, четырнадцать человек считали, что полные люди обладают добродушным характером, два человека сказали, что толстые губы свидетельствуют о большой сексуальности. Пять человек утверждали, что люди ниже среднего роста всегда отличаются властью, энергией, большим желанием всеми командовать. Один человек написал, что люди с близко посаженными друг к другу глазами очень вспыльчивы. Пять человек убеждали нас, что красивые люди всегда или глупы, или большие себялюбцы. Двое утверждали, что, если у человека большой рот, «владелец» — шутник и насмешник, а если у него тонкие, бескровные губы, он — ханжа и ему присуща скрытность. Один из опрошенных сказал, что, по его мнению, постоянно приоткрытый рот — признак глупости. Далее было установлено, что если во внешности, воспринимаемого человека оказывается какая-то из названных особенностей, которую воспринимающий субъект еще раньше начал связывать с определенной чертой характера, типом личности и пр., то эта связь включается в формирующийся у него образ человека. «Житейские обобщения», на которые, часто не осознавая этого, опираются в повседневном общении люди, вынося оценку новому для себя человеку, исследовал также Г. Олпорт⁴. Он предлагал большему числу испытуемых по первому впечатлению оце-

нивать качества личности до эксперимента незнакомых им людей и обнаружил тенденцию воспринимать людей, носящих очки или с высоким лбом, как более умных, заслуживающих доверия, прилежных, видеть в пожилых и полных мужчинах людей надежных, уверенных в себе, ответственно относящихся к своему слову; воспринимать улыбающиеся лица более умными, а владельцев их — дружелюбнее настроенными по отношению к другим людям. Помимо названных найдены и другие оценочные тенденции, которые, хотя они довольно часто проявляются в практике общения людей, заключают в себе также лишь небольшую долю достоверности. Олпорт считает, что у большинства людей такие оценки образуются как следствие легкой ассоциации идей. Люди, носящие очки, могли повредить свои глаза в учении, люди с высоким лбом имеют большое пространство для мозга и т. п. Конечно, подобные «обобщения» — свидетельства психологической необразованности тех, у кого они возникают, следствие односторонности и плохого анализа ими собственного опыта общения, но эти тенденции — реальный факт, и изучать их необходимо.

Вместе с тем на оценку, даваемую человеком познаваемой личности, оказывают влияние и обобщения, в которых у него запечатлеваются наблюдаемые им в жизни связи между способами поведения людей и их отношениями к различным сторонам действительности.

Э. Холл в очерке «Наш безмолвный язык»⁵, опираясь на свои наблюдения особенностей общения у разных народов, направляет внимание читателя на анализ фактора, мимо которого часто проходят психологи, но который в процессе общения проявляется и может влиять на восприятие собеседниками друг друга, на возникающие при этом эмоциональные переживания и представления о качествах личности собеседника. Речь идет о так называемом «ocultos» («невидимом»), или, проще, об обычаях устанавливать и поддерживать контакты (деловые, дружеские и иные), принятых у данного народа и усваиваемых каждым новым поколением. В статье, в частности, говорится о том, что у каждого народа существует свое представление о дистанции, которая должна разделять собеседника. Но утверждению автора, типичная для янки дистанция, разговаривающего с другим взрослым мужчиной на деловую тему и в деловой обстановке, равняется приблизительно двум футам. Для взрослых жителей латиноамериканских стран это расстояние кажется непомерно большим, так как они усвоили принятую в их странах привычку во время разговора подходить к собеседнику почти вплотную. Эдвард Холл «сталкивал» в деловом разговоре до этого незнакомых коренных граждан своей страны и типичных представителей стран Латинской Америки, и разница в «привычных» дистанциях при разговоре немедленно сказывалась: один во время беседы, иногда не осознавая этого,

⁵ Hall E. T. Our Silent Language.—Science Digest, 1962, vol. 52, N 2.

стремился приблизиться к собеседнику, а второй все время отодвигался от него. И во многих случаях, разбираясь в своем первом впечатлении о новом знакомом, североамериканец думал о латиноамериканце: какой он назойливый... претендует на установление близких отношений, а представитель латиноамериканских стран также искренне полагал, что янки высокомерны, холоден, слишком официален. А все дело было в несхожести привычных расстояний для ведения разговора.

В упоминаемом очерке описываются и другие виды «ocultos», которые у одного народа не такие, как у других (отношение к времени, к завязыванию знакомств и т. д.). Э. Холл не стремился в этом очерке к научной убедительности, но он правильно обращает внимание на то, что обычаи народа или общественной группы, к которым принадлежит человек, непременно «говорят свое слово», когда у него складывается впечатление о новом для него человеке.

Из-за узости практики общения, недостаточной научной вооруженности человек, взаимодействуя с другими людьми, в подобных случаях не может определить, какие же чувственные признаки во внешнем облике познаваемого человека и его поведении действительно содержат информацию о качествах характера этого человека, об испытываемом им состоянии, а какие такой сигнальной нагрузки не несут. Умозаключения о внутренних качествах людей в таких случаях осуществляются на основе случайных ассоциаций внешнего сходства фактически совершенно различных людей, совпадения явлений во времени и пространстве, не связанных между собой причинно-следственными отношениями.

Но, помимо «обобщений» указанного характера, при познании других людей и самого себя у каждого человека постоянно формируются обобщения, которые верно фиксируют связь между особенностями поведения личности и ее внутренним миром. Человек может их и не осознавать, но они тем не менее также всегда «работают», когда он анализирует и оценивает поведение другой личности. На такого рода обобщения человек в ходе своего повседневного общения с другими людьми главным образом и опирается.

У каждого человека под влиянием общества, членом которого он является, формируются общие нравственно-эстетические требования к другим людям и образуются воплощающие эти требования более или менее конкретные эталоны, пользуясь которыми он дает оценку окружающим его людям. Одновременно у него складываются и требования к людям, связанные с занимаемым ими конкретным положением в обществе и выполняемой ими ролью в том или ином виде деятельности. Соответственно этим требованиям у него возникают и определенные «эталонные», с которыми он сопоставляет лиц, выполняющих данную общественную функцию... При этом указанный процесс вовсе не сводится лишь к образованию эталонов, в которых находит выражение представление человека о людях, наиболее полно отвечающих названным требова-

ниям, например о высоконравственной личности, о настоящем учителе, о блестящем специалисте, образцовом руководителе и т. д. Как показывают факты, у индивида вместе с тем формируются «представления-образцы» о людях, которые отвечают этим требованиям в меньшей степени или совсем не соответствуют (надежный, но не блестящий работник, средний ученик, посредственный актер, плохой учитель, руководитель-бюрократ, рабочий-врач и т. д.).

Все эти «эталонные», формирующиеся у индивида в процессе совместной деятельности его с другими людьми, по мере развития этой деятельности и с изменением самого индивида как личности, постоянно обогащаются новыми чертами, переосмысливаются, становятся все более обобщенными. Однако это не меняет их функции в процессе познания людьми друг друга, и для взрослого человека, как прежде для дошкольника, они выполняют роль «мерки», которую он прикладывает к личности, так или иначе проявляющей себя в труде, в общении, в познании.

Названные «эталонные», используемые индивидом при оценке тех или иных людей, отличаются от научных понятий о типах людей и от типических образов искусства. Прежде всего это отличие в путях их создания. Научные понятия о типах людей и типические образы, создаваемые искусством, это всегда плод творческого труда, сознательно подчиняемого решению определенных задач. Формирование «эталонных», которыми человек пользуется при оценке личности, хотя неизбежно и определяется многочисленными влияниями общества, для самого человека оказывается в большинстве случаев стихийным процессом, и он может и не сознавать, что у него формируются те или другие «эталонные» и что они всегда «говорят свое слово», когда он оценивает другую личность.

Как и понятия о типах личности, создаваемые наукой, рассматриваемые «эталонные» также являются результатом анализа и синтеза человеком получаемых им при взаимодействии с людьми впечатлений. Они тоже представляют собой какую-то ступень отвлечения от индивидуального, в них нередко находят выражение черты тех общественных групп, представители которых составляют окружение человека. Вместе с тем на формировании этих «эталонных», этих «мерок», которые используются человеком при оценке окружающих его людей, в очень сильной степени сказывается его личный опыт труда, познания и общения.

Наиболее отчетливо зависимость характера эталонов от личного опыта труда, познания и общения выступает при сравнении оценок, даваемых одной и той же личности людьми с резко противоположными взглядами на обязанности человека в обществе (например, если мы сравним оценки, даваемые личности ударника коммунистического труда, туеядцем, который не умеет и не хочет трудиться, и сознательным тружеником, для которого общественно полезная работа стала внутренней потребностью).

В эталонах, складывающихся у человека, прежде всего из-за

ограниченности его личного опыта общения, не всегда могут найти отражение существенные для той или иной группы людей признаки. Приписывая отмечаемые у ограниченного числа людей признаки личности всем остальным представителям группы, к которой относятся эти люди, человек никогда не гарантирован от ошибки «поспешное обобщение». Из числа существенных сторон, характеризующих определенную группу лиц, человек может выделить и абсолютизировать лишь какую-то одну. В этом случае формирующийся у него эталон неизбежно будет страдать схематизмом. Не только в оценке, даваемой личности, но и в тех эталонах, с которыми человек эту личность сравнивает, прежде чем вынести ей ту или иную оценку, находят выражение идейная зрелость человека, его умение объективно фиксировать главное в окружающих, его людях.

Конкретные попытки исследования содержания «эталонов» и их проявления у лиц, обладающих неодинаковым жизненным опытом, находящихся как личности на разных ступенях развития, были предприняты в нашей лаборатории В. Н. Куницыной, В. М. Сенченко и Г. Г. Финиковой.

Эти работы показывают, что «эталоны», актуализирующиеся у человека при оценке им другой личности, отличаются различной степенью обобщенности и выступают в различных формах. Это может быть образ конкретного человека, являющийся в глазах индивида персонифицированным носителем того или иного положительного или отрицательного качества или группы качеств. Это может быть и более обобщенный образ «хорошего мальчика» «руководителя», «героя», «лентяя» и др. Это, наконец, могут быть уже сложившиеся в предшествующем опыте человека понятия о типах личности и характерной для каждого из них совокупности качеств, а также о поведении человека, обладающего этими качествами.

Исследования показывают, что степень обобщенности эталонов, используемых человеком при оценке поведения и психических качеств личности, растет по мере того, как сам человек формируется как субъект труда, познания и общения. Этот рост хорошо прослеживается, когда сравниваются «эталоны», имеющиеся у лиц, разного возраста. Например, Г. Г. Финиковой выяснено, что у первоклассника с его еще небольшим опытом общения и малым запасом знаний о людях, полученных из различных источников, а также неумением мыслить не наглядно-образно, содержание «эталонов» (Финикова выясняла содержание «эталонов» «добрый человек», «рассеянный человек», «злой человек» и некоторых других) очень узко, элементарно и конкретно. Первоклассники, раскрывая их содержание, неизменно приводили тот или иной пример, характеризующий поведение людей, или ссылались на конкретных людей из своего окружения, а иногда указывали на какого-то героя из сказки. Лишь позже, с появлением на жизненном пути школьника новых людей, обладающих неодинаковым физическим обли-

ком, но совершающих одинаковые действия и поступки и, наоборот, внешне похожих, но по-разному себя ведущих, а также с накоплением у него знаний об оценках, даваемых авторитетными для него взрослыми поведению этих людей и качествам личности, которые они при этом проявляют, происходит постепенный рост обобщенности эталонов.

Для каждого школьника характерен какой-то период, в течение которого связывание определенного физического облика и внутренних качеств человека сосуществует в его сознании со складывающимся у него убеждением в том, что о чертах личности человека надо судить не по его наружности, а по делам, по поступкам. Указанная особенность очень четко была, например, выявлена у подростков В. Н. Куницыной. Она предлагала 43 учащимся 7-го класса ответить, какого человека они считают добрым, умным, злым, рассеянным, жестоким. По характеру ответов В. Н. Куницыной пришлось разделить подростков на четыре группы. В первую группу она включила учащихся, у которых все выше-названные качества связываются исключительно с внешним (часто только с физическим) обликом человека. Учащиеся, отнесенные ко второй группе, характеризуя личность, отмечали в ней и определенные черты физического облика и в то же время называли характерные, по их мнению, для личности с таким качеством особенности поведения. Подростки, объединенные в третьей группе, говоря о том, какими они представляют людей, обладающих одним из перечисленных свойств, совершенно не касались их физического облика и вообще их внешности и называли только особенности их дел, поступков, поведения. В последнюю, четвертую группу В. Н. Куницына отнесла подростков, у которых одни из названных качеств всецело связывались с определенным физическим обликом человека, а другие раскрывались исключительно через указание на поступки, мысли и чувства, которые кажутся этим подросткам типичными для людей, в личности которых доминирует какое-либо из названных качеств.

Развитие содержания эталонов, связанное с изменениями в личности тех, у кого эти эталоны формируются, было прослежено также В. М. Сенченко. Используя статистические методы, он выявил основные направления перестройки «эталона советского солдата» в группах испытуемых, которые охватывали возрасты от младшего дошкольного до старшего школьного и, кроме того, включали солдат всех лет службы, а также офицеров, имевших 5 и более лет командирского стажа.

Вычислив показатели абсолютной вероятности включения различных признаков в интересовавший его эталон представителями каждой из групп испытуемых, В. М. Сенченко убедительнейшим образом показал, что в эталоне солдата у младших дошкольников

На основании данных опыта В. Н. Куницына к первой группе отнесла 30% участвовавших в выполнении этого задания подростков, ко второй, третьей и четвертой — соответственно 29, 26 и 15% испытуемых подростков.

главенствующее положение занимают признаки оформления внешности (форма, снаряжение, оружие}. Старшие дошкольники почти столь же часто, как признаки оформления внешности, начинают включать в эталон солдата признаки телосложения (роет, величина фигуры и некоторые другие). В главах учащихся 1-го класса значение двух названных групп признаков для солдата сохраняется, однако первоклассники часто включают в его эталон функциональные характеристики стреляет из автомата, водит танк, лежит в окопах, пускает ракеты и т.п.). В следующих возрастных группах учащихся содержании эталона солдата обогащаются качествами, относящимися к воле, а также к мотивам поведения. Особенно сильно волевые качества личности выявляются в эталонах солдата подростками.

В дальнейшем в содержании эталонов солдата резко изменяется соотношение групп признаков. Уже у семиклассников, по данным В. М. Сенченко, заметно снижается доля признаков, относящихся к оформлению внешности, и столь же сильно возрастает фиксирование признаков, свидетельствующих о характере советского солдата. В старших классах эти характерологические признаки в эталонах солдат начинают играть ведущую роль. Эталоны солдата, имеющиеся у самих солдат, особенно старослужащих, отличаются большей представленностью в них помимо характерологических качеств, в которых выражается отношение к большим социальным институтам и к воинскому труду, коммуникативных черт личности, ее контактности с другими, развитости чувства товарищества и др. В структуре групп признаков, которые В. М. Сенченко были обнаружены при анализе эталонов солдата, имевшихся у строевых офицеров со стажем, в качестве очень значимой группы признаков выступили обобщенные умения и навыки, а также отвечающие определенным критериям знания, которые делают человека, именуемого солдатом, действительно солдатом. Эти признаки по частоте фиксирования у этой группы испытуемых заняли место сразу после характерологических качеств

Факты, собранные В. М. Сенченко, показывают, таким образом, что развитие «эталонов», начавшееся у человека в пору дошкольного детства, продолжается не только в школьном возрасте, но и в пору юности и во все последующие годы его жизни,

У всех людей в связи с тем конкретным видом деятельности, которой они по преимуществу заняты, и характером общения главным образом с определенными категориями людей, помимо эталонов, относимых к большим группам людей, формируются специальные, частные эталоны, имеющие более ограниченное приложение. У каждого человека, воплощаясь в образно-понятийную форму, развиваются «эталоны» плохого и хорошего учителя, рабочего студента, руководителя, родителя и т. д. При частом общении с определенной категорией людей: с рабочими, колхозниками, учащимися, спортсменами, руководителями, врачами — у человека развивается более дифференцированное понимание типов лиц, пред-

ставляющих данную деятельность, профессию, специальность, возраст, пол и т. д., и соответственно увеличивается число оценочных эталонов. При этом у каждого человека, как правило, наблюдается сосуществование эталонов, различающихся степенью соответствия их содержания сущности тех людей, оценке которых эти эталоны служат. В то время как в содержании одних эталонов, сложившихся у человека, сущность определенной категории людей воплощена в полной мере и они хорошо выполняют функцию «мерки» при оценке новых лиц, в содержании других эталонов типичные особенности какой-то группы людей оказываются запечатленными с большими искажениями или даже не фиксируются вовсе. И эти последние эталоны, актуализируясь у субъекта при взаимодействии его с другими людьми, не способствуют правильной оценке тех лиц, к которым они прилагаются субъектом. Такое неодинаковое соответствие содержания эталонов, формирующихся у личности, в действительности является, как правило, результатом того, что у каждого человека в ходе жизни при общении с разными группами людей обычно накапливается неравновеликий и неравноценный запас впечатлений.

Например, у школьника опыт общения со сверстниками растет обычно интенсивнее, чем опыт взаимодействия с представителями других возрастов. Соответственно формирование правильных эталонов у него при познании сверстников происходит быстрее, чем развитие эталонов, актуализирующихся в процессе общения представителями других возрастов. У учителя, проработавшего всю жизнь с младшими школьниками, образуются обобщенные и вместе с тем точные эталоны, в которых находят отражение существенные с точки зрения учителя, особенности наиболее распространенных вариаций личности младших школьников. В то же время у него, вследствие ограниченности опыта общения со старшими школьниками могут сформироваться эталоны, которые в своей совокупности лишь в самой небольшой мере отразят многообразие вариаций личности старших школьников. Разную степень объективности эталонов и большее или меньшее соответствие их всех тому многообразию основных вариаций личности, которое есть в действительности, легко можно обнаружить у любого человека по отношению к различным категориям людей.

Широкий и разнообразный опыт общения с людьми является важным, но не единственным условием успешного формирования объективных и дифференцированных эталонов, используемых при оценке, той или иной личности. Труд человека на различных поприщах, деятельность, направленная на познание различных сторон действительности, вооружают его такими знаниями, которые, хотя подчас и не заключают в себе информации о психологии других людей, тем не менее могут облегчить более глубокое проникновение в нее. Занимаясь непосредственно тем или другим видом труда, человек действительно познает требования, которые этот труд предъявляет работнику; у него накапливается знание о трудностях,

которые приходится преодолевать, решая те или иные задачи, и т. д. В процессе личного участия в труде у человека вырабатываются собственные эталоны успешного или неуспешного освоения требований участниками трудового процесса и преодоления ими трудностей. В зависимости от того, насколько далеки от этих эталонов результаты труда познаваемых им людей, человек предполагает у последних сформированность одних качеств и отсутствие других. Личный труд человека способствует, таким образом, развитию у него «меры», которую он начинает прилагать к другим людям.

При оценке индивидом отдельных актов поведения, а также и всей личности человека у него актуализируются обобщения, образовавшиеся не только в процессе общения с различными людьми, но и непосредственно с этим человеком. Повседневное общение ведет к тому, что наиболее часто фиксируемые способы поведения в разных ситуациях также начинают выполнять для индивида роль эталонов при оценке им действий этого человека в последующем. Действие таких индивидуальных эталонов проявляется ярко, например, тогда, когда поступки и манера поведения знакомого нам человека в данный момент расходятся с тем, что мы привыкли видеть у него раньше, и мы думаем о нем: это на него не похоже или он перестал быть самим собой.

Совершенно ясно, что признаки внутреннего облика и поведения человека, которые роднят его со всеми другими людьми, характеризуют его как представителя определенной группы лиц, отличают от всех других людей и придают его личности индивидуальное своеобразие, не отделены друг от друга «китайской стеной». Общее и особенное существует в единичном и через единичное. Но всегда каждая из групп этих признаков в одной и той же личности может быть абстрагирована при необходимости характеристики человека под определенным углом зрения. Соответственно и общечеловеческие, и групповые, и индивидуальные эталоны, формирующиеся у каждого человека, взаимопроникают друг в друга и при оценке им личности актуализируются в теснейшей связи друг с другом.

Хотя для образования «индивидуальных эталонов» требуется прежде всего накопление у человека впечатлений о поведении конкретных людей, однако формирование этих эталонов всегда обусловлено знанием общечеловеческих и групповых норм поведения и представлении о том или другом типе личности, которые уже успели сложиться у индивида в прошлом.

Исследование содержания эталонов, которые актуализируются при оценке лиц, выполняющих различные социальные функции, а также обладающих тем или иным социальным положением, у типичных представителей различных социальных общностей является по всем данным одним из важных направлений в разработке психологии познания людьми друг друга. Знание этих эталонов дает возможность заранее предвидеть, как в главном будет

оценен данным лицом какой-то конкретный человек, если этому лицу известна принадлежность оцениваемого к людям, объединяемым на основании каких-то общих у них признаков в одну и ту же группу.

Установление устойчивых зависимостей между содержанием и структурой оценочных эталонов и такими, например, характеристиками субъекта восприятия, как его пол, возраст, профессия, позволяет затем с большой долей вероятности предугадывать направления развития процесса оценивания одной личностью другой личности и намеренно использовать это знание при решении задач воспитания, организации психотерапии, а также в ходе применения так называемых средств массовых коммуникаций.

Формирование у каждого человека все новых эталонов по мере установления у него контактов со все новыми категориями лиц и накопления -все новых впечатлений о них теснейшим образом связано с одновременно разворачивающимся у человека процессом классифицирования познаваемых людей на основе установления сходства и различия в их личностных характеристиках на более или менее определенные группы.

В одних случаях такая классификация производится человеком с целью решения той или иной задачи и с начала и до конца осуществляется сознательно. В других случаях она разворачивается стихийно.

Мы знаем, например, что А. С. Макаренко, исходя из определенных критериев, подразделял своих воспитанников на актив, гниющий актив, резерв актива, здоровый пассив, «болото» и «шпану». Точно так же учителя в школе одних учащихся относят к сильным ученикам, других — к «среднячкам», третьих — к «слабым учащимся» и т. д.

Мы попросили девяносто двух выпускников вузов Ленинграда ответить, существуют ли, на их взгляд, определенные типы студентов и преподавателей. После того, как все они дали на этот вопрос утвердительный ответ (каждый из них отвечал без свидетелей), перед ними была поставлена задача перечислить эти типы.

Называя «типы студентов», выполнявшие эту часть задания выпускники пользовались неодинаковыми основаниями, относя студентов к различным группам. Одни из отвечавших делили всех студентов на две категории: на пришедших в вуз по призванию и не по призванию. Другая группа отвечавших утверждала, что существуют четыре типа студентов: 1) студент, гармонично сочетающий учение и общественную работу; 2) студент — большой общественник, у которого учение на втором плане; 3) студент — «академист», признающий только учение и «бегущий» от общественных поручений; 4) студент, формально относящийся и к учению, и к общественной работе. Третья группа опрошенных выпускников в качестве основания деления студентов на определенные категории избрала регулярность и систематичность их учебной работы в течение года, и, таким образом, сю были названы сту-

денты, занимающиеся серьезно постоянно, и студенты, в полную силу работающие только во время экзаменационной сессии. Была, наконец, группа отвечавших, которые полагали, что есть все основания выделить тип студента с широкими разносторонними познавательными интересами, тип студента с узким интересом, проявляющимся только к тому, что непосредственно связано с приобретаемой специальностью, и тип студента, вовсе лишенного познавательных интересов и занимающегося ради диплома.

Называя типы преподавателей, опрошенные нами выпускники выделяли такие типы: 1) хороший лектор, но плохой ученый (специалист); 2) большой ученый (специалист), но плохой лектор; 3) большой ученый (специалист) и хороший лектор; 4) плохой лектор и посредственный ученый (специалист); 5) плохой преподаватель (лектор), но хороший человек; 6) человек так себе, но преподаватель (лектор) хороший; 7) настоящий человек, большой ученый и хороший преподаватель. Некоторая часть отвечавших, называя типы преподавателей, руководствовалась уровнем требований, которые они обычно предъявляли студентам. Таким образом, всех преподавателей они подразделяли на «добряков», «формалистов», «строгих, но справедливых».

Указанные представления о студентах и преподавателях, формируясь у человека в условиях непосредственного взаимодействия с ними, вместе с тем участвуют в оценке этим человеком людей, ранее ему незнакомых, по также являющихся преподавателями или студентами. Такие представления выполняют в этом случае функцию эталонов.

Другая группа бывших выпускников ленинградских вузов, имевшая пятилетний стаж работы на предприятии, называла типы руководителей. Одни из этих молодых специалистов сказали, что, по их мнению, есть: 1) руководители, знающие производство и хорошие организаторы; 2) руководители, знающие производство, но плохие организаторы; 3) руководители — хорошие организаторы, но плохо знающие производство. Другие молодые специалисты разделили руководителей на требовательных и вежливых с подчиненными и требовательных, но грубых с подчиненными. Наконец, третьи, называя типы руководителей, помимо перечисленных признаков, важным признаком типа считали отношение человека, являющегося руководителем, к своему делу: болеет он за него или нет.

Мы привели лишь отдельные примеры классификаций, складывающихся у общающихся в некоторых видах деятельности. Вообще же весь этот вопрос требует всесторонней и углубленной разработки, потому что знание подобных классификаций, различающихся по разным параметрам, фактически означает постижение системы понятий и представлений, в которых оказывается аккумулярован (отражен и так или иначе обобщен) опыт познания людей представителями различных социальных групп.

Помимо эталонов, выполняющих при познании одним челове-

ком другого роль «мерок», которые, образно говоря, прикладываются к познаваемой личности и которые дают возможность отнести эту личность к какому-то «классу» в той системе «типов» которая у познающего субъекта сформировалась, у человека — субъекта познания других людей всегда могут быть выявлены и «наборы» качеств, которые он имеет тенденцию приписывать тем лицам, «класс» которых, как ему кажется, им установлен. Это явление «приписывания» познаваемой личности целых «наборов» определенных качеств на основе отнесения ее по увиденным в ней отдельным качествам к какому-то «классу» лиц было хорошо изучено Келли, Вайшнером и Эшом, которые экспериментально показали, что за ним стоит факт так называемого «безотчетного структурирования личности»⁷. Это явление «приписывания» получила у исследовавших его ученых название «стереотипизация», а «наборы» качеств, которые человек «придает» познаваемой им личности, соответственно были названы «оценочными стереотипами».

Впоследствии многочисленными исследователями было показано, что в этих стереотипах всегда находит выражение запас теоретических и практических знаний, которыми располагает человек о каждом народе, о каждом из общественных классов, о поле, возрасте, профессии. Поскольку опыт общения каждого человека детерминирован его принадлежностью к определенному народу, общественному классу, полу, возрастной группе, профессии, то оценочные стереотипы представителей разных демографических и социальных групп наряду с чертами сходства включают в себя очень существенные и характерные различия.

Было выяснено, что «стереотипы» начинают срабатывать уже тогда, когда оцениваемые люди отличаются друг от друга только своими физическими характеристиками — наружностью (Г. Олпорт, П. Секорд)⁸. Например, Секордом было установлено большое совпадение тенденций в приписывании определенных черт людям, в лицах которых можно было найти определенные характеристики (форма лица, расположение глаз относительно носа, величина ротовой щели и т. д.). В исследовании Секорда, где в качестве объектов оценки были использованы фотографии 24 мужских лиц, median correlation коэффициент оказался равным. 65 с рангом от. 54 до. 78 для различных оцениваемых черт. Median correlation коэффициент для женских лиц был. 59 с рангом от. 36 до. 87. Секорд объясняет эту весьма высокую однозначность в приписывании одних и тех же черт многочисленными испытуемыми людям с определенным складом лица действием одних и тех

⁷ Kelley H. H. The Warm—Cold Variable in First Impressions of Personality,—Journal of Abnormal and Social Psychology, 1950, N 18, p. 431—439; Asch S. E. Forming Impressions of Personalities.—Journal of Abnormal and Social Psychology, 1946, N 41, p. 258—290.

⁸ Allport G. W. Pattern and Growth in Personality; Secord P. Facial Features and Inference Processes in Interpersonal Perception.— In: Tagiuri R., Petrullo L. (ed.). Person Perception and Interpersonal Behavior. Stanford, 1965.

же «оценочных» стереотипов, которые были усвоены испытуемыми, принадлежавшими к одной национально-культурной общности (американский народ).

Д. Брунер и Х. Перлмуттер, используя в своих опытах в качестве испытуемых большие группы американцев, французов и немцев, с большой убедительностью установили, что суждения людей о новом для них человеке в сильной степени обусловлены имеющимися у этих людей представлениями о национально-этнических группах, к которым они относили оцениваемого человека⁹. Если признак национальной принадлежности человека выступал при оценке его личности на передний план, участники опыта имели обыкновение приписывать ему черты, которые они привыкли ассоциировать с национальным характером того народа, к которому, по их мнению, принадлежит оцениваемый. Вместе с тем чем лучше участники опыта Брунера и Перлмуттера знали народ, к которому был отнесен оцениваемый, тем реже они, характеризуя человека, прибегали к упрощенным групповым стереотипам. Подтверждающие данные Брунера и Перлмуттера результаты о роли так называемых национальных стереотипов при складывании впечатления о людях в разное время были получены Э. Кентрилом, Г. Олпортом, К. Содхи¹⁰ и другими исследователями.

Не меньшее значение в формировании впечатления о другом человеке имеют «стереотипы», которые актуализируются в сознании оценивающего лица, когда оно располагает информацией об общественно-профессиональном статусе оцениваемой личности. Очень яркий пример роли этой группы «стереотипов» при образовании оценки другого лица приводят в своем исследовании Хаир и Грюнес¹¹. В проведенном ими опыте большая группа менеджеров и квалифицированных рабочих, разделенная на две подгруппы, оценивала двух людей, из которых один был представлен первой подгруппе как владелец фабрики, а другой — как рабочий. Когда этих лиц представляли второй подгруппе испытуемых, «владелец фабрики» стал «рабочим», а «рабочий» — «владельцем фабрики». Познакомившись с ними, обе подгруппы испытуемых должны были назвать качества, которые, по их мнению, наверняка были у «владельца фабрики» и у «рабочего».

⁹ Brunei J. S., Perlmutter H. V. Compatriot and Foreigner: A Study of "Impression Formation in Three Countries.— Journal of Abnormal and Social Psychology, 1957, N 55, p. 253—260.

¹⁰ Cantril H. The Nature of Social Perception. Trans. N. Y., 1948, Ю, p. 142—153; Allport G. Pattern and Growth in Personality; Sodhi R. Childrens Popular Descriptions of Other Peoples.— Proc. XVI Intern. Congr. Psychol. Amsterdam, 1961.

¹¹ Maire M., Grunes W. Perceptual Defence Processes Protecting and Organizing Perception of Another Personality.— Journal of Human Relations. 1950, N 3, p. 403—412; Role—Perception in Labor—Management Relations: An Experimental Approach.— In: Industrial and Labor. Relations Review, 1955, N 8(2), p. 204—216. -

Оказалось, что характеристики, которые давали одним и тем же людям испытуемые, входившие в две подгруппы, резко различались между собой, когда оцениваемому сообщалась новая социальная роль. Общее впечатление о человеке было радикально иным, когда он воспринимался испытуемыми как владелец фабрики по сравнению со случаем, когда он был представлен им как квалифицированный рабочий. В характеристиках одного и того же человека, когда он был представлен и воспринят как владелец фабрики или как рабочий, имелись значительные различия, обусловленные и принадлежностью лиц, дававших характеристики, к разным социальным группам.

Аналогичные результаты, также свидетельствующие о большой роли социально-статусных «оценочных стереотипов», сформированных у человека в прошлом, в складывании у него мнения о новом лице, были получены и другими экспериментально исследовавшими этот социально-психологический феномен учеными — Брукнером, Луфтом, Форвергом и др.¹²

В лаборатории ЛГУ явление стереотипизации изучала З. Ф. Семенова. Она приглашала на телестудию рабочих, служащих, инженерно-технических работников, ученых, а также учащихся старших классов средних школ, которые выражали желание ознакомиться с работой телецентра. Там под удобным предлогом им показывалась видеозапись экспериментального выпуска «теленовостей». Участвовавшие в эксперименте (всего их было 667 человек — 291 мужчина и 376 женщин) полагали, что они смотрят передачу, транслируемую в эфир. Одно из сообщений выпуска, в котором говорилось о спуске нового судна, читал человек, которого разным группам испытуемых представляли неодинаково: то в качестве ученого, то в качестве журналиста, то в качестве директора судостроительного завода, то как генерального конструктора и, наконец, как бригадира отличившейся бригады. Таким образом, в этом эксперименте во всех случаях оценивался один и тот же человек, который выступал с одним и тем же сообщением, но социальная роль его при «встрече» с очередной группой испытуемых менялась.

Просмотрев теленовости, испытуемые-телезрители по просьбе З. Ф. Семеновой заполняли шкалу «полярные профили», в которой они должны были выразить свое впечатление о выступавшем с сообщением человеке.

Произведя статистическую обработку полученных таким путем ответов, З. Ф. Семенова установила различия в оценочных стереотипах, актуализировавшихся у испытуемых при восприятии одного и того же человека, когда этот человек выступал перед ними в разных социальных ролях. Актуализировавшиеся у испытуемых

¹² Costello T. W., Zalkind S. h. S. (ed.). Psychology in Administration — a Research Orientation. N. Y., 1963; Forverg M. Probleme und Ergebnisse der Psychologie. Organ der Gesellschaft fur Psychologen in der DDR. Berlin, 1966.

стереотипы были не полностью одинаковыми и при восприятии и оценке личности человека в одной роли, если сами испытуемые принадлежали к группам, различным по своим социальным характеристикам (рабочие, служащие, инженерно-технические работники, ученые, школьники старших классов). Эти различия в стереотипах затрагивали как характер качеств, которые прежде всего усматривались в выступавшем в «теленостях» человеке, так и оценки их выраженности в его личности испытуемыми-телезрителями. По данным З. Ф. Семеновой, для каждой из привлеченных к участию в эксперименте групп испытуемых одни социальные роли оказывались более значительными, чем другие, и это вело к тому, что определенные «комплексы» качеств у одного и того же человека в первом случае ими отмечались и даже иногда объявлялись сильно выраженными, а во втором случае испытуемые, принадлежавшие к той же самой социальной группе, их могли не назвать или назвать случайно.

Эксперимент, поставленный З. Ф. Семеновой, одновременно показал, что социальная роль, которая приписывается человеку, сказывается не только на характере качеств, которыми наделяют воспринимающие его люди, но и на полноте и прочности усвоения ими информации, которая от этого человека исходит. Между оценками человека, выступавшего с сообщением, и запоминанием содержания этого сообщения испытуемыми З. Ф. Семеновой были выявлены тесные и достоверные связи (коэффициенты корреляции равны 0,845, 0,879 и т.д.).

Как видно из всех изложенных выше фактов, явление стереотипизации разворачивается после того, как познающий другого человека субъект установит его принадлежность к какой-то социальной общности, определит его социальную роль, статус и т. д. Выявление принадлежности познаваемого человека к какому-то «классу», «типу», «категории» людей влечет за собой создание у познающего лица установки на дальнейшее фиксирование в человеке — объекте познания определенных качеств. Как выяснено психологической школой Д. Н. Узнадзе, установка может возникнуть как на чувственном, так и на логическом уровнях отражаемой деятельности субъекта.

Характер воздействия разных вербальных установок, являющихся следствием отнесения оцениваемого человека к той или иной категории лиц, на интерпретацию личности этого человека в лаборатории социальной перцепции ЛГУ изучали В. Н. Панферов и Ю. Г. Дамаскина. В их опытах испытуемым через электронный тахистоскоп на 0,02 секунды предъявлялись фотографии с изображением человеческих лиц, среди которых на два лица (одно мужское и одно женское) требовалось давать характеристики. При первом предъявлении испытуемые (это были студенты университета) должны были дать «свободные» характеристики на основе информации, которую они получали только от внешности данных лиц. При втором предъявлении им говорилось, что это «старосты

курса». При третьем предъявлении установка «староста курса» менялась на установку «хороший товарищ». При четвертом предъявлении установка «хороший товарищ» сменялась установкой «отличник». При пятом, последнем предъявлении говорилось, что это «хвостисты».

Все данные, полученные В. Н. Панферовым и Ю. Г. Дамаскиной в этом опыте, были обработаны по специально составленной классификационной матрице. Структура характеристик (интерпретации) включала в себя группы качеств, которые могли иметь различную вероятность определения. Сравнение вероятностей по величине осуществлялось исследователями как внутри каждого из названных выше пяти категорий интерпретаций, так и между этими категориями. Качества, обладавшие наибольшими вероятностями внутри одного вида интерпретации, были в опыте условно названы основными, а те, которые обладали наибольшей вероятностью при сравнении различных видов интерпретации между собой, назывались специфическими.

При качественном анализе результатов исследования в число основных качеств было включено только пять, которые имели наибольшую вероятность определений. Число специфических качеств ограничивалось в этом исследовании условно взятым нижним пределом вероятности определений, равным 0,07.

Число категорий качеств служило в описываемом опыте показателем объема интерпретации. Напротив, в «свободных» интерпретациях испытуемые охватили 26 категорий качеств, по которым характеризовали предъявляемых лиц.

Наиболее характерной для свободной интерпретации оказалась высокая вероятность определений социально-групповой принадлежности человека-объекта. Специфическими качествами выступили в этом случае привлекательность внешнего облика, национальность и вид деятельности. Остальные 22 категории качеств обладали настолько малой вероятностью, что не могли быть выделены в группу специфических.

Отношение к деятельности, умственные способности, отношение к учебе и другим людям попали в ходе анализа в разряд качеств, весьма важных для «старосты курса». Отношение к себе также вошло в число специфических для интерпретации «старосты курса», что указывает на особую важность данной группы качеств. Далее для старосты, с точки зрения студентов, специфические значения имели темперамент, роль в группе, наличие воли и организаторских способностей, участие в общественной жизни и способность считаться с интересами группы, не идя у нее на поводу. Объем интерпретации «старосты курса» был равен 33.

Наиболее существенными качествами «хорошего товарища» в глазах испытуемых студентов оказались те, которые выражают отношение к людям, в частности отношение к друзьям, и вообще коммуникативные свойства человека. Для них значимым в этом случае было и отношение, которое вызывает воспринимаемый

у других людей к себе самому. Объем интерпретации «хороший товарищ» был в этой части опыта равен 36.

Качества общих умственных и учебных способностей оказались в опыте В. Н. Панферова и Ю. Г. Дамаскиной основными и специфическими для интерпретации человека-объекта как «отличника». В число определений «отличника» вошли также характеристики ряда интеллектуальных потребностей и интересов. Объем интерпретации «отличник» был равен 32.

Ведущее положение в интерпретации «хвостиста» заняли в описываемом эксперименте качества: отношение к деятельности, а также потребности и интересы вообще. Именно эти качества вошли при истолковании человека как «хвостиста» в разряд основных и специфических. Объем интерпретации в этом случае равнялся 39.

Сравнение вышеприведенных интерпретационных матриц указывает на весьма существенное участие вербальной установки в процессе восприятия и понимания человека человеком.

При свободной интерпретации личности по внешности люди в основном в первую очередь пытаются определить социально-групповые характеристики человека и стремятся, правда в меньшей мере, дать оценку его внешности с точки зрения эстетической привлекательности. Испытуемые обращали внимание на национальную принадлежность человека-объекта и пытались охарактеризовать его вид деятельности. Другие свойства человека при описанной организации опыта также могут определяться, но с малой частотой и большой вариативностью.

Статусная определенность человека-объекта значительно расширяет объем интерпретации и существенно меняет направленность характеристик. Социально-психологическая установка на воспринимаемое лицо определяет комплекс свойств, которые должны быть оценены субъектом в объекте. Этот комплекс и определяет структуру интерпретации человека, выполняющего ту или иную общественную функцию. Сам же комплекс детерминирован функциональной структурой деятельности, которую призван выполнить человек, занимающий тот или иной пост. Поэтому в интерпретациях человека-объекта, социальная функция которого известна воспринимающему, находят отражение качества личности, необходимые для выполнения данной социальной роли.

При интерпретации лица как «старосты курса» высокую вероятность имели определения отношения к деятельности, хотя эта группа свойств и не является специфической для интерпретации человека как «старосты курса». Судя по тому, что отношение к деятельности определяется столь же часто еще в двух установках («отличник», «хвостист»), возможно предположить, что там, где для воспринимающего четко определен вид деятельности характеризуемого человека, возрастает частота определений данной группы качеств. Возможно также и то, что для данной группы испытуемых (студентов) эти виды деятельности близки, и они осознавали на собственном опыте важность отношения к деятельности

для успешного ее осуществления. Тот же факт, что отношение к труду сказывается на результате труда, уже ни для кого не является секретом, это доказанная истина.

Группа свойств, характеризующих умственные способности, обладала сравнительно высокой вероятностью и имела место во всех пяти интерпретациях. Видимо, для студентов степень выраженности ума у других людей, в частности у своих товарищей, является весьма важной.

Интересно, что при интерпретации воспринимаемого лица с установкой «хвостист» испытуемые-студенты объясняли отставание в учебе не столько отсутствием интеллектуальных способностей, сколько какими-либо привходящими причинами, в числе которых наибольшей вероятностью обладало не способствующее успеху в учении отношение к деятельности.

В число мешающих учебе причин испытуемые-студенты включили широкие недифференцированные интересы и потребности, а также повышенные сексуальные потребности, отрицательное отношение к труду и легкомысленное отношение к жизни. Самый удивительный в данных опытах факт заключался в том, что посредством словесной установки, выражающей социально-психологическую сущность человека, удается изменить мнение субъектов вплоть до противоположного о целом ряде качеств личности одного и того же человека-объекта. И это происходит несмотря на то, что испытуемые-студенты не только не питают крайнего антагонизма к «хвостистам», но относятся к ним даже с некоторым сочувствием.

Таким образом, с помощью установки можно направить отражательную деятельность человека, а вслед за тем, видимо, и его поведение в желаемое русло, т. е. установка может выступать как психологический механизм воздействия на человеческое отражение, взаимоотношения и поведение.

Итак, мы рассмотрели некоторые общие вопросы формирования у каждого человека понятия о другой личности, проанализировали особенности обобщений, развивающихся у него в процессе взаимодействия с другими людьми, охарактеризовали эталоны, которые, когда они возникают у человека, выполняют для него роль «мерок», прикладываемых к другой личности. Мы остановились также и на значении так называемых оценочных стереотипов, выполняющих в акте познания, образно говоря, роль «одежек», в которые одевает познаваемого человека познающее его лицо, после того как оно отнесло его к определенной категории людей.

Теперь мы кратко рассмотрим некоторые особенности психических процессов, наиболее заметно проявляющиеся, когда человек познает окружающих его людей.

Большое значение в формировании у человека понятийно-образного знания психологии других людей и в развитии у него умения быстро и правильно проникать в их состояние, предугадывать их действия имеет развитие у него наблюдательности. И. В. Стра-

хов¹³, анализируя проявление наблюдательности у педагогов, а С. Р. Янкелевич — у людей разного возраста и специальности самым убедительным образом прослеживают влияние этого качества на форму общения и характер контактов, которые устанавливаются между людьми. Названные авторы показывают различия в содержании, в форме, а также в степени действенности наблюдательности, проявляемой разными лицами по отношению к окружающим их людям. С. Р. Янкелевич, кроме того, прослеживает связь между уровнем сформированности у индивида наблюдательности, проявляемой по отношению к другим людям, и развитием у человека различных свойств личности.

Как показывают факты, наблюдательность, выражающаяся в умении фиксировать в поведении человека мало заметные, но психологически значимые детали, теснейшим образом связана со способностью индивида различать незначительные изменения в макро- и микроэкспрессии других людей.

Разные деятельности, в которых непосредственно взаимодействуют друг с другом люди, требуют от общающихся неодинакового охвата компонентов, образующих выразительную сторону поведения другого, и предполагают разную степень расшифровки их психологического значения. Например, практика воспитательной работы требует от лиц, непосредственно организующих воспитательный процесс, высокой сенсорной культуры, проявляющейся, в частности, в сильно развитом умении различать и правильно истолковывать очень тонкие нюансы в макро- и микроэкспрессии воспитанников.

А. С. Макаренко прямо указывал: «Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений»¹⁴.

Эффект достигается тем, что в процессе многократного восприятия другого человека дифференцируются чувственные свойства, выступающие в качестве сигналов его внутренних состояний, его отношения к различным сторонам действительности и т. п., и их различие «подкрепляется» результатом регулируемой деятельности (совместный труд, учение, совместная игра, разговор и пр.).

В понимании состояния другого человека очень большую роль играет степень развития у другого человека воображения. Прав был Б. М. Теплов, когда писал: «Чтобы веселиться чужим весельем и сочувствовать чужому горю, нужно уметь с помощью воображения перенестись в положение другого человека, мысленно стать

на его место. Подлинно чуткое и отзывчивое отношение к людям предполагает живое воображение»¹⁵.

Специфической особенностью анализируемого вида воображения является то, что процесс мысленного воссоздания чужих чувств и намерений развертывается у человека в ходе непосредственного взаимодействия его с другим человеком. Деятельность воображения в этом случае протекает на основе прямого восприятия человеком поступков, экспрессии, содержания речей, качества деятельности другой личности. Очень хорошо об этом специфическом виде воображения, проявляющемся в общении и обслуживающем его, сказал Н. П. Акимов: «... все эти короткие общения гораздо сильнее воздействуют на нас, чем думают те люди, которые делают это общение неприятным. Причина здесь в одном качестве человека, которое является неперенным для каждого чувствующего и мыслящего человека, — в его фантазии... Каждый человек невольно продолжает и завершает в своем воображении все мелкие проявления его ближнего, воспринимаемые им при встречах, и на этой способности фантазирования и строятся наши «первые впечатления» и сила их воздействия на наше настроение»¹⁶.

Способность с помощью воображения проникать в состояние другого человека формируется у человека постепенно, и развита она у разных людей неодинаково. Степень проявления воображения у одного и того же человека подвержена колебаниям.

В деятельности воображения рассматриваемого вида можно, по всей вероятности, выделить несколько уровней.

Первый — низший уровень. Воображение в этом случае пассивно. Общаясь с другим человеком, личность проявляет своеобразную слепоту к состоянию, переживаниям, намерениям, мыслям другого человека. Актуализации соответствующих образов на основе наглядных впечатлений у индивида нет. Характерные для этой ступени особенности воображения могут быть следствием заторможенности первой сигнальной системы, ее относительной слабости, а также бедности выработанных у человека в прошлом связей между отражаемыми им более или менее устойчивыми чертами поведения людей, с одной стороны, и переживаниями, внутренними качествами этих людей — с другой.

Второй уровень — неупорядоченная, эпизодически проявляющаяся деятельность воображения. Основная особенность его — возникновение по ходу общения отдельных отрывочных представлений о переживаниях другого человека. Условиями развертывания деятельности воображения в этом случае оказываются главным образом или сильная выраженность в деятельности, в поведении, в экспрессии воспринимаемого человека его состояния, или появление у индивида специального намерения .понять .переживания другого человека.

¹³ См.: Страхов И. В. Очерки психологии педагогического такта. Саратов, 1961.

¹⁴ Макаренко А. С. Соч., т. V. М., 1958, с. 268.

¹⁵ Теплов Б. М. Психология. М., 1951, с. 127—128.

¹⁶ Цит. по: Эстетика поведения. М., 1964, с. 27.

Третий уровень характеризуется проявлением у личности способности к мысленному воссозданию особенностей переживаний другого человека не только в отдельных ситуациях, а на протяжении всего процесса взаимодействия с ним. Существенными признаками этого уровня является, во-первых, то, что «слежение» за состоянием партнера по общению, осуществляясь непроизвольно, приобретает постоянный характер; во-вторых, для этого уровня характерны свертывание процессов воображения и вместе с тем вхождение индивида в состояние другого человека сразу, «с места», в каждый момент общения с ним. На этой ступени процессы анализа и синтеза происходят на уровне как первой, так и второй сигнальных систем в соответствии с целями и особенностями общения.

В зависимости от того, насколько велик и систематизирован опыт общения человека с другими людьми и насколько он сам сформирован как личность, образы, мысли и чувства, которые у него возникают, когда он пытается представить состояние другого человека, в различной степени соответствуют действительности. В нашем исследовании обнаружилось, что у лиц, даже достаточно-интеллектуально развитых и легко вступающих в контакт с другими людьми, воображение при взаимодействии с ними может работать недостаточно контекстно и неадекватно оценивать и воссоздавать переживания тех, с кем они взаимодействуют.

И в то же время встречаются люди, обладающие ярко выраженной способностью проникать во внутренний мир другого человека, сопереживать ему, ставить себя на его место. Эту черту как особую способность отмечал в себе О. Бальзак. В предисловии к «Фачино Кане» он указывал, что она приобрела у него остроту инстинкта: «Не пренебрегая телесным обманом, она разгадывала душу — вернее сказать, она так схватывала внешность человека,, что тотчас проникала и в его внутренний мир, она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ними самого себя... Слушая этих людей (жителей предместья.— *А. Б.*), я приобщался к их жизни,, ощущал их лохмотья на своей спине и сам шагал в их рваных башмаках; их желанья, их потребности — все передавалось моей душе или, вернее, я проникал душою в их душу»¹⁷.

Очевидно, при таком проникновении одного человека во внутренний мир других людей большое значение имеет интуиция — способность постижения особенностей, характеризующих личность другого человека, путем непосредственного их усмотрения, без обоснования с помощью доказательства. Осмысление данных восприятия осуществляется у познающего другого человека субъекта в этих случаях путем мгновенного обобщения в порядке мысленного замыкания непосредственно от исходных данных к результату; у него происходит быстрая мобилизация прошлого опыта на

постижение сути какого-либо поступка, факта поведения или всей личности другого человека. Изохронный громадным опытом глаз мудрого педагога без рассуждений, по незначительным признакам сразу схватит характер состояния, переживаемого учеником, и причастность или не причастность этого ученика к какому-то событию, которое только что произошло в классе. Опытный руководитель по небольшому числу фактов поведения другого человека мгновенно решает, к какому типу личности этот человек относится, а потом уже обосновывает правильность своего «чутья». Начав общаться с новыми для себя людьми, бывалый человек по некоторым, мало бросающимся в глаза особенностям их экспрессии сразу догадывается, какое он на этих людей произвел впечатление.

Ошибочно было бы полагать, что во всех этих случаях проявляются какая-то мистическая способность ума, наитие и пр. Способность интуитивно определять состояние другого человека, его отношение к делу, судить о нем как о личности развивается у индивидуума по мере накопления опыта общения и совместной деятельности с разными людьми, в ходе анализа и обобщения им этого опыта. Интуиция, являющаяся одним из способов осознания человеком действительности, представляет собой такой феномен, в котором тесно связаны восприятие, мышление и чувство. Истинность знания о другом человеке, получаемого интуитивным путем, находится в прямой зависимости от уровня развития в познающей личности качеств психолога-практика и от сложности явления, которое путем интуиции в другом человеке познается. Широкий и разнообразный запас хорошо систематизированных впечатлений о других людях, накопленный человеком в ходе прямого контакта с людьми и преломленный им сквозь призму научно-теоретических знаний о личности, — важнейшее условие высокой продуктивности интуиции.

Срабатывание интуиции при оценке личности, зависящее от опыта человека, можно проиллюстрировать следующим примером. Алексей Максимович Горький в своих воспоминаниях о В. И. Ленине пишет: «Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятась к двери задом, раскланивался с Владимиром Ильичем, а Владимир Ильич, не глядя на него, писал.

— Знаете этого? — спросил он, показав пальцем на дверь; я сказал, что раза два обращался к нему по делам «Всемирной литературы».

— И — что?

— Могу сказать: невежественный и грубый человек.

— Гм-гм ... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся; через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина»¹⁸.

Бальзак О. Собр. соч., т. 7. М., 1958, с. 340—341.

¹⁸ Горький М. Собр. соч., т. 18. М., 1963, с. 283.

Успех допроса при ведении расследования часто зависит от того, насколько следователь умеет правильно определить индивидуальные особенности человека, которого он допрашивает, и избрать оправданную тактику допроса. Опытные следователи могут определить правильный «подход» к допрашиваемому сразу же, при первом знакомстве, даже по тому, как он здоровается, как садится, какие слова произносит первыми и т. д. При этом ни один из следователей не может определенно ответить на вопрос, почему он применяет тот или иной прием в данном случае. Он обычно ссылается на свое «чутье», на «следственную интуицию». Неопытные же следователи применяют различные приемы «по очереди» до тех пор, пока какой-нибудь из них не «пройдет»¹⁹.

Исследования Б. М. Теплова и С. Л. Рубинштейна²⁰ показали, что основным звеном мышления является анализ через синтез, заключающийся в том, что в процессе мышления объект «включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях: из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства»²¹. Раскрытие в другой личности все новых сторон, их фиксирование в определенных понятиях, обобщение выявленных отношений — это типичнейшие особенности процесса познания одной личностью другой.

Накопление у человека понятийного знания о других людях приводит к совершенствованию у него процессов различения, развитию большей обобщенности восприятия, когда объектом его оказываются другие люди, и формирует у него способность к интуитивному познанию последних.

Каждый человек — его наружность, действия, поступки, вся личность — всегда познается и оценивается окружающими его людьми в соответствии с морально-эстетическими критериями, действующими в том обществе, членами которого эти люди являются. Другой человек может оцениваться с точки зрения соответствия его внешности эстетическому идеалу, имеющемуся у воспринимающего его лица, с точки зрения соответствия требованиям деятельности, которой он занят, наконец, с точки зрения соответствия качеств его личности чертам, которые должны быть у настоящего строителя коммунистического общества.

Личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе также печать его особых черт характера, его личной силы и слабости, выражает индивидуально неповторимые черты его жизненного пути, особенности воспитания, которое он получил. Восприя-

тие и понимание личности другого человека постоянно сопровождаются возникновением у познающих этого человека людей тех или иных моральных и эстетических чувств. Отмечая эту особенность, Н. А. Радищев указывал, что люди в процессе взаимодействия в силу своей социальной природы сопереживают друг другу, вызывают друг у друга тот или иной эмоциональный отклик: «Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится»²².

Дела, поступки, личность человека вызывают у других людей моральные чувства, оцениваемые обществом как положительно (возмущение нечестным поступком, гордость за человека, сочувствие, уважение, симпатия и пр.), так и отрицательно (злорадство, зависть и др.).

Как правило, при познании другого человека, помимо морального чувства, у познающего субъекта обычно возникает то или иное эстетическое переживание. Характер этих переживаний зависит от того, насколько отражаемый человек, его действия, все его поведение соответствуют тем нормам прекрасного, которые познающий субъект усвоил, может быть, и не осознав их, когда формировался как личность. Мысль В. И. Ленина: «... без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»²³, полностью приложима и к процессу познания одним человеком другого.

Чувства, возникающие у индивида в ходе отражения и оценки поведения другой личности, начинают затем влиять на последующее отражение индивидом этой личности. Как показывают работы Л. И. Божович, В. Н. Мясичева, Л. С. Славиной²⁴, эти чувства проявляются в уровне активности протекания познавательных процессов, сказываются на направленности их, влияют на характер делаемых при познании обобщений.

Об этой роли чувств в «моделировании» облика других людей каждый человек знает по себе. Поэтически ярко и остро иронично говорил о ней в свое время еще Лукреций Кар, имея в виду ослепленных любовью мужчин:

Черная кажется им «медуницей», грязнуха —
«простушкой».
Коль сероглаза она, то — «Паллада сама», а худая —
«козочка».
Карлица то — «грациозная крошечка», «искра».
Дылду они назовут «величавой», «достоинства полной».
«Мило щебечет» заика для них, а немая — «стыдлива».

¹⁹ Филонов Л. Б., Давыдов В. И. Психологические приемы допроса обвиняемого. — Вопросы психологии, 1966, № 6, с. 111—122.

²⁰ См.: Теплов Б. М. К вопросу о практическом мышлении. — Ученые записки МГУ, 1945, вып. 90; Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.

²¹ Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования, с. 90.

²² Радищев Н. А. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952, с. 309.

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 112.

²⁴ Вопросы психологии личности школьника. Под ред. Л. И. Божович. М., 1961; Мясичев В. Н. 1) Личность и неврозы. Л., 1960; 2) Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. — Психологическая наука в СССР, т. П. М., 1960.

Та, что несносно трещит беспрестанно, — «огонь
настоящий».
«Неги изящной полна» тщедушная или больная. Самая
«сладость» для них, что кашляет в смертной чахотке. Туша
грудастая им — «Церера, кормящая Вакха». Если курноса
— «Силена», губаста — «Лобзания
сладость»²⁵.

Интересную работу по выяснению зависимостей между уровнем понимания личностью других людей и ее эмоциональным отношением к ним провела в лаборатории социальной психологии Ленинградского университета А. А. Русалинова.

Учащимся пяти групп производственно-технических училищ Ленинграда она предложила сказать, какими качествами и в какой степени обладают их мастера.

Эмоциональная сторона отношения учащихся к мастеру выяснялась в этом исследовании с помощью прямого вопроса в анкете для учащихся: «Нравится ли тебе ваш мастер?»

Коэффициент корреляции между положительным отношением учащихся к мастеру и уровнем их оценки положительных качеств личности мастера оказался равным 0,788, что свидетельствует о довольно тесной связи этих факторов. Коэффициенты корреляции между уровнем оценки учащимися качеств личности мастера и уровнем положительного отношения учащихся к мастеру, полученные А. А. Русалиновой в своем исследовании, приведены в таблице 20. Эти цифры хорошо показывают, в каких случаях в изученных группах связи между уровнем оценки качества личности и уровнем оценки положительного отношения оказались более или менее тесными.

Таблица 20

Коэффициенты корреляции между уровнями оценки учащимися качеств личности мастера и положительного отношения к нему

Качества мастера	Коэффициент	Качества мастера	Коэффициент
Хорошо знает производство	0,912		0,640
С ним можно поговорить по душам	0,868	Считается с мнением группы	0,561
Приветливый	0,853	Переживает за группу	0,508
Добрый	0,839	Хорошо объясняет материал	
Справедливый	0,789	Заботится, чтобы никто не сидел без работы	0,492
Хорошо относится ко всем ученикам	0,740	Требовательный	0,459
Любит свою работу	0,711	Охотно помогает своим ученикам	0,409
Любит шутить	0,698	Ценит рабочее время	0,343
Интересный человек	0,691	Редко сердится	0,279

Лукреций Кар. О природе вещей.

М., 1946, с. 273—274.

Факты, полученные А. А. Русалиновой (позже они были подтверждены в лаборатории ЛГУ Г. И. Бабкиной), свидетельствуют о том, что при отражении индивидом других людей может иметь место идеализация. И эта «идеализация», т. е. завышенная оценка личностных качеств другого человека, тем выше, чем больше оцениваемый человек нравится оценивающему. Указанная «идеализация» может быть и с отрицательным знаком. В этом случае у индивида наблюдается тенденция преувеличивать недостатки и отрицательные качества характеризуемой им личности или той или иной группы людей.

Если человек систематически неправильно судит о внутреннем мире других людей и приписывает им мотивы поведения, которых у них в действительности нет, то это очень часто является следствием узости связей этого человека с людьми и укоренения в нем предрасположенности к восприятию и пониманию всех людей, какой-то категории их или, быть может, отдельного человека с какой-то одной предвзятой точки зрения. Такой взгляд на людей может возникнуть в результате только раз пережитой, но эмоционально очень острой ситуации, когда другие люди причиняют человеку глубокую и незаслуженную обиду, топчут самое дорогое для него, бросают в опасности. Однако чаще предвзятая точка зрения в подходе к людям является итогом более или менее длительного общения личности по преимуществу с каким-то одним значимым для нее контингентом людей, которое дает ей опыт только отрицательных переживаний. В таких случаях взгляд, верный лишь по отношению к одному человеку или небольшой группе людей, проявивших себя аморально в определенной ситуации, начинает «говорить свое слово» при оценке и всех других людей. Однажды образовавшись, подобные установки личности могут сделать ее в известной степени слепой к действиям и поступкам людей, не соответствовавших сформировавшемуся у нее взгляду. Такой закрепившийся взгляд («все люди — эгоисты», «все учителя — формалисты», «все торговые работники — нечестные люди» и пр.) может упорно сопротивляться объективному пониманию и осознанию поступков других людей, действовать длительное время вопреки сознанию его неразумности и нецелесообразности.

Очень яркий пример такого обобщения приводит в своей «Трудной книге» Г. Медынский. Один из бывших правонарушителей, с которыми переписывался писатель, рассказал ему о себе: «Освободился с характером, еще больше окрашенным оттенком цинизма в отношении к людям. Тюрьма не исправила меня ничуть. И что самое главное, тот образ жизни, его обычаи, нравы, отношения, тип людей обобщились в моем понятии как целостное представление о людях вообще. Не прошла мимо меня и ходовая идея о том, что все люди — мошенники, все крадут, как только могут...»²⁶.

²⁶ Медынский Г. Трудная книга. Судьбы, письма, размышления. 1964, с. 141.

Точно таким же образом опыт общения с людьми, проявлявшими себя только положительно и дававшими связанному с ними лицу по преимуществу лишь одни положительные переживания, формирует у этого лица также известную «предвзятость» в подходе к людям, хотя и положительного толка.

Подобные факты еще и еще раз говорят нам о том, что понятие, верно отражающее сущность той или иной конкретной личности, всегда является результатом громадной обобщающей работы познающего эту личность индивида. Формирование этого понятия ни в коей мере не является результатом анализа поведения и деятельности только познаваемой личности. На него всегда так или иначе «работает» весь прошлый опыт прямого и непрямого взаимодействия с людьми, накопленный и систематизированный познающим эту личность индивидом, и в такой опыт обязательно включается и обобщение тех переживаний, которые ранее дали человеку люди.

Мы рассмотрели некоторые общие особенности, характеризующие процесс формирования понятия о человеке как личности у окружающих его людей. В ходе рассмотрения мы смогли убедиться, насколько сложен этот процесс, насколько его итог — понятие о конкретной личности — зависит и от самого познаваемого лица и от познающего субъекта.

Дела человека, его поступки, все его поведение в целом в разных обстоятельствах, являясь для окружающих его лиц источником формирования понятий о нем как о личности и объектом идейно-эмоциональных оценок, вместе с тем в конечном итоге служат показателем правильности этих понятий и оценок. Вся последующая деятельность личности, характер ее общения с людьми, ее труд являются проверкой правильности понятия, сформировавшегося об этой личности у окружающих.

Люди познают друг друга не ради праздного любопытства. К этому побуждает их жизнь в обществе, и результаты такого познания всегда в конечном счете влияют на их труд, на формирующиеся у них отношения к другим людям и к себе.

ГЛАВА 7

ВОЗРАСТНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ

Активное отражение человеком других людей, их облика, поступков, действий служит целям регулирования его поведения и деятельности, и, конечно, первостепенную роль в развитии у человека знания людей и адекватного поведения по отношению к ним играет непосредственное общение с ними. И хотя все сферы деятельности, в которые оказывается включенным человек, раздвигают границы его знания людей, однако важнейшее значение для развития его как субъекта познания других людей принадлежит тем видам и актам деятельности, в которых он связан с другими участниками деятельности отношениями ответственной зависимости и где результаты деятельности каждого общественно и личностно значимы в глазах общающихся.

Начиная взаимодействовать с другими людьми в новом для себя виде деятельности, человек опирается на более или менее обобщенный им опыт познания людей и их поведения, накопленный им в иных, чем эта деятельность, условиях. Так, общение ребенка, начавшего посещать детский сад, с новыми для него людьми опирается на те первичные и элементарно обобщенные представления о людях, которые сформировались у него в семье и яслях. В зависимости от того, как складывались у него отношения с людьми раньше, он проявляет доверчивость или боязливость, ласковость или грубость, исполнительность или упрямство, драчливость или уступчивость по отношению к новым для него людям. В последующем новые переживания, возникающие у ребенка в процессе общения со сверстниками и взрослыми, при выполнении заданий по самообслуживанию, в играх, на занятиях, подготавливающих его к школе, облегчают развитие одних представлений о людях и затрудняют развитие других, способствуют формированию однозначного или дифференцированного отношения к людям. Уже на этой ступени представления ребенка о других людях определяются не просто поведением и действиями этих людей, но и тем, что представляет собой этот ребенок как личность, какие первичные черты характера у него к этому времени сформированы, как он умеет трудиться, контактировать с другими детьми, слушаться взрослых. Хотя ребенок этого и не осознает, от его собственного поведения, его воспитанности, от него самого в большой мере зависит характер поведения по отношению к нему окружающих его детей и близких ему взрослых, а значит, характер его пережива-

ний от общения с людьми и те оценки, которые он этим людям дает. Влияние уровня воспитанности самого субъекта на характер поведения по отношению к нему окружающих, а стало быть, и на характер впечатлений, которые накапливаются у субъекта от общения с людьми, продолжается и на следующих ступенях формирования личности.

Занимаясь самообслуживанием, играя, участвуя в обязательных занятиях, дети, руководимые воспитателем, учатся видеть и сравнивать особенности друг друга. Когда всем этим индивидуальным и коллективным занятиям придается характер соревнования («кто лучше», «кто быстрее», «кто сообразительнее» и т. д.), тогда создаются особенно благоприятные условия для правильной ориентировки дошкольника в тех особенностях товарищей, которые ярче всего проявляются в данной деятельности. При этом разные качества сверстника осознаются и правильно оцениваются дошкольником далеко не одновременно. Так, Н. Е. Анкудинова установила, что физические возможности дошкольники определяют более точно, чем моральные качества. В оценке же моральных качеств они сплошь да рядом применяют понятия неадекватно и в очень общей форме¹.

Характерной особенностью мнения, которое дошкольник высказывает о другом человеке, являются его крайняя неустойчивость, большая изменчивость, ярко выраженная ситуационность. Наша сотрудница Р. А. Максимова изучала оценки, которые дети трех-четырёх лет дают своим сверстникам, посещающим одну группу в детском саду. В большинстве случаев эти оценки носили эмоциональный и ситуационный характер. Давая положительную оценку кому-либо из сверстников и объясняя, почему этот его товарищ «хороший», ребенок говорил: «Х. хороший, потому что угощал вафель», «потому что игрушки убрал», «потому что все скушал...».

Если кто-либо из младших дошкольников давал другому ребенку отрицательную оценку, то выяснение причины ее появления также очень часто показывало, что она возникла недавно и вызвана конкретным фактом. Объясняя, почему их товарищ «плохой», оценивающие сверстника дошкольники в таких случаях заявляли: «Х. — плохой, потому что чашку разбил», «потому что палец мне прищемил», «потому что не давал никому автомобиль играть». Однако наряду с оценками указанного вида дети, с которыми работала Р. А. Максимова, иногда давали своим сверстникам оценки, основанные на фиксировании у них относительно устойчивых особенностей поведения. Так, обосновывая, почему какой-то их сверстник им кажется нехорошим, дети могли отметить, что он со всеми дерется, или, указывая, почему другой их сверстник хороший, они говорили, что он со всеми играет. Подобных оценок, в основе которых лежит уже известное обобщение фактов поведе-

человека, в среднем дошкольном возрасте и дальше становится все больше.

1 Далее, Р. А. Максимова попыталась установить, что для детей трех-четырёх лет наиболее значимо в сверстнике, которому они дают сравнительно стойкую положительную оценку. Она не получила однозначного ответа на этот вопрос. Одни дети обращали сравнительно большое внимание на яркость и нарядность платьев и костюмчиков сверстников, и этот признак вызывал у них положительную оценку «владельцев» этих платьев и костюмчиков. Другим нравились послушные, спокойные, сговорчивые дети. Третьим — подвижные, активные в играх сверстники. Таким образом, уже в младшем дошкольном возрасте начинает выявляться значение индивидуальных особенностей самих познающих детей в том, что они прежде всего ищут и отмечают в сверстнике. Вместе с тем, выясняя «симпатии» и «антипатии» детей и характер оценок, которые они могут давать друг другу, исследовательница в ряде случаев столкнулась с непредвиденной трудностью. Когда она обращалась к тому или иному ребенку и спрашивала, с кем из детей группы он больше всего хотел бы сидеть за столом, спать рядом в спальне, ходить в паре, играть, то для ребенка это «хотел бы» не имело смысла, и он называл в каждом случае тех детей, с одним из которых он до сего времени уже сидел за столом, с другим ходил в паре, с третьим уже сейчас был соседом по спальне и т. п., т. е. действительность, данность определяли ответы детей трех-четырёх лет. В них просто констатировалось существующее, созданное по воле воспитателя положение, и сами дети еще не умели отвлечься от этой данности и, мысленно оценивая достоинства и недостатки товарищей, выбирать из них лучших.

Первоначальная оценка ребенком другого человека и его действий является простым повторением оценки, которую ему дают авторитетные для малыша лица. Когда воспитатель, руководя выполнением детьми бытовых правил, их играми, направляя их общение друг с другом, фиксирует внимание детей на различных сторонах поведения того или иного ребенка, он не только помогает им видеть друг у друга все новые стороны, но формирует у них «эталоны», с которыми они должны «сверять» свое поведение и которыми они должны «мерить» поведение своих товарищей.

Очень большую роль в выработке «точки зрения» на людей у ребенка, в формировании у него представлений и мыслей о других людях играют облик и поведение самого воспитателя и взаимоотношения между детьми в том детском коллективе, членом которого стал трехлетний дошкольник.

Характер осознания ребенком особенностей сверстников и взрослых теснейшим образом связан с развитием ребенка в целом как субъекта познания.

Наш сотрудник В. Н. Панферов исследовал понимание дошкольниками, посещавшими детский сад, особенностей личности Друг друга. Его интересовало, насколько ребенок «видит» в дру-

¹ См- Анкудинова Н. Е. Особенности осознания своих умений у детей 5-7 лет Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1959.

гом человеке такие положительные качества, как доброта, послушность, вежливость, ласковость, смелость, аккуратность, ловкость и противоположные им отрицательные качества. Проводя эксперимент, В. Н. Панферов сначала называл ребенку одно из упомянутых качеств личности и просил, чтобы ребенок пояснил, как он понимает это качество. Затем ребенок должен был сказать, у кого из детей в его группе он отмечает это качество и сильно или слабо у каждого из них оно развито. Характеристики, которые дети-испытуемые давали другим дошкольникам, В. Н. Панферов сопоставлял с мнением об этих дошкольниках, имевшемся у воспитателей группы.

В излагаемых опытах участвовали; группа дошкольников четырех лет и группа дошкольников семи лет. Анализируя полученные материалы, В. Н. Панферов указывает, что, раскрывая свое понимание каждого из называвшихся им качеств, дети использовали два способа: или вспоминали совершенно конкретный факт поведения, когда, по их мнению, данное качество проявлялось, или пытались дать объяснение, имеющее более или менее обобщающий характер. Дети четырех лет, объясняя, как они понимают каждое из качеств личности, чаще использовали первый способ, дети семи лет — второй. У младших дошкольников 32% ответов были «общими» и 68% ~ «конкретными». У старших дошкольников 54% ответов носили обобщающий характер и 46% ответов представляли собой ссылку на конкретный факт поведения. Правильность объяснения содержания качеств, которые дети должны были определить, в целом по группам была тоже неодинаковой. Дети семи лет объяснили правильно содержание в 93% случаев, ответили неправильно в 2% случаев, отказались от объяснения в 5% случаев. Дети четырех лет правильно раскрыли содержание каждого из качеств в 77% случаев, неправильно — в 16% случаев, совсем не могли ответить в 7% случаев.

Очень заметно отличались младшие дошкольники от старших по степени «видения» каждым из них в другом человеке присущих ему «качеств личности» и по степени объективности этого «видения». Так, младшие дошкольники отмечали сильно развитые положительные качества — послушность, вежливость, ласковость и др. — друг у друга в два раза чаще, чем это делали старшие дошкольники. Но если правильность суждений о положительных качествах друг друга «четырехлеток» была подтверждена воспитателями только в 33% случаев, то правильность высказываний старших дошкольников воспитатели подтвердили в 91% случаев. В то же время возможность эпизодического проявления непослушания, грубости, невежливости, неаккуратности и прочих отрицательных качеств друг у друга младшие дошкольники допускали почти в девять раз реже, чем старшие дошкольники.

Сопоставление мнений детей с мнением воспитателей показало, что младшие дошкольники замечают отрицательные проявления друг у друга намного реже, чем их отмечают у них воспита-

тели (по данным В. Н. Панферова, в одиннадцать раз). Старшие дошкольники, наоборот, фиксировали отдельные проявления непослушания, неаккуратности и др. у сверстников чаще, чем на них указывали воспитатели.

С приходом ребенка в школу одним из главных объектов т> знания для него становится поведение товарищей, действия и поступки, характеризующие их как учеников. Умение оценить их с Этой новой для ребенка точки зрения приходит к нему постепенно, но мере того как он сам усваивает требования, предъявляемые школой к учащимся, и вырабатывает под руководством учителя эталоны для оценки работы и поведения товарищей в учении. С ростом опыта взаимодействия с одноклассниками, которое направляется учителем, у младшего школьника все время происходит накопление знаний о возможных формах их поведения в разной обстановке и идет осознание причин, вызывающих те или иные действия.

С выходом общения школьника с другими людьми за рамки учения, с установлением у него связей с различными лицами за пределами класса и в иных, чем учение, видах деятельности в формирующейся у него системе знания людей происходят новые важные изменения. «Эмпирическая база» для развития у школьника обобщенного знания людской психологии становится шире. Перед ним раскрывается возможность видеть поведение других людей с таких сторон, которые в условиях учения не проявлялись. Это ведет к тому, что содержание формирующихся у учащегося понятий о чертах и сторонах личности существенно изменяется, у него развивается умение все более глубоко и правильно расшифровать психологический подтекст сложных действий и поступков и объективно оценивать личность в целом. Однако расширяющаяся практика повседневного совместного труда, учения, отдыха учащегося со все новыми людьми не только непрерывно обогащает его впечатления о других людях и заставляет его размышлять об их поступках и поведении, но и постоянно побуждает школьника к активному применению формирующихся знаний в общении, и она же на каждом шагу показывает ему, какие из его обобщений и оценок верны, а какие ошибочны.

Чтобы выявить различия в понимании другой личности людьми, находящимися как субъекты труда, познания и общения на разных ступенях развития, мы предложили лицам пяти возрастных групп — детям 7—8 лет, детям 10—11 лет, подросткам 14—15 лет, юношам и девушкам 16—18 лет и взрослым испытуемым 22—26 лет дать характеристику сверстникам, которых они хорошо знают. Выполняя эту задачу, каждый должен был назвать главные, по его мнению, особенности личности определенных одноклассников (студенты называли качества личности своих товарищей по учебной группе).

Мы остановились в данном случае именно на методе «свободных характеристик» по двум соображениям: выполнение испы-

туемыми зала-кия в такой форме позволяет быстро выявить, какие черты личности и особенности поведения кажутся ему в другом человеке главными, и, кроме того, оно дает возможность узнать, насколько у испытуемого развито умение психологически оценивать другую личность и видит ли он в ней уже определенные качества или не идет дальше описания ее поведения.

Полученные таким образом характеристики качеств личности отдельные проявления их, на которые испытуемые указывали, описывая своих товарищей, были подвергнуты классификаций в зависимости от того, к какой стороне личности они относились; затем подсчитывалось, как часто испытуемые каждой возрастной группы отмечают психические свойства, характеризующие ту или иную сторону другой личности.

Что же выявилось при сопоставлении данных, полученных в разных возрастных группах?

Во-первых, на протяжении дошкольного и школьного периодов жизни человека происходит постепенное увеличение числа сторон, отмечаемых и оцениваемых в личности сверстника. Во-вторых, наблюдается рост круга качеств, выделяемых при характеристике каждой из сторон личности. В-третьих, с формированием человека как субъекта труда, познания и общения изменяется значение, которое испытуемый придает той или другой стороне личности другого человека, пытаясь дать ему характеристику. В то время как одни его стороны и качества в личности сверстника фиксируются все чаще, другие стороны с возрастом выделяются и оцениваются все реже.

Чем старше возрастная группа испытуемых, участвовавших в опыте, тем чаще в их характеристиках личности, данных знакомым сверстникам, встречаются высказывания об убеждениях и кругозоре, о способностях, называются черты, выражающие отношение к труду, и фиксируются качества, говорящие об особенностях волевого развития характеризуемой личности. Чем старше возрастная группа, тем чаще испытуемые в опыте отмечали у сверстника черты, в которых выражается отношение к самому себе, тем чаще они давали оценку его уму, речи. В основных группах испытуемых обнаружился также рост случаев фиксирования отношений личности вообще к людям. Вместе с тем по отношению к другим сторонам и качествам личности эти же группы испытуемых проявили противоположную тенденцию. Так, с возрастом сокращалось число характеристик, в которых испытуемые, называя главные черты личности сверстников, описывали их учебную деятельность и оценивали их отношение в целом к учению. Столь же явно наблюдается уменьшение числа случаев, когда, называя существенные особенности личности сверстника, испытуемые описывают его отношение к педагогам. По мере того как группы испытуемых взрослели, входившие в них лица все реже отмечали, в качестве главных особенностей сверстников их поведение во время учебных занятий, проявление ими того или иного отношения

к вещам, входящим в оснащение учебного процесса, санитарно-гигиенические привычки и др.

Вместе с тем в отношении ряда особенностей личности какая-либо определенная тенденция — или ко все более частому фиксированию их, или, наоборот, ко все более редкому — в опытах не проявлялась. Это прежде всего касается эмоционально-динамических проявлений личности, отношения к труду по самообслуживанию, отношения к поручениям коллектива, отношения к родителям и другим членам семьи.

Отсутствие высказываний о тех или иных качествах личности в характеристиках, даваемых сверстнику более старшим испытуемым, не всегда означает, что последний не видит проявления этих качеств в поведении характеризуемого и не осознает их присутствия в его личности. Очень часто этот факт свидетельствует только о том, что данный испытуемый отражает личность более обобщенно, чем школьник младшей группы.

С ростом взаимодействия учащегося с другими людьми растут богатство и разнообразие наблюдаемых им фактов их поведения, расширяется возможность сравнения особенностей действий и поступков людей как в одинаковых, так и в различных обстоятельствах. Это означает, что у индивида непрерывно растет та конкретная основа, на которой у него развиваются понятия как об отдельных нравственно-психологических свойствах, так и о личности другого человека в целом. Но изменения, характеризующие развитие понимания одним человеком другого, затрагивают и самое строение названных понятий, их структуру, о чем свидетельствует разная степень обобщенности тех признаков, называя которые, испытуемые каждой из возрастных групп раскрывают свой взгляд на содержание той или иной личности.

Первоклассники и даже школьники 5-го класса, характеризуя хорошо знакомых им сверстников, часто еще не могут отвлечься от кажущихся им типичных для этих сверстников поступков и действий и прямо назвать качества личности, которые за этими поступками и действиями стоят. Для них эти качества являются такой абстракцией, которой они еще не овладели, поэтому они, раскрывая свое понимание конкретного человека, сплошь да рядом называют не свойства его личности, а особенности его поведения в разных обстоятельствах. При этом характер называемых ими особенностей поведения свидетельствует о том, что отбор их школьники производят не случайно, а в соответствии с усваиваемыми ими нормами морали, в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются к человеку в нашем обществе.

Обобщения одних фактов поведения сверстников и правильные заключения о качествах личности, которые они выражают, даются школьнику легче, чем обобщения других фактов. Поэтому у школьников в одно и то же время может наблюдаться сосуществование разных уровней осмысления различных сторон личности другого человека. Раскрывая одни его стороны, школьник при-

водит кажущиеся ему типичными для этого человека факты поведения, указывает на его действия, характеризующие личность. Но в целом при сопоставлении испытуемых разных возрастных групп выявляется постепенный переход от раскрытия содержания личности путем описания и оценки ее действий и поведения к прямым указаниям на присущие этой личности психические свойства и качества.

Названные различия в способах раскрытия содержания личности человека, которого испытуемые давно знают, связаны, в частности, с тем, что у всех этих испытуемых неодинаково сформированы те нравственно-психологические понятия, которые у подающего других людей субъекта обычно актуализируются в сознании, когда он оказывается свидетелем определенных действий и поступков другой личности. Каждое из этих понятий, когда человек формируется как субъект познания других людей, проходит определенный путь развития. В. А. Крутецкий на стримере формирования моральных понятий у школьников показал, что есть основание говорить по крайней мере о четырех уровнях развития понимания учащимися качеств личности².

Первый уровень — первичное, крайне элементарное обобщение. Понятие только 'начинает складываться, и содержание его осознано учеником еще очень мало.

Второй уровень — понятие уже сложилось, но является еще очень неглубоким и грубым; четко оно еще не осознается и обычно бывает неправомерно суженным или расширенным.

Для третьего уровня характерно уже присущее ученику умение дать более или менее развернутое — определение понятия, правильно выделить основные признаки, составляющие его содержание. Однако развитие понятий о качествах личности до данного уровня еще не гарантирует правильного анализа и оценки поведения человека в свете этих усвоенных школьником понятий.

На четвертом уровне школьник полностью овладевает понятием, дифференцированно и глубоко осознает его содержание. На этом уровне овладения понятием возможно детальное определение того 'или иного качества личности, подкрепленное разнообразными примерами и адекватным их анализом; понятие включено в систему, распространяется на круг явлений, четко отграниченных' от близких и смежных, фиксируемых в других понятиях; оперирование понятием правильно, уверенно и подчас очень тонко.

Проследивая у учащихся различного возраста развитие понятий о личности их сверстника — члена того же самого коллектива, что и они сами, мы пока не поднимали вопроса об индивидуальных особенностях, характеризующих 'понимание другой личности, а между тем этот вопрос представляет большой интерес.

Личный опыт совместного труда с другими людьми и общения с ними во всех иных видах деятельности у каждого человека всег-

да индивидуально своеобразен, и в результате у него формируется только ему присущий взгляд на других людей и подход к ним. В этом взгляде и подходе находят выражение неповторимые черты жизненного пути каждого человека. Этот личный взгляд человека на других людей всегда несет, на себе печать его убеждений» сформированных у него идеалов, его характера, всей его личности.

В наших опытах различия в понимании другой личности между испытуемыми одной и той же возрастной группы особенно четко прослеживаются в студенческих группах, о которых речь выше уже шла, поскольку *каждый* из испытуемых в этих группах давал характеристику *всем* остальным членам группы. Эти различия касаются как количества качеств личности, отмечаемых разными испытуемыми у одних и тех же людей, так и существа тех свойств и черт, которые каждый из этих испытуемых фиксировал в характеризующей личности. В ряде случаев индивидуальные особенности в понимании другой личности наиболее убедительно проявились в тех общих оценках, которые студент давал тому или иному сокурснику из своей группы.

Характеристики одних и тех же людей, сделанные разными студентами, отличались большим или меньшим лаконизмом. Так, например, если, скажем, студент С. фиксировал различные качества личности у своих товарищей в общей сложности только 26 раз, то студентка Т. (из этой же группы) отмечала различные качества личности у этих же лиц 72 раза. Если Ф. (студент из 2-й группы) фиксировал различные качества у других участников опыта 'всего 35 раз, то его товарищ К. называл их 84 раза, АН. — 102 раза, П. — 95 раз и т. д.

Разные студенты, характеризуя одних и тех же людей, предпринимали неодинаковое число попыток дать каждому из них обобщенную оценку их личности. Для одних из них была характерна тенденция такую оценку производить постоянно, у других же эта тенденция выступала слабее или не проявлялась совсем. Этот факт свидетельствовал о том, что у части людей качества личности данного человека в понятии о нем фиксируются не рядом, ложно, что среди этих качеств они обязательно выделяют ведущее, доминирующее.

Все без исключения студенты проявляли тенденцию наиболее часто отмечать в другой личности качества, в которых проявляется ее отношение к другим людям. При отображении других сторон личности у опрошенных студентов отмечалась заметная индивидуальная избирательность. Так, например, студентка И. относительно часто среди других фиксировала волевые качества у студентов своей группы (18 раз — 25,7% от общего числа фиксирований ею всех сторон личности); студентка О. отмечала волевые качества у этих же лиц сравнительно редко (8% от общего числа фиксирования ею всех сторон личности), во зато относительно часто она фиксировала у этих людей качества ума (13 раз —

См.: Крутецкий В. А., Лукил Н. С. Психология подростка. М., 1959.

26% от общего числа фиксирований). Студентка Д. довольно часто фиксировала у товарищей по группе отношение их к труду (15 раз — 20,3% от общего числа фиксирований ею всех 'Сторон личности) и т. д.

Эта 'Наблюдаемая у каждого из опрошенных тенденция отмечать в другом человеке более часто одни стороны и реже другие может быть объяснена прежде всего тем, что в зависимости 'от конкретных условий, в которых человек формируется как личность, у него воспитывается привычка отдавать предпочтение определенным психическим качествам и, более или менее осознавая это, считать их более значимыми в жизни, чем другие психические качества. Для одних людей такими качествами оказываются черты, выражающие отношения к труду, для других — качества ума, для третьих — воли, для четвертых — эмоционально-динамические качества и т. д.

Индивидуальные особенности понимания каждым человеком других людей становятся еще более видимыми при сопоставлении характера тех конкретных качеств, которые разные испытуемые отмечали -в личности одних и тех же людей.

В таблице 21 показано, каким количеством конкретных качеств «оперировал» каждый из опрошенных студентов, когда он оценивал своих товарищей, а также какое 'количество конкретных качеств он называл, характеризуя ту или иную сторону личности.

Из цифр таблицы видно, что, характеризуя одних и тех же людей, опрашиваемые студенты оперируют при этом неодинаковым числом конкретных качеств, и индивидуальные различия здесь чрезвычайно велики. Одни из студентов отмечают у своих сокурсников 38—48 качеств (Т., А. — в первой группе, Вл., К., АН. — во второй), другие же фиксируют у этих же самых людей •всего лишь 19—25 конкретных качеств (Р., Н., М., — в первой группе, Ф., Х. — во второй). Остальные опрашиваемые, характеризуя товарищей по группе, увидели у 'них 26—37 разных качеств.

Если студент Р. увидел у своих товарищей лишь такие качества личности, как целеустремленность, сила воли, упрямство, ум, остроумие и понимание шутки, вдумчивость, доброта, прямодушие, честность, мягкость, сдержанность, цинизм по отношению к себе, страстность, впечатлительность, веселость, уравновешенность, влюбчивость, радушие, практичность, то студентка из этой же группы Т. при характеристике этих людей «оперировала» значительно большим числом качеств.

Составляя характеристики, она назвала: трудолюбие, аккуратность, приветливость, доброту, ласковость, доверчивость, открытость, грубоватость, чуткость, внимательность, развязность, отзывчивость, прямодушие, общительность, честолубие, требовательность к себе, самолюбие, скромность, самокритичность, организованность, выдержку, упрямство, целеустремленность, сильную волю, энергию, упорство, смелость, мягкость, ум, понимание юмора,

задумчивость, ревность, горячность, неуравновешенность, страстность, глубину чувств, мечтательность, сентиментальность.

Таким образом, круг качеств личности, которые разные испытуемые-студенты способны видеть в других людях, отличается »каждом случае индивидуальным своеобразием. Сравнение характеристик, данных разными студентами одним и тем же лицам»

Таблица 21

Индивидуальные различия в характеристиках

Испытуемые	Названо качеств в абсолютных цифрах						
	выражающих отношение						
	всего	к труду	к другим людям	к себе	воли	ума	чувств
1-я группа							
С.	20	1	6	2	3	5	3
В.	26	1	9	8	2	5	1
Р.	19	—	5	1	4	4	5
Я.	25	—	10	2	4	4	5
М.	21	1	6	2	5	4	3
Т.	38	2	14	4	8	4	6
И.	28	2	8	4	5	6	3
О.	31	3	16	2	4	4	2
Н.	20	1	9	1	4	2	3
А.	39	2	13	6	9	4	5
2-я группа							
Ф.	19	6	4	3	3	—	3
Ан.	48	5	18	6	9	3	7
П.	36	7	11	5	6	3	4
Ок.	33	6	15	2	5	2	3
Вл.	43	7	17	3	8	3	5
Х.	21	3	5	4	3	3	3
Д.	27	4	12	3	4	2	2
К.	45	6	18	5	8	3	5

показывает, что одним из них присуща тенденция отмечать у всех один и тот же сравнительно небольшой круг качеств, и характеристики, даваемые ими разным людям, различаются лишь тем, что в них указывается степень развития каждого из этих качеств у данного человека по сравнению с другими людьми. Для Других студентов, наоборот, характерен сравнительно широкий Круг качеств, которые они способны видеть в других людях. В характеристиках, даваемых ими каждому из этих людей, содержатся не только указания на сравнительно многие особенности личности, но и называются такие черты, в которых, по мнению опрашиваемого, наиболее ярко раскрывается индивидуальное своеобразие характеризуемой личности.

У студентов не в одинаковой степени развито также умение дифференцировать оттенки, характеризующие проявление той или иной стороны личности (отношение к труду, к другим людям к др.)- Обычно это выражается в том, что, оценивая какую-либо из сторон личности, один человек может назвать больше конкретных качеств, в которых эта сторона находит выражение, чем Другой человек. Так, студентка О. (первая группа), оценивая проявление отношения к другим людям у девяти сокурсников, которых она характеризовала, отметила в общей сложности 16 оттенков в проявлении этого отношения, в то время как ее товарищ Р. назвал в нем только пять оттенков. Во второй группе студент АН., оценивая это же отношение у каждого из тех, кто входил в одну с ним группу, назвал в общей сложности восемнадцать конкретных форм проявления у них этого отношения, в то время как его товарищ Ф. отметил только четыре. Студент В., излагая понимание личности каждого из своих товарищей, указал на восемь конкретных черт (заносчивость, застенчивость, недовольство собой, самодовольство, самомнение, эгоизм, скромность, чувство собственного достоинства), которые говорят об отношении этих молодых людей к себе. Студентка Н. назвала только один вид проявления такого отношения (самоуважение). Студентка А. при характеристике товарищей отмечает девять положительных и отрицательных волевых качеств (слабоволие, нерешительность, упрямство, упорство, целеустремленность, энергия, выдержка, самостоятельность, смелость), в то время как студент В. называет в характеристиках лишь два качества (твердость и безволие) •и т. д. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что каждый человек осознает и оценивает различные стороны одной и той же личности не одинаково успешно. Это объясняется не только тем, что поступки и дела характеризуемого человека всегда благоприятствуют выявлению одних его сторон и затрудняют познание других, но и тем, что сам познающий этого человека индивид своим прошлым как субъект познания других людей всегда лучше подготовлен к анализу и оценке одних сторон и качеств конкретной личности и хуже — к осмысливанию других ее сторон и особенностей.

ГЛАВА 8

ВЛИЯНИЕ РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ПОНИМАНИЕ ИМ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Мы уже не раз подчеркивали в этой книге, что каждый человек становится субъектом познания других людей лишь при том неизменном условии, что он включается в какой-то вид деятельности, благодаря чему между ним и окружающими его людьми возникает множество определенных отношений.

Существование зависимости формирующихся у человека знаний о других людях, а также степени их обобщенности от особенностей профессиональных задач, которые человек решает по отношению к другим людям, в том или другом виде деятельности, раскрывает исследование, выполненное в лаборатории социальной перцепции ЛГУ Н. Ф. Федотовой. На основе анализа характеристик, которые следователи дают обвиняемым, она предприняла, во-первых, попытку выяснить содержание, структуру и объем знаний следователя о личности обвиняемого. Во-вторых, ее интересовала степень зависимости содержания этих знаний от профессионального опыта следователя, и, в-третьих, она стремилась выявить связь этого содержания с типом преступления. В качестве испытуемых Н. Ф. Федотовой были привлечены следователи со стажем работы до 5 лет, от 6 до 10 лет и свыше 10 лет. Среди характеризуемых следователями лиц были 34 обвиняемых в хулиганстве, 35 — в убийстве, 15 — в изнасиловании, 16 — в краже и 31 — в служебных злоупотреблениях. Из материалов, собранных и проанализированных Н. Ф. Федотовой, нам кажется, особенно заслуживают внимания те, которые отвечают на второй и третий вопросы из сформулированных Н. Ф. Федотовой в начале исследования (табл. 22).

Материалы таблицы свидетельствуют, что в содержании понятий о личности обвиняемого у всех следователей, независимо от стажа, преобладает оценка его отношения к труду, к людям, а также поведения во время допроса. Вместе с тем, когда обвиняемых характеризовали следователи, имевшие большой стаж работы, несколько увеличивался процент суждений о характере обвиняемого в целом, об его интеллекте, об особенностях его эмоциональной сферы, т. е. как раз о тех особенностях, которые обычно являются основой выбора тактических приемов допроса. В группе следователей с большим стажем Н. Ф. Федотовой было отмечено и некоторое повышение процента характеристик, в которых была предпринята попытка назвать мотивы преступления.

Таблица 22

Соотношение между отдельными сведениями об обвиняемых в зависимости от стажа работы следователя (%)

Сведения о личности обвиняемого	Сведения по группе стажа			
	1-й	2-й	3-й	в среднем по всем группам
Возраст	3,2	3,3	2,7	3,1
Образование	1,5	1,9	1,1	1,5
Внешность	4,7	3,7	3,2	3,9
Биографические данные	5,3	3,9	2,8	3,9
Отношение к труду	9,1	9,8	9,4	9,4
Отношение к людям	20,6	19,7	19,3	18,8
Отношение к себе	2,4	2,4	1,9	2,3
Поведение во время допросов	16,1	17,0	16,9	16,7
Интеллект	6,9	6,3	7,3	6,8
Опыт	1,6	2,0	3,9	2,6
Характер в целом	7,6	8,7	8,5	8,3
Воля	5,1	4,1	4,4	4,4
Эмоции	5,9	8,1	8,3	7,5
Темперамент	1,9	0,9	1,7	1,5
Склонности и интересы	5,9	6,7	5,4	6,1
Мотивы преступления	2,3	1,2	3,2	2,2

Данные этого сравнения позволяют вместе с тем предположить, что в процессе профессиональной деятельности у следователей вырабатывается 'Способность к более глубокому пониманию личности обвиняемого. Видимо, о формировании именно такой способности свидетельствует и тот факт, обнаруженный Н. Ф. Федотовой, что если в характеристиках, полученных от следователей со стажем 5 лет и менее, устойчивые черты личности обвиняемого фиксируются примерно в трети всех высказываний о нем, то у следователей со стажем от 6 до 10 лет указания на эти свойства составили 42% от числа всех суждений об обвиняемом, а у следователей со стажем свыше 10 лет — 45%.

Очень показательны, по нашему мнению, данные, также полученные Н. Ф. Федотовой, в которых выступает зависимость содержания понимания следователем личности, подследственного от типа преступления, в котором тот обвиняется.

Сравнивая характеристики обвиняемых по типам преступлений (табл. 23), можно обнаружить, что доминирующими группами сведений почти во всех случаях являются отношение к труду, отношение к людям и поведение во время допросов (об этом в другой связи уже было сказано). Но наряду с ними, и это надо подчеркнуть особо, в характеристиках высок процент сведений, важных для понимания того, мог ли подследственный совершить то или иное преступление и почему. Так, специфику характеристик обвиняемых в хулиганстве составляют указания на черты, свидетельствующие о том или ином (чаще отрицательном) отно-

Таблица 23

Соотношение между сведениями в зависимости от типа преступления обвиняемого (%)

Сведения о личности обвиняемого	Процент сведений по					
	хулиганству	убийству	изнасилованию	кражам	служебному злоупотреблению	всем типам преступлений
Возраст	3,5	3,3	3,1	2,6	2,7	3,1
Образование	1,4	1,5	3,5	1,5	0,7	1,5
Внешность	4,1	3,2	6,0	4,5	2,6	3,9
Биограф. данные	4,6	4,8	3,2	5,6	1,5	3,9
Отношение к труду	9,2	10,3	10,7	8,2	8,6	9,4
Отношение к людям	23,1	20,6	15,9	20,3	17,6	19,8
Отношение к себе	2,4	1,2	0,5	1,3	4,6	2,3
Поведение во время допросов	16,9	14,6	17,6	16,7	17,8	16,7
Интеллект	5,7	4,0	8,3	7,1	9,6	6,8
Опыт	0,5	1,2	1,2	0,8	7,1	2,6
Характер в целом	7,9	7,2	5,3	10,2	10,6	8,3
Воля	4,6	3,0	5,2	5,6	5,7	4,4
Эмоции	7,0	13,3	6,7	5,8	3,9	7,5
Темперамент	1,6	2,4	0,9	2,6	0,1	1,5
Склонности и интересы	6,9	5,7	11,9	4,4	3,8	6,1
Мотивы преступления	0,6	3,7	—	2,6	3,1	2,2

шению к труду, другим людям. Специфику характеристик обвиняемых в убийстве определяет доминирующее положение 'сведений об эмоциональной сфере. Особенностью характеристик обвиняемых в изнасиловании является увеличение количества сведений об интересах и склонностях 'и об их резко выраженном отрицательном характере.

Процент таких сведений почти в два раза превышает средние данные. Специфика характеристик обвиняемых в служебных злоупотреблениях состоит в частом доминировании сведений об интеллекте и опыте. Сравнительно со средними данными количество свойств интеллекта, названных при характеристике обвиняемых этой группы, увеличилось в полтора раза, а число оценок опыта — в два с половиной раза.

Таким образом, в материалах, которые собрала Н. Ф. Федотова, изучавшая особенности познания других людей 'Следователями, отчетливо выступает определяющая роль деятельности в формировании у ее участников знаний о людях.

Любой конкретный вид деятельности всегда требует от человека проявления совершенно определенных качеств личности, и, по мере того как участники этой деятельности усваивают ее задачи, у них создается тенденция отмечать в человеке такие качества, а также соотносить уровень их развития с требованиями

деятельности. Таким образом, в формирующееся у участника деятельности знание о личности другого человека, сотоварища по деятельности, прежде всего включаются качества личности этого человека, наибольшему проявлению (а следовательно, и познанию) которых данная деятельность благоприятствует. При включении человека в другую деятельность, требующую от него актуализации иных качеств, в формирующемся о «ем мнении участников этой деятельности на первый план выступят новые качества, а те, которые были значимы в условиях первой деятельности, отходят на второй план или подвергаются переоценке.

Факты, собранные Н. Ф. Федотовой, показали также, что, наблюдая за человеком, анализируя, синтезируя, обобщая информацию о нем, люди опираются на свой прежний опыт и круг теоретических знаний о той категории лиц, к которой они его отнесли. И, как показывают те же исследования, уровень квалификации человека-«оценщика» играет очень существенную роль в том, что он «увидит» в другом человеке и какой «приговор» ему вынесет.

Это исследование свидетельствует также о том, что отмечаемые в другой личности качества не структурируются в формирующемся у человека понятии о ней рядоположно. Какие из них начинают играть роль своего рода основы, с которой связываются все остальные важные, по мнению оценивающего, для деятельности характеристики, а какие качества занимают подчиненное положение — это опять-таки связано прежде всего с требованиями деятельности, в условиях которой взаимодействуют оцениваемый и оценивающий, а, во-вторых, это, безусловно, зависит и от индивидуальных характеристик оцениваемого. Указанный факт был специально прослежен Ю. П. Степкиным, исследовавшим на ленинградском заводе им. Козицкого по нашей просьбе понимание рабочими тех качеств деятельности мастера, которые обуславливают его 'социально-психологическую совместимость с коллективом рабочих'.

На основании оценок рабочими девяти позитивных признаков психологической структуры деятельности мастера были выявлены три соотносительных уровня рассматриваемого явления. Каждый из них характеризуется определенными значениями и соотношениями оценок. Так, если на «высоком» уровне оценки рабочими умения мастера организовать работу, поддерживать трудовую дисциплину и знание производства близки к возможной максимальной, то на двух других уровнях оценки этих признаков значительно ниже и достоверно отличаются от оценок признаков первого уровня.

¹ Этими качествами были: 1) умение организовать работу; 2) умение поддерживать дисциплину; 3) знание производства; 4) умение отстаивать интересы бригады; 5) правильное решение производственных вопросов; 6) оказание квалифицированной помощи рабочим; 7) умение советоваться с ними по производственным вопросам; 8) техническая образованность; 9) доступность.

Показательно и соотношение значимостей этих признаков на каждом уровне. Если на «высоком» уровне первое место занимает умение мастера организовать работу, а умение поддерживать дисциплину и знание производства — соответственно второе и третье, то на «среднем» и «низком» уровнях порядок противоположный. Знание производства на «среднем» уровне занимает первое место, а умение организовать работу — только третье. На «низком» уровне ни один из этих признаков не выступает в качестве доминирующего. Прослеживание изменения оценок признаков от одного уровня к другому позволяет выявить значимость того или иного признака в психологической деятельности мастера, как она выступает в глазах подчиненных. Из рассмотренных признаков наиболее значимым является умение мастера организовать работу. Видимо, это наиболее интегральный признак психологической структуры его деятельности, ассимилирующий в себе влияние всех остальных признаков и ими опосредуемый.

Понятно, что в ходе совместной деятельности предварительно сложившееся у человека впечатление о каждом из ее участников не остается неизменным. Однако и в этом случае образ человека и понятие о его личности, меняющиеся со временем у его партнеров по деятельности, продолжают выполнять для них регулятивную роль, оказывая воздействие не только на дальнейшее планирование ими своего поведения, но и на их самооценки.

Динамика межличностного восприятия, а также те изменения, которые отмечаются в содержании понятий о личности друг друга в ходе деятельности у ее участников, изучались в лаборатории ЛГУ В. В. Унгулом и Н. Ф. Федотовой. Первый прослеживал эти изменения в условиях спортивного состязания борцов, а вторая — при решении учащимися гомеостатических задач.

В. В. Унгул проводил свое исследование в два этапа. На первом этапе он изучал изменения в содержании перцептивных образов. На втором этапе исследовался вопрос точности знаний о себе и своем противнике. В обоих случаях испытуемыми у него были студенты ленинградских вузов, занимающиеся борьбой (на первом этапе 60 человек, на втором — 48), различающиеся по уровню спортивной квалификации и по продолжительности занятия этим видом спорта.

Испытуемые, которые в качестве спортивных противников встречались впервые, были разбиты на пары для спортивной борьбы, и каждому из них было предложено дважды охарактеризовать своего противника — сначала перед поединком, а затем после его окончания. В качестве эталона при оценке точности знаний о противнике использовались обобщенные характеристики, данные четырьмя компетентными лицами: старшим тренером борца, тренером, преподавателем по основам физической подготовки и экспериментатором.

Сравнение характеристик, данных борцами до соревнования, с характеристиками, данными друг другу по окончании схватки,

Таблица 24

Частота фиксирования спортсменами-борцами характеристик
облика противника (%)

Характеристики	Мастера и кандидаты в мастера		Перворазрядники		Спортсмены II разряда		Спортсмены III разряда и новички		Общие данные	
	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки
Рост	100		93		93		86		93	
Телосложение	74		80		86		64		76	
Возраст	93		74		26		93		71	
Вес	74		86		58				55	
Развитие рук	58		52		64				44	
Развитие ног	42		20		42				26	
Развитие шеи			7		20		26		13	
Фигура	64		42						27	
Экспрессия лица	36		12						12	
Особые приметы	26		7						8	
Сила	100	100	86	100	93	93	86	100	91	98
Быстрота		52	64	80	86	93	58	74	52	75
Выносливость	100	100	64	80	42	58		36	52	69
Ловкость					64		93		39	
Гибкость	20	33	36	52	58	64	36	52	38	50
«Чувство противника»	64	64	52	64					29	32
«Тягучесть»		36		42		7				21
Техника	100	100	100	100	93	100	64	93	89	98
Тактика	100	100	100	100	93	100	20	58	78	90
Смелость	58	64	36	52	42	58	64	74	50	62
Решительность	36	42	33	52	58	74	26	58	38	57
Инициативность	42	58	58	80	33	80	7	20	36	60
Настойчивость	26	52	20	26	26	58	33	36	26	43
Упорство	58	80	42	58			7	12	27	38
Собранность	33	42	12	26		7			11	19
Хитрость	74	80	42	58		12		7	29	39
Выдержка					20	7		20	5	7
Хладнокровие						36		26		16
Воля в целом							42		11	
Опытность	52	64	33	58		12	20	36	26	43
Перспективность		86		58		58		36		60
Активность		64		36		42		42		46
Жесткость		74		26		7				27
Взрывность		80		58		58				49
Среднее по всем элементам	62	69	50	62	58	51	48	46	41	50

свидетельствует о значительной перестройке содержания их знаний о противнике. Как видно из таблицы 24, во втором случае в характеристики не включается описание внешности противника, со зато дается более полное описание психических свойств его личности; увеличивается частота фиксирования свойств личности, упоминаемых до схватки, и отмечаются новые 'Свойства (активность, жесткость, хладнокровие и др.). Ряд свойств, отмеченных до схватки только борцами высшей квалификации, после поединка отмечается также борцами I и II разрядов.

Как видно из таблицы 24, все характеристики противника, даваемые спортсменами высокой квалификации, значительно полнее характеристик, которые дали спортсмены более низкой квалификации. Это проявляется как в большей частоте фиксаций ряда важных для борьбы свойств (выносливость, особенности техники и тактики, собранность, активность), так и в умении фиксировать такие «тонкие» свойства борца, которые спортсмены более низкой квалификации «е замечают или почти не замечают («чувство¹ противника», «тягучесть», упорство).

Оценки, даваемые борцами высокой спортивной квалификации, как установил В. В. Унгул, отличались также большей точностью, чем оценки, даваемые борцами более низкой спортивной квалификации и с меньшим опытом спортивной борьбы. Средняя величина ошибок в характеристиках, даваемых своему противнику до схватки, у мастеров и кандидатов в мастера в 1,5 раза меньше, чем у цевроразрядников, в 2,2 раза меньше, чем у второразрядников, и в 3,9 раза меньше, чем у третьеразрядников и новичков. Ошибок характеристик противника после схватки у мастеров и кандидатов в мастера в 1,2 раза меньше, чем у борцов I разряда, в 2 раза меньше, чем у борцов II разряда, и в 3,4 раза меньше, чем у третьеразрядников и новичков.

Тот факт, что характеристики противника включают главным образом 'свойства личности, от учета которых зависит успех в соревновании, а также большая содержательность и точность характеристик, данных спортсменами высокой квалификации, свидетельствует о том, что эти знания являются психологической основой для формирования тактики борьбы и как компонент² включаются в тактическое мышление борца во время состязания с противником.

Интересно отметить также, что в исследовании, проведенном В. В. Унгулом, обнаружилось влияние результата поединка на характер оценок и самооценок. Особенно отчетливо оно проявилось у борцов низшей квалификации. После успешно проведенного поединка их самооценки значительно повышались, а оценки противника снижались. Неудача приводил к обратному результату: снижению уровня самооценки и повышению оценки противника.

² Другим обязательным компонентом являются самохарактеристики борцов.

Н. Ф. Федотова и Р. А. Максимова также изучали изменения в суждениях людей друг о друге, когда они решали задачи, требовавшие от них взаимодействия. В качестве испытуемых в этом опыте выступали абитуриенты факультета психологии Ленинградского университета, впервые познакомившиеся друг с другом в момент выполнения экспериментального задания.

Испытуемые в этих опытах объединялись для решения задачи в группы по три человека. Каждый из них последовательно выполнял три задания: 1) используя разработанную экспериментаторами шкалу, характеризовал по первому впечатлению двух своих товарищей по «тройке»; 2) вместе с ними решал гомеостатическую задачу; 3) снова характеризовал своих партнеров, придерживаясь той же шкалы, что и в начале опыта.

Решая гомеостатическую задачу, которая, повторяем, была рассчитана на согласованные действия, испытуемые могли обмениваться информацией в виде: 1) сообщений о положении стрелки на приборе; 2) предложений и команд; 3) соображений о способах решения задачи; 4) выражения согласия и несогласия с предложениями партнеров; 5) вопросов к ним (запроса информации).

Решение гомеостатической задачи, помимо получения данных о степени согласованности действий в группах, позволило оценивать степень активности каждого участника деятельности. Показателем степени активности служило отношение числа предложений, команд и запросов информации, высказанное испытуемыми, к общему числу высказываний.

При обработке характеристик подсчитывались частота оценок и средний балл по каждому из обозначенных на шкале качеств, которые могли быть приписаны оцениваемому. Те же данные подсчитывались и по каждому испытуемому.

Сопоставление характеристик, данных участниками опыта: Друг другу до работы на гомеостате и после такой работы, выявило существенные различия между ними. Вместе с тем эти различия в первой и последующей оценках коснулись не всех перечисленных в шкале качеств личности (всего их было 33), о выраженности которых можно было высказываться, а лишь отношения к труду, к другим людям, а кроме того, качеств воли и ума. По частоте оценок этих свойств различия достоверны ($t = 2,70$ при $t_{табл.} = 2,01$), по среднему баллу — не достоверны.

Значительно повысилась частота оценок и заметно изменился средний балл оценки десяти качеств. Качества эти следующие: • 1) властный; 2) дисциплинированный; 3) решительный; 4) настойчивый; 5) собранный; 6) быстрый; 7) добросовестный; 8) уверенный в себе; 9) умеющий считаться с мнением группы; 10) сообразительный. Особенно сильно изменились оценки последних двух качеств.

Вероятность оценки качества «умеет считаться с мнением других» поднялась с 0,45 в первых характеристиках до 0,93 в ха-

рактеристиках, составленных после работы на гомеостате. Частота оценки сообразительности возросла с 0,31 до 0,83.

Н. Ф. Федотова и Р. А. Максимова, далее, сопоставили степень активности испытуемого при решении гомеостатической задачи со средним баллом, которым его оценили партнеры (то отношению к труду, к другим людям, по волевым и интеллектуальным чертам). Между этими признаками обнаружилась положительная корреляционная связь (Коэффициент корреляции $r = 0,650$). Более высокая корреляция между уровнем активности и средним баллом оценки обнаружена по десяти выборочным качествам ($r = 0,91$; корреляция значима для всех уровней значимости).

Обнаружена зависимость между уровнем активности при решении гомеостатических задач и средним баллом оценок отдельных качеств. Например, корреляция между уровнем активности и уровнем оценки по качеству «властный» оказалась равной 0,495 (коэффициент значим для $p = 0,1$; $/? = 0,05$ и $p = 0,02$). Качество «умеет считаться с мнением других» наиболее высоко¹ оценивалось у лиц с низким уровнем активности, но умевших подчиняться команде лидера.

Продолжая это исследование, Н. Ф. Федотова далее установила, что характер знаний, формирующихся о другом человеке у взаимодействующих с ним людей, зависит от успешности совместной деятельности, а также от ролей, которые им приходится при этом выполнять.

75 молодых людей, которые до этого не общались друг с другом, были объединены в группы, состоящие из трех человек. Каждой группе предлагалось решить задачу, заключающуюся в подборе трех рядов из десяти числовых значений по заданным условиям. Условия были таковы, что для решения задачи требовалась согласованность действий. Чтобы обеспечить ее, членам группы разрешалось вести переговоры между собой.

После окончания эксперимента каждой из групп давались оценки успешности решения. И по тому, как они решали задачу и какое количество времени затрачивали на ее решение, они получали одну из трех (высокая, средняя, низкая) категорий успешности. Вслед за этим каждому члену группы давали оценочные листы и предлагали оценить свойства личности двух своих партнеров, о выраженности которых у оценивающего создалось определенное мнение. Средние оценки личностных свойств Н. Ф. Федотовой сопоставлялись с успешностью грунтового решения и с той функциональной ролью, которую испытуемый выполнял в процессе группового взаимодействия. При сопоставлении данных Н. Ф. Федотовой учитывались не все свойства, а лишь наиболее значимые для данной ситуации (табл. 25).

Как правило, в процессе выполнения групповой задачи происходила ролевая дифференциация. В группе выделялся лидер, который брал на себя руководство групповым взаимодействием? и вносил наибольший индивидуальный вклад в решение задачи.

-Таблица 25

Оценки личностных свойств членов группы в зависимости от успешности групповой деятельности

Качества личности	Успешность группового решения								
	высокая			средняя			низкая		
	лидеры	ведомые	средние данные	лидеры	ведомые	средние данные	лидеры	ведомые	средние данные
Инициативный	4,5	3,3	3,9	4,4	3,4	3,9	3,6	2,9	3,0
Общительный	4,2	3,4	3,7	4,0	3,3	3,5	3,8	3,6	3,7
Разговорчивый	4,0	3,5	3,8	3,9	3,0	3,2	3,1	3,5	3,2
Умеет считаться с мнением других	3,9	3,6	3,8	3,4	3,3	3,4	3,0	3,4	3,2
Тактичный	4,2	3,4	4,0	3,5	4,1	4,0	2,6	3,7	3,2
Скромный	3,5	3,4	3,5	3,2	3,4	3,5	2,8	3,7	3,4
Уверенный в себе	4,5	3,6	3,8	4,3	3,4	3,5	3,7	3,3	3,5
Выдержанный	4,2	3,7	4,0	3,6	3,5	3,6	2,7	3,6	3,2
Умный	4,6	3,7	4,0	4,2	3,4	3,8	2,7	3,2	3,0
Сообразительный	4,6	3,4	4,0	4,5	3,3	3,8	3,3	3,2	3,3
Серьезный	4,4	3,4	4,0	3,4	3,4	3,6	3,5	4,0	3,7
Самостоятельный	4,4	3,5	4,0	4,6	3,4	3,8	3,7	2,9	3,3
Энергичный	4,8	3,2	3,9	4,0	3,4	3,5	3,3	3,1	3,2
Умеет организовать работу	4,1	2,6	3,4	3,9	3,1	3,3	2,8	2,9	2,9
По всем качествам	4,3	3,4	3,8	3,9	3,4	3,6	3,2	3,4	3,3

Наряду с этим в группах были члены, участие которых в групповом решении состояло преимущественно в ответах на запросы информации, согласия с предложениями лидера и выполнении его предложений.

Как видно из таблицы 25 средние оценки наиболее значимых личностных свойств наиболее высоки у членов групп с высокой успешностью решения, ниже у членов групп средней успешности и еще ниже в группах низкой успешности³. Различия оказались еще большими между оценками лидеров в группах высокой, средней и низкой успешности. Средние оценки по четырнадцати наиболее значимым свойствам у лидеров групп 1, 2 и 3-й категорий успешности соответственно составили в этом случае 4,3; 3,9 и 3,2⁴.

В оценках ведомых серьезных различий в зависимости от успешности групповой деятельности в этом опыте обнаружено не

³ Различия между оценками членов групп высокой и средней успешности, а также между оценками членов групп средней и низкой успешности недостоверны. Различия между оценками в группах высокой и низкой успешности близки к достоверным ($t=1,93$ при t табл. = 1,98).

⁴ Различия между данными 1—2-й и 2—3-й категорий групп недостоверны. Различия между оценками лидеров групп 1-й и 3-й категорий успешности достоверны.

было. В группах высокой и средней успешности, а также во всей выборке данных было выявлено значительное превышение средних оценок лидеров сравнительно со средними оценками ведомых. В группах низкой успешности такого превышения оценок лидеров сравнительно с оценками ведомых в данных, полученных Н. Ф. Федотовой, выявлено не было. Даже наоборот, по ряду свойств (тактичный, скромный, выдержанный и др.) оценки ведомых оказались выше оценок лидеров. Можно предположить, что здесь сказалось то избирательное влияние успешности на оценки лидеров, о котором мы говорили выше.

Результаты этого исследования, оцениваемого в целом, позволяют, нам кажется, утверждать, что при взаимодействии определенных лиц в условиях какой-то деятельности у них происходит такая трансформация понятий о личности друг друга, которая прямо определяется ходом этой деятельности, вкладом каждого в ее исход и его соответствием эталонам, имеющимся у каждого из партнеров. Таким образом, содержание понятий о личности другого человека, так же как и содержание его образа (а об этом свидетельствуют ранее выполненные исследования), обуславливается характером, ходом и результатами деятельности. (промежуточными и окончательными). Понятие о другом человеке как личности, как и образ его, связано с целью и характером коммуникаций; а сами эти коммуникации в свою очередь зависят от характера, хода и результатов деятельности. Вместе с тем исследование, осуществленное Н. Ф. Федотовой, вскрыло зависимости связывающие содержание понятий, формирующихся у участников деятельности друг о друге, с теми ролями, которые оценивающие в этой деятельности выполняют. Однако в исследовании Н. Ф. Федотовой было прослежено лишь то, как роль, выполняемая человеком в деятельности, определяет характер оценок которые ему выносят другие люди. Но ведь роль, принимаемая человеком или поручаемая ему в деятельности, не может также не сказаться и на том, как этот человек оценивает других. Роли которые закрепляются за участниками одной и той же деятельности, как правило, означают, что разные участники ее выполняют неодинаковые функции, и они различаются правами и обязанностями по отношению друг к другу. То же самое приходится сказать и о значении положения, занимаемого человеком в неофициальной структуре коллектива. Оно также влияет на то, как один член коллектива оценивает других.

Исследования Кембелла, Экслейна, Шоудрея и др.⁵ достаточно убедительно показали, что лица, находящиеся в группе в положении лидера, имеют тенденцию к завышению своих оценок.

⁵ LeVanNon-'feaf'de'rs⁰ Jo'lsf ate Opinions of TheiOwn Groups.- Journal of Abnormal and Social Psychology, 1952, N 47, p. 51-5/.

ложении лидеров, оценивают остальных членов группы не так, как - «отвергаемые», и даже оценки, которые дают другим людям '«деловой» и «эмоциональный» лидеры группы, не совпадают. Кембелл, если в группе были два таких лидера, пытался установить, кто же объективнее оценивает других людей. Казалось бы, если это эмоциональный лидер, т. е. хранитель секретов других членов группы, если это человек, которому все обиженные в коллективеверяют самое сокровенное, то он должен оценивать людей в микрогруппе наиболее правильно. Однако это предположение не подтвердилось. По данным Кембелла оказалось, что, для того чтобы более или менее верно оценивать других людей, вовсе не требуется быть на пересечении всех интимных зависимостей в ••большом коллективе или в малой группе. У «делового лидера», •если принять факты, полученные Кембеллом, как выяснилось, 'более удобная, чем у эмоционального лидера, позиция для оценки других, и его мнение о них и по этой причине всегда более объективно.

Все отмеченные выше различия в содержании и частных целях выполняемых дел и в официальном и неофициальном положении по отношению к другим участникам деятельности, с одной стороны, способствуют развитию и закреплению у человека — носителя роли тенденции оценивать поведение других участников деятельности под углом зрения занимаемого по отношению к ним положения и выполняемых обязанностей, а с другой — усиливают внимание людей к тем сторонам поведения этого человека, которые говорят им, насколько он сам отвечает требованиям своего положения и выполняемым обязанностям.

Указанная зависимость формирования у субъекта познания понятия о личности другого человека от его официального положения по отношению к этой личности и от тех задач, которые он решает в повседневном общении с ней, отчетливо выступает при •сравнении содержания тех понятий, которые формируются о личности школьников того или иного возраста у их сверстников, с •одной стороны, и у педагогов —• с другой.

Имея данные о том, какими особенностями характеризуется понимание учащихся разных возрастных групп 'их 'сверстниками'⁶, мы предложили педагогам-воспитателям различных классов дать подробные характеристики школьникам, <: которыми они работают. Это задание выполнили 74 человека: 6 воспитателей 5-х классов, 16 —6-х, 23 воспитателя 7-х классов, по 11 человек, работавших в 8-х и 9-х классах, и 7 воспитателей 10-х классов. Всего они дали нам 222 характеристики.

Высказывания воспитателей о различных сторонах личности учащихся были сгруппированы нами в том же порядке, в 1каком - были рассмотрены перед этим суждения учащихся, когда они характеризовали особенности личности сверстников. Было обращено

⁶ См. с. Г49—152 настоящей работы.

также внимание на то, какие стороны личности и¹ как часто каждый из принимавших участие в опытах воспитателей фиксировал в личности школьников.

Проанализированного в этом опыте количества характеристик, конечно, недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы, однако и в полученном материале вполне определенно проявляются особенности понимания личности школьника педагогом, связанные с той ролью, которую последний выполняет по отношению к ученику.

Прежде всего необходимо отметить, что в содержании понятий о личности учащихся, которые формируются у учителей, явно дает себя знать педагогическая профессиональная установка в подходе к школьнику. И в 5, и в 7 и в 10-м классах воспитатели, высказывая свое мнение о личности учащегося, упор делают на ее наиболее значимые в условиях школы стороны. Педагоги, излагая свое 'понимание личности ученика, отмечают такие ее проявления, в которых раскрывается отношение к учению, к людям, к коллективу и познавательно-творческие возможности. При этом процент фиксирования педагогами большинства качеств, в которых эти стороны в личности учащихся 5—10-х классов выражаются, более стабилен и менее подвержен постепенным направленным изменениям, чем процент фиксирования этих же сторон и качеств в личности школьника его одноклассниками. Как в 5-м, так и в 10-м классах педагоги намного чаще самих школьников (в среднем в 15 раз), характеризуя личность ученика, говорят об особенностях его внимания, указывают на особенности речи (в 5-м классе чаще самих учеников в 22 раза, в 10-м классе — в 2 раза). Намного чаще, чем это делают сами учащиеся, педагоги называют качества памяти характеризующих ими школьников. По сравнению с характеристиками личности ученика, авторами которых являются сами школьники, в характеристиках, даваемых ему педагогами, отношение его к учению называется в 5-м классе чаще в 1,5 раза, в 10-м — в 2,9 раза. Такое качество, как дисциплинированность, педагоги выделяют в личности пятиклассника в 2,7 раза чаще, а в 10-м классе — в 7,6 раза чаще, чем это делают одноклассники характеризующих учеников. Чаще, чем школьники, педагоги обращают внимание и на такие черты в личности ученика, в которых выражается его отношение к труду по самообслуживанию (в 5-м и 10-м классах) и к труду на производстве (в 10-м классе).

Все эти данные, конечно, прежде всего говорят о том, что характер задач, решаемых человеком по отношению к другим людям, с которыми он взаимодействует, определяет осознание им сторон и качеств в личности каждого из этих людей. Но, кроме того, полученные в данном исследовании факты свидетельствуют о том, что на содержание понятия о личности конкретного человека, формирующееся у взаимодействующего с ним субъекта, помимо 'общих задач, решаемых субъектом по отношению к этому че-

ловеку совместно с другими людьми, влияют также и частные задачи, решаемые непосредственно только этим субъектом. Оказывается, например, что для прочих равных условиях учителя математики и физики, высказывая свое мнение о личности конкретных учащихся, называют качества ума чаще, чем это делают инструкторы, обучающие ученика работе на станке, обращению с инструментом. Последние, хотя и отмечают у учеников смекалку, скорость образования трудовых навыков, несравненно чаще называют у них отношение к производственному труду, так же как воспитатели в интернате относительно чаще учителей обычных школ указывают, например, на отношение школьника к труду по самообслуживанию и характеризуют особенности его контактов с другими детьми.

Неодинаковость частных задач, решаемых людьми при взаимодействии их с одним и тем же человеком, вызывает различие в их взглядах на его личность и обуславливает в каждом новом случае проявление у них внимания к иным, чем прежде, его сторонам. Но обусловленность различий в понимании одной и той же личности разными людьми тем же частными задачами, которые каждый из них решает в (процессе общения, — не единственное объяснение причин расхождения в их понимании этого человека. В опыте, когда учителя излагали свое понимание личности конкретных учащихся, имели место случаи, когда работающие в одном коллективе и даже находящиеся по отношению к учащимся в одинаковом положении педагоги (воспитатели одного и того же класса в интернате) расходились в оценке личности того или иного школьника. Как показал анализ, это явление может быть результатом действия многих причин.

Часть выявившихся различий объясняется неодинаковой осведомленностью воспитателей о поведении характеризуемых учеников в разных обстоятельствах. Сюда относятся случаи, когда, высказываясь о характере школьника, воспитатель опирается на свои впечатления, образовавшиеся в процессе наблюдений за поведением ученика только в узкой сфере совместной деятельности и общения с ним. Этим, в частности, объясняется большее единодушие педагогов в оценке характерологических качеств ярких (положительно и отрицательно) активных школьников и одновременно большой разницей в оценках характеров так называемых «середнячков» и пассивных в школьных делах учеников. В эту группу входят также случаи, когда воспитатель, формулируя свое мнение о характере школьника, не делает поправки на помехи и отклонения в его поведении, вызванные особенностями взаимоотношений, сложившихся между этим школьником и самим воспитателем, когда, стало быть, ситуационная форма поведения принимается за широко и постоянно проявляемую.

Другая часть различий в толковании характера одного и того же учащегося разными воспитателями объясняется тем, что индивидуальные представления о том психологическом содержании,

которое надо иметь в виду, говоря об определенной черте характера, не полностью тождественны, даже если все учителя считают, что эти черты должны быть высоко развиты в характерах школьников. Одни из воспитателей, например, не называют ученика недисциплинированным, если видят, что для него характерны дисциплина «борьбы и преодоления» (Макаренко), активный поиск поведения, наиболее полезного коллективу. Для других ученик дисциплинирован, если он тих, послушен, исполнительен, а иногда даже безлик.

Такой же разницей в знаниях воспитателей обнаруживается, когда они высказывают свое понимание и многих других качеств личности. Например, из 25 педагогов, которых мы попросили сказать, какого человека они считают умным, 8 испытуемых связали это качество исключительно с широтой знаний, 9 человек заявили, что, по их мнению, умный человек тот, у которого развита способность находить оптимальный способ поведения в данных обстоятельствах. Один человек в этой группе утверждал, что к умным надо причислять людей, умеющих учиться на ошибках, другой — считал умными тех, кто не проходит мимо нового, прогрессивного. Один из преподавателей подчеркнул, что умные, в отличие от других людей, обладают выраженной способностью раскрывать взаимосвязи между явлениями, другой — относил к умным тех, кто все делает последовательно и аккуратно. Один связывал это качество с «выраженной подвижностью нервной системы человека». И, наконец, трое испытуемых раскрыли свое понимание умного человека, дав описание его облика и поведения. Например, один из них, отвечая на наш вопрос, сказал: «У умного — высокий лоб, внимательные глаза (острый взгляд). Чаще всего умный человек спокойный, внимательно следит за всеми и всем. Для него характерна уверенность во взгляде и поступках».

Воспитатели, далее, могут вкладывать одно и то же содержание в такие, например, понятия, как «трудолюбие», «коллективизм», «инициативность», «самостоятельность» и др., но у них могут не совпадать конкретные представления о том, как сильно и широко у ученика должна проявляться тенденция к совершению в определенных условиях определенных (поступков, чтобы можно было бы сказать о высоком, среднем или низком уровне сформированности у него названных черт. И в результате одни из них считают, что развитие характера данного школьника или формирование той или иной черты у него достигло желательного для этого возраста максимума, а другие полагают, что до достижения такой проектной отметки ему еще более или менее далеко.

Эти факты одновременно свидетельствуют о том, что каждый из воспитателей руководствуется при оценке развития как характера учащегося в целом, так и отдельных черт, его составляющих, определенным представлением — «эталоном», с которым он сопоставляет свои впечатления, накопившиеся о каждом школьнике.

Эти «эталоны» соединяют в себе как идейный, так и образный запас знаний о людях, накопленный воспитателем. Каждый из них есть своего рода 'сплав' 'Сформулированных в моральном кодексе строителя коммунизма общегражданских требований к советскому человеку вообще и к школьнику в частности, 'преломленный воспитателем через личный опыт совместной деятельности и общения с разными людьми, в том числе и с учащимися того возраста, к которому относятся характеризующие школьники. В силу неодинаковости этого опыта, разной степени анализа и обобщения его каждым педагогом «эталоны», которыми воспитатели пользуются как измерителями развития личностных качеств каждого учащегося, 'полностью не совпадают.

Очевидно, мы вправе предполагать, что все выявленные выше зависимости, влияющие на содержание формирующихся у разных учителей понятий о личности учащегося, имеют более общее значение, что они дают о себе знать не только в сфере общения педагога и школьника.

Выявляя значение деятельности в образовании знания о личностных качествах ее участников, необходимо видеть и те «белые пятна», которые в таком знании могут быть. При взаимодействии людей только в условиях одного вида деятельности, а тем более в условиях ее отдельных проявлений у субъекта часто формируется бедное, одностороннее и порой просто неправильное понимание другого человека.

Мы провели 'изучение понятий, формирующихся у учащихся о личности каждого из работающих с ними педагогов. В содержание этих понятий оказались включенными главным образом такие стороны и черты личности учителя, от которых зависит успех; или неуспех его учебно-воспитательной деятельности и которые 'в этой деятельности наиболее ярко проявляются.

Свое мнение об особенностях личности 15 учителей нам высказали пятьдесят юношей и девушек, только что окончивших среднюю школу. Все их суждения по содержанию четко подразделяются на одиннадцать групп. Молодые люди высказывались об идейной убежденности своих бывших наставников, отмечали их общий культурный уровень и широту знаний. Абсолютно все опрошенные дали оценку педагогическому мастерству учителей (насколько хорошо каждый из них вел свой предмет). В характеристиках содержались также высказывания выпускников школы об отношении каждого из учителей к своим обязанностям (любит ли он педагогическую работу или не вкладывает в нее души). В личности учителей отмечались также в ряде случаев отношение каждого из них к себе, качества ума, воли, эмоционально-динамические качества и были предприняты отдельные попытки решить, насколько характеризующий учитель в целом отвечает имеющемуся у каждого школьника идеалу воспитателя. Все без исключения характеристики содержали оценку отношения каждого учителя к учащимся. Особенности этого отношения, по сравнению»

с другими проявлениями личности учителя, были осмыслены недавними выпускниками школы более полно и детально.

В содержании сформировавшихся у юношей и девушек понятий о личности каждого из их бывших учителей оказались отображенными лишь такие качества последних, о которых школьники могли заключить, наблюдая за действиями и поступками учителей в обстановке школы.

Односторонний и ограниченный характер понятия о личности учителя, которое формируется у школьников, хорошо виден и при непосредственном ознакомлении с их высказываниями об учителях. Вот несколько таких высказываний: «Преподаватель химии — Е. А. Б-ч — добрая, чуткая женщина. Пользуется у учеников истинной любовью, иногда в ущерб авторитету педагога. Хорошо знает предмет, хорошо ведет уроки, но недостаточно требовательна к ученикам. Очень мягкий человек, что все-таки я считаю ее недостатком. Уроки проводит живо и интересно, ценит юмор учеников и разрешает его проявлять, поэтому атмосфера на ее уроках очень шумная, но в границах допустимого, и деловой характер урока от этого не теряется. К ученикам относится как к взрослым сверстникам, что, видимо, правильно. Немного больше твердости и немного меньше мягкотелости — лучшего педагога трудно вообразить» (автор характеристики Д.).

«С-ва М. Н. — завуч школы. Блестящее знание предмета выделяло ее среди других учителей. Присущие ей чуткость и отзывчивость, непримиримость к нарушителям и отсутствие штампов в работе, а также высокая эрудиция и внутренняя культура вызывали у учеников уважение к М. Н. Я не слышал из ее уст высокопарных речей. В каждом ее шаге чувствовалась партийность, но не на словах, а в делах. Нужно сказать, что я не был ее любимцем и не раз попадал под ее «огонь», но справедливости ради нужно добавить, что у нее не было любимцев» (автор характеристики Л.).

Особенность формирования у человека понятия о другой личности, зависящая от характера объединяющей людей конкретной деятельности, что сообщает содержанию этих понятий известную односторонность, ярко выступает и в тех характеристиках, которые дают руководители производственных коллективов отдельным работникам.

Вот, например, две характеристики, данные старшим мастером одного из цехов Кировского завода Ленинграда отдельным рабочим этого цеха, которые также иллюстрируют указанную особенность. «Тов. С-на Ольга Михайловна окончила техническое училище. В механический цех пришла токарем 4-го разряда. Тов. С-на учится на 2-м курсе техникума и продолжает работать токарем. Общественной работой занимается с удовольствием. Член комсомольского бюро, ведет культурно-массовый сектор. Хорошая спортсменка. В этой работе активности хоть отбавляй. Но общественная комсомольская работа плохо увязывается с производством»

венной. В отношении к труду С-на проявляет недисциплинированность, и это сказывается отрицательно на качестве работы. В цехе чувствует себя как в гостях. Не любит свою профессию».

«Тов. Д-н Георгий Федорович пришел из технического училища токарем 5-го разряда. Это спокойный, уважительный товарищ. С профессией быстро освоился. Потребовалась помощь наладчика только первое время. В производственном отношении это старательный и настойчивый человек. Может выполнять самые сложные задания, но часто теряет веру в себя. Иногда дело доходит до паники. Требуется к нему особый подход, чтобы заставить его поверить в свои собственные возможности. Так было, например, с составлением комплексного титана, когда Д-н заявил: «Что Вы, товарищ А-в (автор характеристики. — А, Б.), мне не составить!» А сейчас Д-н имеет два комплексных плана и одно рацпредложение. С товарищами замкнутый и вовлечь его в какое-нибудь коллективное дело бывает трудно».

Таким образом, и в последних двух случаях в содержание имеющегося у человека понятия о конкретной личности оказываются включенными -по преимуществу качества, раскрывающиеся в узких рамках конкретного вида деятельности (производства) и связанного с ним общения.

Однако подобный ограниченный и односторонний характер складывающегося у человека впечатления о характеризованных им лицах, к сожалению, отнюдь не мешает ему давать этим лицам обобщенную оценку. Явление, когда на основе психологической оценки поведения человека в условиях одной деятельности индивид выносит затем оценку личности в целом, не замечая узости той эмпирической базы, на которую опирается его общее суждение о другом человеке, в практике общения встречается чрезвычайно часто. У индивида в таких случаях возникает уверенность, что другого человека он знает хорошо и всесторонне, и в дальнейшем это мнение начинает влиять на его поведение по отношению к данному человеку. Естественно, это мнение может оказаться и часто действительно оказывается ошибочным.

Одна из многих положительных сторон движения бригад коммунистического труда, члены которых стремятся жить, учиться и работать по-коммунистически, заключается в том, что члены их общаются друг с другом не только во время работы, но вместе отдыхают, участвуют в общественной жизни, помогают друг другу в учении, в быту. Взаимодействие членов бригад коммунистического труда разворачивается, таким образом, по многим направлениям, 'благодаря чему у каждого из них знания о других', членах бригады таковы, что в совокупности они дают разносторонний, содержательный и правдивый облик товарища по бригаде.

Как духовное 'богатство индивида зависит от широты и характера его связей -с действительностью, так и «богатство» формирующегося у него понятия о другой личности признаками, кото-

рые верно отражают ее содержание, предполагает «богатство» отношений индивида с другими людьми.

Всесторонняя оценка другого человека как личности, фиксирование людьми наиболее существенных ее характеристик (что зависит от широты контактов -с этим человеком и «человековедческих» способностей познающих его лиц) всегда положительно сказывается на качестве прогнозирования поведения этого человека в самых разнообразных ситуациях. Отбор и включение в содержание формирующегося понятия о другом человеке действительно типичных черт его характера, его главных ценностных ориентации, отражение в этом понятии его способностей означают создание совершенной модели личности этого человека, которая затем выступает как необходимое условие для последующего адекватного поведения по отношению к нему тех, кто такую «модель» оказался в состоянии создать.

Несовершенство такого моделирования, с которым связано неумение психологически правильно расшифровать существо оцениваемой личности или каких-то сторон в ней, как правило, имеет своим следствием неоправданный выбор мер воздействия по отношению к оцениваемому, малую эффективность форм контакта с ним, низкую результативность общения.

Таким образом, содержание представлений и понятий человека о других людях и поведение, которое он повседневно по отношению к ним практикует, составляют звенья одной цепи. И зная, как человек оценивает других, что в них для него значимо, на чем он прежде всего фиксирует свое внимание, можно с большой долей вероятности предположить, как он поведет себя, как проявит себя в общении с конкретным лицом. И, с другой стороны, когда старая истина «о человеке надо судить не по его словам, а по его делам» реализуется в Психологическом исследовании общения, она позволяет нам на основе изучения действий и стиля поведения человека по отношению к другим людям выявить особенности, характеризующие отражение им этих людей. По тому, как в совместной деятельности с другими людьми мы ведем себя по отношению к ним, можно с большой долей определенности сказать, насколько глубоко мы их понимаем и правильно оцениваем. Пример, который мы приводим, нам 'Кажется, подтверждает справедливость сказанного.

Нами были изучены стили поведения, проявившиеся при работе с учащимися 7—8-х и 9—10-х классов у 22 воспитателей. По особенностям стиля руководства учащимися воспитатели условно были разделены на три группы: «автократическую», «либеральную», «демократическую». После этого им было предложено выполнить серию заданий, которые требовали от каждого из них: 1) назвать наиболее яркие положительные и отрицательные качества (если они есть), характеризующие, по их мнению, подростков и старших школьников; 2) указать на шкале «полярных профилей», до какого уровня и какие характерологические каче-

егва развиты у большинства названных групп школьников; 3) перечислить, какие качества и какого уровня развития они хотели бы видеть в личности этих учащихся; 4) охарактеризовать определенных учащихся из классов, в которых они работали.

Количественно-качественный анализ полученных от учителей ответов показал, что педагоги, отнесенные к «автократической» группе, сильно недооценивают развитие у учащихся, которых они характеризуют, таких качеств, как коллективизм, инициативность, самостоятельность, требовательность к другим. Одновременно у них преувеличенное представление о «сформированности» у подростков и старших учащихся таких качеств, как неорганизованность, недисциплинированность, лень, безответственность, импульсивность.

Воспитатели, входящие в группу «либералов» (в своих взаимоотношениях с учащимися пассивно-уступчивые), наоборот, полагают, что названные выше первыми качества плюс смелость, общительность, самолюбие, Правдивость развиты у школьников 7—10-х классов до высокого уровня. В отличие от воспитателей из первой группы, они, кроме того, считают, что организованность, дисциплинированность, трудолюбие, ответственность, скромность, выдержка и настойчивость у учащихся, о которых они высказывались, развиты по крайней мере до среднего уровня.

У педагогов, условно отнесенных по особенностям их стиля руководства учащимися к группе «демократов», крайностей, выражающихся в сильной Переоценке развития у школьников 7—10-х классов либо отрицательных, либо положительных качеств, обнаружено не было. Мнения воспитателей с «демократическим» стилем руководства, когда они высказывались о степени сформированности различных качеств личности у учащихся и о желательном уровне их развития, были более разнообразными и индивидуализированными, чем у представителей «автократической» и «либеральной» групп. Выяснилось также, что, оценивая учащихся, воспитатели с «автократическим» и «либеральным» стилями руководства допускают значительно больше ошибок типа «стереотипизация», «действие ореола» и «проецирование», чем представители «демократического» стиля, судящие о личности школьника более точно.

В научной литературе имеются и другие данные, подтверждающие существование указанных зависимостей между характером поведения человека по отношению к другим людям -и его социально-психологической оценкой их личностных особенностей; эти данные были получены при изучении руководителей производственных коллективов, типов врачей, родителей и т. д.⁷ Все они

свидетельствуют и о том, что образ конкретного человека, а также понятие о его личности ни в коей мере не являются результатом анализа индивидом облика, поведения только одного этого человека. На них всегда так или иначе «работает» весь прошлый опыт прямого и непрямого взаимодействия с людьми, накопленный и систематизированный познающим эту личность индивидом. Формы поведения, которые последний Избирает в своем общении с конкретными людьми в настоящем, также теснейшим образом связаны с поведением, которое он практиковал по отношению к подобным людям в прошлом.

ciometric Perceptions of Classmates and Pupils.— Journal of Educational Psychology, 1956, N 47, p. 147—157.

⁷ Butler J. M. The Interaction of Client and Therapist. — Journal of Abnormal and Social Psychology, 1952, N 47, p. 366—378; Crockett W. H., Meidinger T. Authoritarianism and Interpersonal Perception.— Journal of Abnormal and Social Psychology, 1956, N 53, p. 378—382; Gronlund N. E. The General Ability to Judge Sociometric Status. Elementary Student Teachers' So-

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ДРУГОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В повседневной жизни, в рабочей и нерабочей обстановке каждому человеку приходится встречать новых для себя людей. Во многих случаях обстоятельства складываются таким образом, что на основе одного только кратковременного восприятия мы бываем вынуждены оценивать этих людей и выбирать кажущийся нам наиболее разумным способ поведения и действия по отношению к каждому из них. Во всех подобных случаях мы имеем дело с так называемым первым впечатлением и с актами поведения на его основе.

Что же такое первое впечатление, если попытаться более подробно раскрыть содержание данного понятия? Это сложный психологический феномен, включающий в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты. В него всегда входят те или иные особенности облика и поведения человека, оказавшегося объектом познания. Первое впечатление содержит также более или менее осознаваемые и обобщенные оценочные суждения. Наконец, в нем всегда присутствует эмоциональное отношение к тому человеку, который оказался предметом восприятия и оценки.

Первое впечатление формируется как при специальном намерении оценить человека с какой-то точки зрения, так и при отсутствии такого намерения.

Физиологический механизм формирования первого впечатления в основном тот же, что и механизм формирования образа, а затем и понятия о том или ином объекте. Образ человека, формирующийся у познающего его субъекта, выступает как совокупность последовательно совершающихся и друг с другом связывающихся, смыкающихся в единое целое рефлекторных актов, в результате которых перед нами симультанно выступает познаваемый человек в многообразии ему присущих признаков.

Первое впечатление является результатом аналитико-синтетической деятельности, осуществляемой совместной работой первой и второй сигнальных систем. В случае необходимости сформировать обобщенное мнение о человеке на основе непродолжительного наблюдения за ним ведущую роль начинает играть вторая сигнальная система, которая, тесно взаимодействуя с первой сигнальной системой, определяет направление анализа и синтеза данных чувственного отражения.

Рефлекторные акты, результатом которых является образова-

ше первого впечатления, -особенно если его формирование подчинено определенной цели, как правило, протекают при ином уровне Активности- коры больших полушарий, чем акты, результатом которых является восприятие человеком знакомых ему людей, ведущих себя, по его мнению, обычно. Это происходит потому, что в механизм образования первого впечатления включается ориентировочный рефлекс. При появлении в классе незнакомой учительницы, при приходе в бригаду нового рабочего и в массе других подобных случаев эта реакция имеет место.

Физиологические и электрофизиологические исследования (П. К. Анохин, Е. Н. Соколов, И. М. Фейгенберг, Хьюбел, Хенсон, Галамб'ос и др.¹) говорят о наличии в мозге механизмов, которые реагируют не на все раздражители, а лишь на новые и на значимые. Прежде незнакомые человеку люди, с которыми ему предстоит в дальнейшем вместе работать или учиться, если говорить языком физиологии, являются для него новыми и значимыми раздражителями.

Как теперь установлено, ориентировочная реакция — это реакция на новизну, неожиданность, значимость, т. е. реакция на количество и важность информации, которую несет тот или иной, сигнал данному индивиду. Чем, например, больше несоответствие между внешним обликом и поведением нового учителя, впервые вошедшего в класс, и тем, каким его ожидали увидеть ученики, тем большее количество информации о себе он им несет. Ориентировочная реакция угасает при Повторении сигнала, потому что последний, оставаясь физически таким же, несет индивиду все меньшее количество информации.

Ориентировочная реакция связана с развитием у человека способности прогнозировать еще не наступившие события и подготавливаться к ним. Это прогнозирование, как выяснили Д. Н. Узнадзе и Ф. В. Бассин², может быть и неосознаваемым. Основой прогнозирования, проявляющегося при ориентировочной реакции, являются сохраняемые мозгом следы ранее полученной информации, следы временных соотношений, имевших место в прошлом. Этот опыт используется не слепо, а с экстраполяцией связей, обнаруженных в одной группе явлений, на другие, похожие явления. Как сейчас выяснено, процессы вероятностного прогнозирования и сличения играют важную роль в развитии того или иного эмоционального состояния и связанных с ним соматических изменений (И. М. Фейгенберг).

¹ См.: Анохин П. К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса.— В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963; Соколов Е. Н. Вероятностная модель восприятия.—Вопросы психологии, 1960, № 2; Фейгенберг И. М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга.—Вопросы психологии, 1963, № 2.

² См.: Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961; Бассин Ф. В. Сознание и бессознательное.— В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

Впечатление, которое формируется о другом человеке у впервые видящего его субъекта, определяется прежде всего особенностями, присущими облику и поведению воспринимаемого человека. Эти особенности в значительной мере направляют течение познавательных процессов у воспринимающего субъекта и обуславливают содержание его образов восприятия. Вот эксперимент, который, как нам кажется, подтверждает высказанную мысль.

Группе взрослых испытуемых из четырнадцати человек было сказано, что в комнату, где они расположились, несколько раз войдет незнакомый им человек, и перед ними ставится задача, внимательно наблюдая за этим человеком, всякий раз после его ухода записывать впечатление, которое он у них вызовет. В качестве объекта восприятия перед группой выступал двадцатилетний человек, обладавший выраженными актерскими способностями.

В первый раз он приоткрыл дверь в аудиторию, где сидели испытуемые, поискал глазами кого-то и, тихо сказав: «Простите», прикрыл дверь. В следующий раз он, войдя в комнату, со спокойным выражением лица и с руками «по швам» на одну минуту замер у стола. В третий раз, появившись в аудитории, он прошел между столами, за которыми сидели испытуемые, заглянул к одному из них в записи, погрозил пальцем девушке, хотевшей в этот момент заговорить с соседом, потом посмотрел в окно и удалился. Вернувшись в аудиторию снова, он мастерски начал читать, пока его не прервали, басню С. Михалкова. При следующем появлении молодого человека испытуемым было разрешено задавать ему любые вопросы, кроме тех, которые требовали бы от него прямого ответа, какие черты личности он себе приписывает.

Все перерывы между названными сеансами равнялись трем минутам. Незнакомый человек был в поле зрения испытуемых в первый раз десять секунд, во второй, третий и четвертый разы — по одной минуте и в последний раз — пять минут.

Высказывания испытуемых о новом для них человеке после каждой из встреч с ним были сгруппированы в зависимости от того, относились ли они к: 1) характеристике физического облика, 2) его экспрессии, 3) оформлению им своей внешности, 4) выполняемым им действиям, 5) переживаемому состоянию, 6) качествам его личности. Седьмую группу составили высказывания испытуемых об отношении, которое этот человек у них вызвал.

Количество высказываний испытуемых о названных сторонах облика и поведения человека, который был объектом восприятия, на всех стадиях знакомства с ним не оставалось неизменным. Большое число высказываний испытуемых об одних сторонах облика и поведения молодого человека и незначительное число высказываний о других его сторонах оказались обусловленными прежде всего тем, какие особенности своего облика неизвестный человек проявил наиболее сильно на данной стадии. Это хорошо видно в предлагаемой для рассмотрения таблице.

Таблица 26 Фиксирование признаков в зависимости от стадии предъявления

Характеризуемая сторона	Общее число фиксированных признаков	Количество фиксирований на предъявление									
		1-е		2-е		3-е		4-е		5-е	
		абс. цифра	%	абс. цифра	%	абс. цифра	%	абс. цифра	%	абс. цифра	%
Физический облик	149	60	40	40	27	28	19	18	12	3	2
Экспрессия	93	18	19	8	9	27	29	29	31	11	12
Психическое состояние	22	1	5	6	27	4	18	4	18	7	32
Действия	39	5	13	11	28	12	31	6	15	5	13
Оформление внешности	114	41	36	42	37	20	18	6	5	5	4
Психические свойства	95	1	1	—	—	3	3	35	37	56	59
Отношение испытуемых к воспринимаемому человеку	6	1	17	—	—	—	—	—	—	5	83

Как видно из таблицы, на первых стадиях знакомства с новым для себя человеком испытуемые отразили главным образом черты его физического облика и особенности оформления им своей внешности. Это и понятно. Поведение человека, который был объектом восприятия на этих стадиях, его выразительные движения и действия были сведены к минимуму, и у наблюдавших за ним лиц оказалось в этот момент слишком мало данных для заключения о возможных качествах его личности. Иное мы видим на четвертой и пятой стадиях знакомства испытуемых с новым человеком. Первая из них, напоминаем, «открыла» испытуемым этого человека как искусного декламатора, а вторая дала ряд данных для заключения о его интересах, вкусах, кругозоре, привязанностях. И именно на эти стадии приходятся почти все высказывания испытуемых о чертах личности наблюдаемого человека и о том впечатлении, которое он на них произвел. Столь же явно выступает зависимость содержания восприятия испытуемыми этого человека от богатства или бедности его экспрессии на каждой из стадий общения с испытуемыми. Например, при второй встрече с испытуемым человеком, бывший объектом восприятия, старался не обнаруживать своего состояния в мимике и пантомимике, последние специально были сведены в этой «сцене» до минимума. И соответственно, воспринимая на этой стадии показываемого им человека, испытуемые почти не фиксируют в своих отчетах особенностей его экспрессии.

Таблица показывает, что на последнюю стадию знакомства с новым человеком пришлось 32% высказываний испытуемых по поводу его состояния, 59% суждений о его психических свойствах и большая часть суждений (83%), в которых испытуемые выражали свое отношение к новому для них человеку, также была высказана ими опять-таки на этой последней стадии знакомства с ним.

Большая обусловленность первого впечатления теми признаками, которые лучше всего выражены в облике воспринимаемого человека, выявившаяся в изложенном эксперименте, отмечается также Г. Клаусом и Г. Фомэ³. Первый из названных исследователей предъявлял большим группам будущих учителей фотографии учеников, различавшихся степенью выразительности лиц, а второй показывал с частыми остановками (для проведения письменного опроса испытуемых) специально снятый фильм о детях, облик и поведение которых постепенно «обрастали» новыми, поддающимися строгому учету деталями.

Было установлено, что на содержание складывающегося у людей понятия о личности впервые воспринимаемого человека влияют не только сила и яркость Проявления в его поведении определенного качества, частота, с которой это качество обнаруживает себя, но и последовательность, в которой познающие другого человека люди получают знания о разных сторонах его личности.

Значение последнего обстоятельства особенно убедительно выявлено в экспериментах А. Лачинсом⁴. Изучая значение порядка поступающей информации о человеке в формировании впечатления о нем у других людей, Лачинс давал четырем группам испытуемых ряд описаний его поведения. Описания, предложенные одной группе, характеризовали предъявляемого для оценки человека как экстраверта. Сведения, сообщенные об этом же человеке другой группе, наоборот, рисовали его как ярко выраженного интраверта. Третьей и четвертой группам испытуемых были даны комбинированные описания поведения и деятельности человека, ставшего объектом оценки. По первой серии содержащихся в них фактов одна группа могла заключить сначала, что он экстраверт, а по второй — что он интраверт. Другая же группа испытуемых на основе содержания полученных ею сведений могла подумать сначала об этом человеке, что он интраверт, а затем, что он экстраверт.

После этого всем группам испытуемых Лачинс предложил образцы различных ситуаций, и они должны были сказать, как проявит себя в них человек, с некоторыми фактами поведения которого они только что были ознакомлены. Оказалось, что порядок, в котором испытуемым сообщалась информация о новом для них человеке, определил характер предсказания ими типа его поведения (экстравертированного или интравертированного) в различных ситуациях. Вот результаты, которые были получены в описанном опыте Лачинсом:

Характеристики типа поведения человека в различных ситуациях	Процент этих характеристик в группах			
	Э'	ЭИ	ИЭ	И
Экстравертированное	79	52	34	16
Интравертированное	14	36	56	73

Хотя первое впечатление о человеке в первую очередь определяется присущими ему особенностями, но то, каким оно будет — более обобщенным или более конкретным, полным или отрывочным, положительным или отрицательным — зависит от личности того, у кого оно формируется. Здесь действует та же закономерность, которая характеризует отражение человеком любого объекта действительности: «Внешние причины действуют через посредство внутренних условий... Всякое психическое явление обусловлено в конечном счете внешними воздействиями, но любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этому воздействию подвергается»⁵.

Таблица 27

Фиксирование испытуемыми различных сторон облика человека (абсолютные цифры)

Отмеченные стороны	Количество фиксирований испытуемыми													
	П.	Кп.	К.	Х.	Р.	Т.	Б.	Л.	Я.	А.	Шк.	М.	З.	Ш.
Физический облик	4	8	12	7	13	12	15	10	16	14	11	6	10	11
Экспрессия	3	5	9	20	9	2	5	12	5	1	2	5	2	13
Действия	6	—	3	9	1	—	2	4	—	—	—	8	—	6
Состояние	4	3	1	2	1	2	—	—	1	4	1	2	—	1
Оформление внешности	2	3	11	12	10	10	6	9	7	11	12	7	9	5
Психические свойства	6	5	7	6	4	4	6	8	9	11	8	4	15	2

В нашем эксперименте, о котором рассказывалось выше, испытуемые, впервые встретившись с новым для них человеком, отразили его облик и дали оценку ему как личности заметно неодинаково. Таблица 27 показывает, насколько большими оказались индивидуальные различия в отражении тех или иных сторон облика незнакомого человека.

Анализируя результаты количественной обработки отчетов испытуемых о замеченных ими особенностях незнакомого человека, мы можем сказать, что они по-разному полно отразили различные стороны облика. Например, Б. и Я- назвали в два-с лишним раза

³ C l a u s s G. Zur Phanomenologie der Anmutung. Wissenschaftliche Zeitschrift. Leipzig, 1956—1957; Thorne H. Beobachtung von Kinder und Jugendlichen. Basel, 1954.

⁴ L u c h i n s A. Primary—Recency in Impression Formation.—In: C. Hovland (ed.). The Order of Presentation in Persuasion. Yale Univ. Press, 1957.

⁵ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1958, с. 14.

больше признаков в физическом облике нового человека, чем Х. Зато Х. намного детальнее, чем Б. и Я- и остальные испытуемые отобразил особенности экспрессии человека, бывшего объектом восприятия. Ряд испытуемых детально отразили особенности оформления внешности человека — особенности прически, одежды, обуви и пр. Испытуемые А. и З. назвали больше, чем другие испытуемые, психических качеств, которые, как им казалось, были у наблюдаемого человека. Соответственно, каждый из испытуемых, называя те или иные признаки, выделил в облике и поведении незнакомого человека разное число элементов, которые обычно входят в каждую из сторон облика. Так, например, испытуемые Кп. и А. выделили в выразительном поведении незнакомца только мимику, Б. — мимику и позу, Х. выделил мимику, жестикуляцию, походку, голос, дикцию.

Такой же неодинаковой была полнота, с которой испытуемые пытались оценить развитие различных психических свойств в личности воспринимаемого ими человека. Таблица 28 показывает, о каких качествах личности незнакомца сказал каждый из испытуемых, наблюдая одни и те же его действия.

Пока излагались результаты количественного анализа отражения личности человека другими людьми при непродолжитель-

Таблица 28 Качества, отмечавшиеся испытуемыми (по стадиям)

Качества личности	Испытуемые, отметившие данное качество												
	П.	Кв.	К.	Х.	Р.	Т.	Б.	Л.	Я.	А.	Шк.	М.	З.
Кругозор		5		4			5			5	5/3		4,5
Интересы и склонности	4,5	5	5	4,5			4	4	4,5	4/3	4	3	4,5
Способности								5/3		5/2	5/3		
Ум		4,5		5	4,5			5	5	5/2			5
Воля						4	4	5	4			5	4,5
Эмоционально-динамические качества			5		5/2	1	4/2	4	4			5	3/2
Отношение к труду													4/2
Отношение к другим людям				5				4/2	4				5/2
Отношение к самому себе													
Род занятий	4	4	5	4		4,5	4	4	5	4,5	5	4	4
Оценка личности в целом			1,5				5		5				5

Примечание. Числителем обозначены стадии, на которых качество, характеризующее данную сторону личности, названо испытуемым. Знаменатель обозначает число качеств, названных испытуемым при характеристике данной стороны личности.

ном восприятии его облика и поведения, однако оценки тех черт, которые испытуемые видели в этой личности, были разными. Одни оценивали развитие их более высоко, другие — скромнее. Одни, характеризуя развитие черт, в которых выражается отношение людям, отметили вежливость воспринимаемого человека. Другие решили, что он общителен, третьи нашли, что он откровенен, и т. п. Столь же неоднозначным было и отношение, которое возникло у испытуемых к «объекту» наблюдения. Шесть испытуемых отметили, что он симпатичен, располагает -к себе, приятен. На двух человек он произвел неблагоприятное впечатление. Один испытуемый сказал, что «объект» «симпатии к себе не пробудил, но и антипатии не вызвал». Остальные испытуемые не выразили своего отношения к нему.

Приведенных фактов, по всей вероятности, достаточно, чтобы увидеть, насколько формирование образа другого человека, характер психологической интерпретации его облика и поведения и отношение, которое он к себе вызывает, зависят от личности познающего субъекта. Теперь возникает вопрос, какие конкретные факторы в личности субъекта определяют ход и результаты формирования у него впечатления о других людях.

Предыдущие главы работы были специально посвящены раскрытию особенностей формирования понятия о другом человеке как личности. В них было показано, какое значение для этого процесса и его конкретных результатов имеют эталоны и оценочные стереотипы, которыми располагает человек, выступающий в роли познающего лица; было выявлено значение ряда личностных характеристик субъекта познания и содержания деятельности, объединяющей людей для оценивания ими друг друга. Все эти факторы действуют не только при складывании понятия о личности уже известного нам человека, но и при образовании первого впечатления о ранее незнакомых нам людях.

Теперь следует остановиться еще на некоторых специфических характеристиках человека, которые дают о себе знать, когда он встречается с новым для него лицом.

В очень интересном по использованным методическим приемам исследовании Штрайкленда⁶ было выявлено значение собственного поведения оценивающего человека по отношению к другим людям для выработки у него определенного мнения о них во время встречи. В поставленном Штрайклендом опыте испытуемые наблюдали за двумя работниками, выполнявшими одинаковое задание с равным уровнем успешности. Однако если за действиями: одного лица они могли наблюдать без перерывов, то работу другого они видели лишь эпизодически. Первому лицу они время от времени могли выражать свое одобрение или неодобрение, со вторым человеком у них такой связи не было. Когда во второй части

⁶ Costello T. W., Zalkind S. S. (ed.). Psychology in Administration. N. Y., 1963, p. 14.

эксперимента испытуемым было предложено сказать, который рабочих нуждается в большем контроле, присмотре и опеке, онз яучти все ответили, что первый.

Дальнейшее исследование особенностей, характеризующих об-разование впечатления о другом человеке, дало возможность уста-новить, что в формировании этого впечатления участвует меха-низм «проецирования», заключающийся в том, что познающий -- субъект может «вкладывать» свои состояния в другую личность, приписывать ей черты, которые в действительности присущи ему самому и которые у оцениваемой личности могут отсутствовать. •Феномен «проецирования» очень четко 'прослеживается в работах "Фешбака и Сингера, Мюррея, Сearса, Ньюкома и целого ряда других исследователей.

В исследовании Фешбака и Сингера⁷ испытуемых студентов подвергали несильным электроударам, которые вызывали неприят-ные ощущения. Одновременно этим испытуемым, а также студен-там, составившим контрольную группу, демонстрировался кино-фильм, в котором фигурировал определенный человек. От всех испытуемых требовалось, чтобы они дали оценки качествам лич-ности этого человека, по возможности оценили его состояние. •В результате оказалось, что подвергавшиеся электровоздействию группы испытуемых оценивали человека на экране как более бо-язливого, испуганного, чем это делали испытуемые, входившие в контрольную группу.

Из 'Приведенной ниже таблицы видно, насколько значительным -оказался эффект 'проецирования в группе испытуемых, которые были подвергнуты электровоздействию. Цифры в верхней строчке этой таблицы являются выражением оценки в целом личности увиденного на экране человека как пугливого, боязливого. Цифры •в нижней строчке являются количественным выражением оценки состояния «героя фильма» в четырех из двадцати четырех ситуа-ций, в которых этот «герой» действовал в фильме и на 'которых 'было специально задержано внимание испытуемых.

	Контрольная группа	Эксперимен- тальная группа № 1	Эксперимен- тальная группа № 2
"Боязливый в целом .Боязливый в четырех ситуациях	55,9 8,5	68,9 9,7	74,2 11,2

Явление интерпретации чужого эмоционального состояния пу-тем «приближения» к своему было обнаружено и в эксперименте, проведенном Мюрреем. Одна из групп его испытуемых воспроиз-водила сценки, в которых фигурировало убийство. Затем испыту-

⁷Feshbach S., S i n g e r R. The Effects of Fear Arousel and Suppression - Fear upon Social Perception.— Journal of Abnormal and Social Psychology, 1957, N 55, p. 283—288.

емые этой группы, а также испытуемые, входившие в контроль-ную группу, должны были оценивать определенные, не знакомые-им ранее лица. И опять оказалось, что предварительно созданное Эмоциональное состояние привело к тому, что первая группа ис-пытуемых отмечала в незнакомом человеке такие черты, :как злоб-ность, агрессивность, в то время как другая группа эти черты у тех же самых людей не фиксировала.

Сearс в своих опытах выявил несколько иной тип «проекции» в актах оценки людьми друг друга. По его данным, человек, оце-нивая другого человека, может увидеть и на самом деле видит черты, которые могут быть отрицательными и характеризуют как личность его самого. Испытуемые, в личности которых были ярко» выражены желчность, упрямство, подозрительность, оценивали развитие этих черт у человека, предложенного им для оценки,, значительно выше, чем это делали испытуемые, не обладавшие-названными чертами⁸.

Все исследователи, наблюдавшие явление «проецирования»-при формировании мнения о другом человеке, отмечают, что тен-денция приписывать собственные качества или собственные со-стояния другим людям особенно сильно выражена у лиц, отлича-ющихся малой самокритичностью и слабым проникновением в соб-ственную личность. По данным Ньюкома, эта тенденция в очень большой степени характерна для представителей так называемого' «авторитарного» типа личности и почти не обнаруживается у пред-ставителей «демократического» типа.

Он знакомил в своих опытах представителей этих двух край-них типов друг с другом, а затем каждого спрашивал, как его но-вый знакомый ответит на определенные вопросы (Ньюком эти-вопросы специально подбирал). Представители «авторитарного»-типа, говоря о возможных ответах «неавторитарных» личностей, приписывали им авторитарную манеру высказывания, свои сужде-ния, свои собственные мнения по тем вопросам, которые им пред-лагал проводивший опыт исследователь. Представители «неавто-ритарного» типа личности, ото утверждению Ньюкома⁹, в .подоб-ную крайность не впадали.

Продолжая изучение связанных с личностью оценивающего-субъекта факторов, которые воздействуют на формирующиеся у него впечатления о других людях и обеспечивают большую или меньшую полноту и яркость отражения их личностных особенно-стей, исследователи проблемы познания людьми друг друга до-статочно убедительно установили также, что полнота и характер-оценки другого человека зависят от таких качеств оценивающего, как степень его уверенности в себе, как присущее ему отношение.-к другим людям и связанная с этим отношением всегда имеющаяся у него (но не всегда осознаваемая) «теория» личности.

⁸ Costell o T. W., Zalkind Sh. S. (ed.). Psychology in Administration..

⁹ New k o m b T., Turner R., Converse P. Social Psychology. N. Y.... 1965.

Боссом и Маслоу, изучая, как степень уверенности человека влияет на оценку им других людей, выяснили, что уверенные в себе люди часто оценивают других людей как доброжелательных; и расположенных к ним. В то же время лица, не уверенные в себе, имеют обыкновение смотреть на других людей, как на тяготеющих к холодности и не расположенных к ним¹⁰.

Говоря о причинах проявления у человека устойчивых тенденций при оценке им других людей, нельзя миновать такую важную - «субъективную» причину, как сформированная у человека система понятий, в которой в концентрированном виде находит выражение - весь его опыт познания людей, полученный им как путем личных контактов, так и через другие каналы — чтение художественной литературы, слушание радио и т. д. Сформированный у человека общий взгляд на других людей, место, занимаемое ими — мужчинами и женщинами, стариками и детьми, рабочими и крестьянами, белыми и черными и т. д., в имеющейся у него системе ценностей, всегда и постоянно воздействуют на характер впечатления, которое складывается у человека о любом другом лице.

Гейдж и Кроунбах¹¹, изучавшие действие имеющейся у человека «теории личности» на оценку им других людей, многократно указывают, что люди весьма сильно отличаются друг от друга по проявляемым ими тенденциям оценивать благоприятно или, наоборот, неблагоприятно других. Дубайн, Берк, Нил и Чеслер¹² также нашли, что есть категория испытуемых, устойчиво проявляющих мягкость и значительную долю снисходительности при оценке других, и что есть и другая категория, для которой, наоборот, характерна жесткость в оценках.

Изучение действия имеющейся у человека «теории личности» на оценку им других людей показало также, что впечатление, которое у него складывается о другом человеке, в большой мере - обусловлено его представлениями о том, как личность структурируется и какие черты в ней сопутствуют определенным качествам. Прежде чем привлекать материалы экспериментов, давайте спросим себя: если мы оцениваем человека, например, как агрессивного, не проявляем ли мы одновременно тенденции оценивать его и как высоко энергичного? Или, оценивая его как доброго, не приписываем ли мы ему при этом одновременно и честности?

Опыт Келли¹³, представлявшего одной группе студентов ранее

незнакомой ей лектора как «весьма холодного», а другой — как «очень сердечного», показал, что на предложенные только что вопросы вполне могут быть даны утвердительные ответы. Студенты, которые слушали «очень сердечного» лектора, оценили в нем тактичность, общительность, естественность, общее обаяние, образованность и привлекательность намного выше, чем это сделали студенты, которым перед их встречей с новым лектором было сказано, что он человек холодный.

Упомянутое выше структурирование личности, о которой формируется впечатление, может быть также связано и с тем, насколько оценивающий ее человек в состоянии обобщить всю ту информацию, которая поступает к нему от этой личности.

Е. С. Голлин¹⁴ показывал 79 студентам кинокартину, «героиня» которой — молодая привлекательная женщина — предстала перед ними в пяти различных ситуациях, причем в первых четырех она проявляла резко противоположные с точки зрения норм морали качества личности, а в пятой о ней трудно было сказать что-либо новое, поскольку здесь она была показана просто спокойной идущей с какой-то другой женщиной. После просмотра фильма каждый из испытуемых дал характеристику личности женщины. Полученные характеристики-описания подразделялись на три группы:

1. объединяюще-обобщающие: итоговые впечатления в этом случае интегрировали одинаково все качества, проявившиеся у женщины во всех сценах (таких характеристик было 23%);

2. односторонне-упрощающие: возникшее впечатление исключало «моральную противоречивость» в оцениваемой личности (48% характеристик);

3. разрозненно-отрывочные: во впечатлении рядоположенно, без всякого намека на интеграцию, вошли все качества, о наличии которых у женщины можно было предполагать, наблюдая за ее поведением (подобных характеристик было 29%).

Характеризуя первое впечатление и прослеживая особенности его формирования, нельзя миновать вопроса о том, насколько верным и глубоким оказывается знание о человеке, возникающее у субъекта при первом его восприятии. Первые восприятия, как правило, дают индивиду знание об основных особенностях внешнего облика ранее незнакомого человека — о его поле, росте, телосложении, примерном возрасте, характере оформления внешности. В первом впечатлении почти всегда находят отражение какие-то проявления экспрессии и какие-то действия человека, являющегося объектом восприятия и оценки. Тем не менее образ человека, складывающийся у индивида на основе первого впечатления, всегда содержит неточности, а оценка им черт личности этого человека сплошь да рядом может оказаться поспешным обобщением. От этих ошибок не избавлены даже люди, перед ко-

Голлин Е. С. Forming Impressions of Personality.—Journal of Personality, 1954, N 23, p. 65—76.

¹⁰ Boss J., Maslow A. H. Security of Judges as a Factor in Impressions of Warmth in Others.—Journal of Abnormal and Social Psychology, 1957, N 55, p. 147—148.

¹¹ Cronbach L. G. Processes Affecting Scores on «Understanding of Others» and «Assumed Similarity».—Psychological Bulletin, 1955, N 52, p. 177—193; Gage N., Cronbach L. Conceptual and Methodological Problems in Interpersonal Perception.—Psychological Review, 1955, N 62, p. 411—422.

¹² Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. L. Individual in Society, N. Y., 1962, p. 61—62.

¹³ Kelley H. H. The Warm—Cold Variable in First Impressions of Personality.—Journal of Abnormal and Social Psychology, 1950, N 18, p. 431—439.

торами специально поставлена задача, понаблюдав краткое время за незнакомым человеком, затем как можно точнее воссоздать его облик и психологически правильно оценить его личность. Так, например, в эксперименте, ход и часть результатов которого были изложены в начале этой главы, возраст человека, бывшего объектом восприятия, с точностью ± 2 года определили девять испытуемых из четырнадцати. Остальные испытуемые определили число прожитых этим человеком лет с меньшей точностью. Неправильно употребили существующую рубрику при оценке роста человека, который 'был воспринят, с точностью ± 2 см пять испытуемых, «уменьшили» рост на пять и больше сантиметров четыре человека. Ошиблись в определении цвета глаз шесть испытуемых. Допустили те или иные неточности при характеристике других элементов физического облика человека, за которым велось наблюдение, все испытуемые группы¹⁵. Не смогли избежать ошибок при оценке цвета различных элементов одежды (темно-синий костюм, светло-серая рубашка, галстук синий в белую крапинку, черные матерчатые утепленные ботинки, серые носки) тринадцать человек.

Неточности и разноречия обнаружили в этом опыте и при оценке людьми по первому впечатлению эмоционального состояния, переживаемого человеком в момент наблюдения за ним. Неадекватная же оценка выразительного поведения и состояний, которые в нем проявлялись, породила искаженное представление о чертах личности человека 'при первой встрече с ним.

Если сравнить сложившееся у испытуемых впечатление о чертах личности человека, игравшего роль объекта восприятия, с результатами специально проведенного психологического исследования его личности, условно приняв эти результаты за эталон объективности, то оказывается, что правильно назвали по первому впечатлению черты личности наблюдаемого человека, выражающие его отношение к другим людям, 75% испытуемых из всех высказавшихся об этой группе черт. Неверно оценили эмоционально-динамические качества личности 28% испытуемых, высказавших свое мнение об этой стороне личности. Ошиблись в оценке качеств воли 42% испытуемых. Был определенный процент ошибок в оценках испытуемыми и других сторон воспринимаемой личности. Особенно он был высоким (50% ошибочных суждений), когда испытуемые, анализируя ту небольшую по объему информацию, которую они смогли получить, пытались высказать предположение об основном роде занятий «объекта» наблюдения.

Приведенные цифры говорят о трудностях, возникающих перед человеком, когда ему кого-то приходится оценивать как личность при первом знакомстве. Однако и в указанном эксперименте одни испытуемые справлялись с задачей успешнее, чем другие. Естественно 'Поставить вопрос: от чего это зависело?

¹⁵ Степень правильности оценок испытуемых черт физического облика устанавливалась путем сравнения их с данными об этих же чертах, полученными с помощью антропометрии.

В нашей лаборатории ответ на него пока не получен. Однако в ходе разработки проблемы познания людьми друг друга одним из основных вопросов, привлекающих к себе внимание других исследователей, оказался вопрос о том, насколько способность правильно оценивать психические качества людей у человека генерализована, насколько она выступает у него как такое общее качество, которое характеризует всю его личность в целом. Одна группа ученых на основе полученных ими экспериментальных данных выступила с утверждением, что лицо, которое правильно оценивает определенные категории людей, как правило, столь же успешно проявляет себя по отношению и к остальным категориям. Другие ученые с такой же убедительностью показывают, что сформировавшаяся у человека способность правильно оценивать отдельное качество или определенные категории лиц вовсе не обязательно будет удачно «срабатывать» и во всех других случаях.

В. Клейн и Д. Ричарде¹⁶, считающие, что указанная способность 'может выступать как общее качество личности, основывают свой вывод на результатах опыта, к участию в котором они привлекли 50 взрослых испытуемых. Эти испытуемые по ходу опыта - смотрели 10 озвученных кинофильмов, в которых действовали в обычной будничной обстановке незнакомые им люди. Затем всем испытуемым было предложено сказать, как поведут увиденные ими люди в серии ситуаций, требующих обычно проявления разных качеств личности. При обработке высказываний испытуемых экспериментаторы учитывали, во-первых, степень способности оценивающего предсказывать 'поведение людей в общем («стереотипная точность») и, во-вторых, степень его способности предсказывать различия между характером действий разных лиц («различительная точность»). Характер предсказаний действий пяти первых лиц в кинофильмах, сделанных каждым испытуемым, был прокоррелирован с предсказаниями, относящимися к поведению пяти других лиц. Эти 'корреляции -ранжировались от 66 до 79. Оказалось, что выявленная у человека высокая способность точно оценивать определенных лиц дает себя знать и во всех остальных случаях. В опыте Клейна и Ричардса испытуемые, правильно судившие об одних людях, столь же верно оценивали и других, а испытуемые, совершавшие грубые ошибки при психологической интерпретации одних лиц, столь же сильно ошибались, когда пробовали психологически характеризовать и других лиц, которые ранее им тоже не были известны.

Показатели, характеризовавшие один вид точности оценок человека как личности, которые были 'получены от испытуемых, были в этом опыте скоррелированы с показателями, характеризовавшими другой вид. Полученные интеркорреляции расположились в ряд от 30 до 65, и все они, кроме одной, оказались статистиче-

¹⁶ C l i p e V. B., Richards J. M. Accuracy of Interpersonal perception — a General Trait?— Journal of Abnormal and Sosial Psychology, - 1960, N 60, P. 1—7.

ски достоверными. На основании всех этих данных Клейн и Ричарде сделали вывод, что способность правильно оценивать других может проявляться у некоторых лиц как интегральное свойство, которое «работает» у них при встречах с самыми разнообразными категориями людей¹⁷.

Вместе с тем другими исследователями (Гуилфорд, Ньюком и др.) были получены не менее убедительные данные, заставляющие предполагать, что способность правильно оценивать других, людей является таким свойством человека, которое проявляется лишь по отношению к, определенной категории лиц, и границы «работы» этого 'свойства' прямо связаны с тем, насколько похож или не похож своим внешним обликом и поведением оцениваемый человек на тех людей, с которыми 'познающему субъекту' пришлось в прошлом вместе жить, учиться, работать, отдыхать¹⁸.

Отмечая существование значительных различий в точности первого впечатления об одном и том же человеке у разных людей, необходимо, видимо, еще и еще раз подчеркнуть, что эта точность связана не только с возможностями лица, выступающего в роли субъекта познания, но и с особенностями оцениваемого по первому впечатлению человека. Указывая на трудности правильного суждения о человеке по первому впечатлению, уместно вспомнить слова Ф. М. Достоевского, который, говоря о недостатках простой фотографии фактов, тем самым предостерегал против опасности безапелляционных суждений о людях только на основании первых впечатлений. «Фотографические снимки,—писал Ф. М. Достоевский,— чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, т. е. каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя. Б редкие только мгновения человеческого лица выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль... Фотография же застаёт человека как есть, и весьма возможно, что Наполеон, в иную минуту, вышел бы глупым, а Бисмарк нежным»¹⁹.

Спору нет, в проявлениях личности, отраженных в первом впечатлении, находит выражение ее сущность, поскольку «сущность является, явление существенно» (В. И. Ленин), но, чтобы действительно раскрыть и понять эту сущность, надо увидеть личность во всех ее главных связях с действительностью, т. е. в труде, познании и общении.

Факты показывают, что формирование первого впечатления почти всегда означает отнесение индивидом воспринимаемого лица к одной из групп людей в тех «классификациях типов», которые сложились у него в прошлом. Последующее познание им этого человека при нормальном ходе процесса ведет к раскрытию в нем таких признаков, которые составляют своеобразие его личности и образуют его индивидуальность.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Kr e e h D., Crutch field R. S., Ballach ey E. L. Individual in Society, p. 59—£5.

Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч., т. 19. Спб., 1902, с. 507.

Заключение

Мы закончили" рассмотрение основных вопросов, относящихся к проблеме познания людьми друг друга в условиях повседневной жизни. Как видно из содержания нашей работы, названная проблема, являясь самой психологической из всех психологических проблем, чрезвычайно сложна и представляет большую трудность для изучения. Она включает в себя множество аспектов, научное освещение которых невозможно без самого тесного содружества психологии и других наук: диалектического и исторического материализма, этики, эстетики, социологии, педагогики, физиологии высшей нервной деятельности, этнографии.

Как видно из изложенного, познание людьми друг друга является обязательной стороной их взаимодействия и условием регулирования каждым из них своего 'поведения в соответствии с обстоятельствами и решаемыми в этом взаимодействии задачами. Образы восприятия, представления и формирующиеся у индивида понятия о других людях, концентрируя в себе информацию об этих людях, дают ему возможность действовать по отношению к каждому из них целесообразно.

Восприятие человека человеком — это непосредственное наглядно-образное отражение одним человеком другого. Понятие, складывающееся у индивида о конкретной личности,—это форма его мышления о ней, в которой обобщенно фиксируются признаки данного человека, характеризующие его как субъекта труда, познания и общения.

Занимаясь различными видами деятельности, человек, отвечая на требования каждой из них, обнаруживает то одни, то другие из присущих ему особенностей. Взаимодействующие люди по отношению друг к другу выступают в разных ролях (рабочий, начальник, партнер по команде, артист, зритель, учитель, учащийся и пр.). В связи со всем этим значение сигнализирующих чувственных признаков партнеров по деятельности не остается для воспринимающего их человека постоянным: на первый план выступают те из них, которые в данных условиях особенно важны для успешного решения конкретной задачи.

Деятельность, в которой взаимодействуют люди, определяет и формирование у них понятий о личности каждого из участников деятельности. В формирующееся у индивида понятие о личности другого человека, сотоварища по деятельности, всегда включаются прежде всего те его качества, наибольшему проявлению (а значит, и познанию) которых данная деятельность больше всего благоприятствует.

Любой вид непосредственного взаимодействия людей друг с другом, будь это совместный труд рабочих на производстве, рабо-

та учителя и учеников на уроке, встреча 'Спортсменов на стадионе» неторопливая беседа пенсионеров на скамейке парка, всегда предполагает опору общающихся на многокомпонентную систему знаний и умений, формирующуюся в течение всей жизни человека. При общении человека с другими людьми у него так или иначе актуализируются и функционируют представления и понятия, в которых аккумулированы его знания о моральном и аморальном, прекрасном и безобразном и т. п., т. е. нормы и ценности, характерные для общества, сформировавшего личность этого человека. У него также проявляется в большей или меньшей степени выработанное обществом умение «читать» экспрессию, психологически истолковывать поведение людей, сопереживать им, давать оценку.

В условиях повседневного взаимодействия с различными людьми человек постепенно учится типизировать и классифицировать их, причем в эту классификацию включается большее или меньшее число типов. Наличия такой «классификации» человек у себя, как правило, не осознает, тем не менее отдельные ее «звенья» при познании им других людей постоянно «говорят свое слово», что особенно заметно, когда ему приходится воспринимать незнакомых людей и давать оценку их личности. При обнаружении у познаваемого лица таких же признаков, как те, на основании которых у человека прежде сформировалось понятие об определенном типе личности, он, зная, как ведет себя данный тип в той или иной ситуации, прогнозирует поведение названного лица и избирает для себя по отношению к нему способ действий, которому он привык следовать при общении, с представителями указанного типа.

В образе, который у индивида возникает в процессе общения с другим человеком, в характере понимания им других людей всегда находит выражение сформированность самого познающего человека как субъекта труда, познания и общения. В них проявляется уровень развития его как представителя определенного народа, общественного класса, группы, как члена определенного коллектива. В них выступает также его гражданская и психологическая зрелость, его профессия, сформированные у него нравственно-эстетические требования к людям.

Система образов и понятий, в которых обобщен опыт познания людей и выражены требования к их облику и поведению, складывается в основном под влиянием общества, членом которого он является, и вместе с тем всегда несет на себе печать того неповторимого пути, который прошел человек, формируясь как личность. В связи с этим названная «система» может в одних случаях очень далеко отстоять от действительности и включать в себя большое число неверных представлений и понятий о внутреннем мире людей, мотивах их поведения, их возможностях, общественной ценности. В других же случаях эта система состоит из образов и понятий, верно отражающих и обобщающих психологию тех людей, с которыми индивид так или иначе сталкивался в своей жизни.

Образы и понятия, в форме которых у человека, принадлежащего к современному обществу, отлагается и существует знание людской 'психологии, складываются у него как при непосредственном общении с другими людьми, так и опосредованным путем — через печать, радио, телевидение и пр. У одних людей может преобладать первый путь накопления психологических знаний, и непосредственное общение с другими людьми может быть широким и разнообразным. У других накопление психологических знаний может идти главным образом вторым путем. При ограниченных личных контактах такие люди могут накапливать знания о других людях, сталкиваясь с продуктами их труда, слыша из различных источников об их деятельности, воспринимая оценки, которые дают им коллективы, общество. У третьих преобладания какого-то одного из названных способов познания людей может и не быть, и оба пути могут достаточно плодотворно вооружать индивида знанием человеческой психологии, в одних случаях дополняя друг друга и действуя в одном направлении, а в других — больше или меньше противореча один другому.

Но хотя обычно познание психологии людей и выработка конкретных «эталонов» их оценки формируются у человека благодаря анализу и обобщению впечатлений, получаемых из многих источников, вместе с тем его личному опыту совместного труда с разными людьми и непосредственному общению с ними принадлежит в этом процессе важнейшая роль. Знания, получаемые человеком о других людях при прямом контакте с ними, имея, как правило, сильнейшую эмоциональную окраску, облегчают выработку одних психологических обобщений и критериев оценки людей и затрудняют формирование других.

Дела, поступки конкретных людей, все их поведение в целом в разных обстоятельствах, являясь для отдельного человека источником формирования знаний о каждом из них, вместе с тем в конечном итоге оказываются и показателем правильности этих знаний и оценок. Практика общения, совместного труда, совместной жизни людей является, таким образом, не только источником познания людьми друг друга и не только сферой приложения накапливаемых индивидом знаний о людях, но вместе с тем эта практика выполняет функцию мерила объективности таких знаний.

Образы восприятия людей, понятия о личности каждого из них, участвуя в регуляции действий познающего субъекта, тем самым играют роль фактора, который обуславливает выработку у него определенных форм поведения по отношению к другим людям, ощутимо влияющего на развитие его характера. Наличие в характере человека таких черт, как доверчивость, искренность, общительность, или таких, как подозрительность, неискренность, замкнутость, всегда свидетельствует о том, какого рода люди преобладали в ближайшем окружении человека и своими поступками способствовали формированию у него соответствующих обобщен-

ных представлений о человеческой психологии и развитию адекватных этим 'Представлениям способов поведения.

Образующиеся у человека представления о собственной соматической организации, осознание им этического и эстетического действия своей наружности на окружающих и прежде всего складывающаяся у него оценка своих возможностей как личности также постоянно участвуют в организации его поведения по отношению к другим людям, влияя как на форму, так и на содержание его поступков.

Однако, как правило, образы и понятия, сформировавшиеся при познании человеком самого себя, не прямо определяют характер его поведения по отношению к другим людям. Обычно человек сначала соотносит их с теми представлениями, которые у него складываются о людях, окружающих его.

Хотя знание человеком самого себя всегда образуется на основе многократных сопоставлений и сравнений себя с другими людьми, оно, возникнув и постоянно развиваясь, в свою очередь влияет на формирование знаний о других людях, на оценку их, на отношение к ним.

Переоценка или недооценка себя или верные суждения о своей личности всегда приводят к соответствующему поведению человека по отношению к окружающим. Таким образом, характер поведения человека по отношению к другим людям всегда является показателем не только того, как этот человек представляет себе личность каждого из них, но и того, как он оценивает самого себя.

В повседневной жизни разные виды взаимодействия людей требуют от них неодинаковой меры точности восприятия и понимания друг друга.

Видами деятельности, в которых очень важна точность восприятия и понимания человеком облика и поведения других людей для решения задач деятельности, являются, например, работа педагога, врача, руководителя коллектива, следователя. Так, без знания возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников педагог не может психологически обоснованно проектировать и успешно руководить развитием каждого из школьников в том коллективе, где этот педагог работает. Необходимым условием правильного планирования процесса лечения и его последующей эффективности является хорошее понимание врачом особенностей личности больного. С. П. Боткин, К. М. Быков, П. Б. Ганнушкин, А. Р. Лурия, В. Н. Мясисев, Г. И. Россолимо и многие другие деятели медицины постоянно подчеркивали, что нет болезней, а есть больные люди, и что в конечном итоге каждый человек болеет по-особенному. «Часто не так важно знать,— пишет Пэрри,— какая болезнь у больного, сколько важно хорошо понимать, у какого человека развивается болезнь». К. М. Быков выражает ту же мысль, когда говорит: «Недостаточно вдумчивое отношение к личности больного приводило и приводит всегда к неполному и

несовершенному диагнозу, к неправильному предсказанию и неумелому лечению».

Задача хорошего знания людей стоит всегда и перед руководителями производственных коллективов, администраторами и организаторами. Они должны постоянно изучать кадры и ясно представлять себе сильные и слабые стороны каждого члена того коллектива, которым они руководят.

В решениях нашей партии красной нитью проходит мысль о необходимости учета психологии людей при работе с ними. Чем бы ни был занят, какой бы специальностью ни обладал коммунист, он прежде всего должен иметь дело с людьми, знать и понимать их и уметь к каждому из них подойти.

В ходе строительства -коммунизма достигаются все новые высоты в развитии производства, науки, в подъеме технической к общей грамотности народа, его культурного уровня. Между людьми создаются подлинно коммунистические общественные отношения (экономические, трудовые, идеологические, социально-психологические, семейные и т. д.). В личности строителя коммунистического общества происходят глубочайшие изменения. Моральный¹ и идейный облик человека, складывавшийся на протяжении тысячелетий в условиях недостатка материальных благ, нищеты масс, эксплуатации трудящихся, все дальше уходит в прошлое.

Человек, строящий коммунизм, изменяется и как объект, и как субъект познания. Массовое занятие физкультурой, а также широкое внедрение в жизнь норм, обеспечивающих нервно-психическое здоровье, приводят к постепенному совершенствованию физического облика как младшего, так и среднего и старшего поколения людей. Развитие в людях коммунистической целеустремленности, внутренней собранности, душевной бодрости и оптимизма, формирование в них уважения и доверия к человеку закономерно вызывают у все большего числа людей изменения в экспрессии закрепляя одни ее оттенки и проявления и затормаживая другие. С исчезновением пережитков прошлого в сознании все реже встречаются люди, не желающие и не умеющие трудиться, не ценящие общенародного достояния, равнодушно или хамски-высокомерно относящиеся к другому человеку. Таким образом, по мере строительства коммунистического общества одни вариации личности в окружении каждого человека постепенно исчезают, но все чаще каждый человек будет встречать людей, внутреннее содержание и дела которых полностью отвечают требованиям морального кодекса строителей коммунизма.

Эти изменения, происходящие в облике и внутреннем мире советских людей, необходимо сказываются на содержании тех образов и понятий, которые формируются у познающего этих людей человека.

¹ Быков К. М. Кора головного мозга и внутренние органы, Избр. соч., т. II. М., 1954, с. 377.

Но советский человек меняется не только как объект, но и как субъект познания. Обогащение и усложнение его внутреннего мира необходимо влияет на отражение им других людей. Формирующиеся у него коммунистические идеалы, духовное богатство, моральная чистота сказываются на содержании и уровне тех оценок, которые он дает окружающим его людям. «Другой человек» — это товарищ по общему делу. Его облик, личность, поступки, судьба становятся предметом действенного интереса каждого гражданина Советской страны. И иначе не может быть: поведение в соответствии с принципом: «Человек человеку — друг, товарищ и брат» обязательно предполагает наличие у каждого стремления к хорошему знанию другой личности, к верному пониманию ее внутреннего мира, ее потребностей и возможностей.

Широкое и глубокое внедрение этого принципа в практику повседневного общения и совместной деятельности советских людей потребует и будет сопровождаться непрерывным подъемом не только политической и общеполитической образованности их, но и невиданным ранее повышением уровня грамотности граждан нашей страны в сфере человековедения.

В ходе строительства коммунистического общества связи отдельного человека с другими людьми будут неуклонно развиваться, становиться богаче, шире. Это будет означать создание объективных условий для формирования у каждого человека разносторонних, содержательных и правдивых представлений о людях, которые являются его товарищами по общему делу.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Познание человека человеком как научная проблема	5
Глава 2. Человек как объект познания	16
Глава 3. Восприятие человека человеком {характеристика процесса}	32 ¹
Глава 4. Возрастные и индивидуальные особенности восприятия человека человеком	56
Глава 5. Профессиональные особенности восприятия человека человеком	99
Глава 6. Общие особенности понимания людьми друг друга	111
Глава 7. Возрастные и индивидуальные особенности понимания человека человеком	145
Глава 8. Влияние рода деятельности и положения человека на понимание им других людей	157
Глава 9. Формирование первого впечатления о другом человеке	178
Заключение	193,

Бодалев Алексей Александрович
ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ
ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ

Зав. редакции *Г.*
С. Ливанова

Редактор *В. П. Пазилова*

Художник *А. А. Кущенко*

Художественный редактор
М. Ф. Евстафьева

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
И. А. Мушкова,
С. Ф. Будаева

Тематический план 1982 г. № 20 ИБ
№ 14Н

Сдано в набор 30.07.81. Подписано
к печати 04.01.82. Л-80502. Форма:
60Х90/ю. Бумага тип. № 1. Гар-
«итура Литера туркая. Высокая пе-
чать. Усл. печ. л. 12.50. Уч.-изд. л.
14,39. Ти-раж. 20000 экз. Заказ № 197.
Цена 1 р. 20 к. Изд. Л » 1909.

Ордена «Знак Почета» издательством
Московского университета, 103009,
Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография
ордена «Знак Почета» издательства
МГУ. Москва, Ленинский проспект, 15.